

КОНТР@БАНДА

Ежемесячный журнал о современной русской литературе

Журнал «Контрабанда» основан в ноябре 2007 году на Седьмом форуме молодых писателей в Липках участниками литературного Интернет-журнала «Точка Зрения» (<http://lito.ru>) Алексеем Караковским, Анастасией Яковлевой-Помогаевой и Андреем Белозёровым. Генеральные партнёры журнала — издательство «Современная литература в Интернете» (<http://litseries.ru>) и веб-студия «Web-техника» (<http://webtechnics.ru>).

Журнал приглашает к сотрудничеству литературных критиков и публицистов. Приветствуются юмор, дерзость, интеллект. Не приветствуется академичность, официальность. Публикация литературных произведений осуществляется на коммерческой основе (1 страница — 500 рублей). Заявки на публикацию принимаются по адресу karakovsk@gmail.com. Редакция оставляет за собой права отказа в публикации любых текстов.

Журнал распространяется в Москве, Петербурге, Калининграде, Казани, Перми и Нижнем Новгороде, а также через Передвижную книжную лавку писателей Живого журнала (подробнее см. на официальном сайте). «Контрабанда» является участником журнальных Интернет-порталов «Читальный зал» и «Мегалит»

Официальный сайт журнала: <http://zhurnal.lito.ru>
E-мэйл: karakovsk@gmail.com

Главный редактор — Алексей Караковский.
Литературный редактор — Сергей Алхутов.
Выпускающий редактор — Анна Герасимова.
Верстка — Алексей Караковский.
Фото — Наталья Караковская.

Редакционный совет:

Сергей Алхутов (Москва) — прозаик, редактор Интернет-журнала «Точка Зрения», член Союза писателей Москвы.

Лиене Ациня (Саулкрасты, Латвия) — поэтесса, главный редактор Интернет-журнала «Точка Зрения».

Елена Бондаренко (Железнодорожный) — прозаик, главный редактор Интернет-проекта «Книгозавр».

Алексей Караковский (Москва) — прозаик, музыкант, издатель, член Союза писателей Москвы.

Андрей Моисеев (Москва) — критик, эссеист.

Анна Никольская-Эксели (Барнаул) — детский писатель, Посол Мира «Конвента Народной Дипломатии» в России.

Ольга Таир (Новозыбков) — прозаик, критик, эссеист. Модератор сообщества «Мир книг» books_world.

Дэн Шорин (Тула) — писатель-фантаст, редактор Интернет-журнала «Точка Зрения».

Общественный совет:

Кирилл Ковальджи (Москва) — поэт, прозаик, переводчик, секретарь Союза Писателей Москвы.

Ирина Медведева (Москва) — руководитель литературного конкурса «Илья-премия».

Елена Рышкова (Германия) — руководитель конкурса «Согласование времён» и лигагентства «Русский автобан».

Евгений Степанов (Москва) — кандидат филологических наук, главный редактор журналов «Дети Ра» и «Футурум-Арт».

Перепечатка материалов осуществляется только с письменного разрешения редакции.

Номер подписан в печать 01.08.10 в 18:40. Заказ № 4

Отпечатано в ООО «ИПЦ «МАСКА». Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9. тел.: (495) 510 32 98. www.maska.su, info@maska.su

Свидетельство о регистрации средства массовой информации выдано Роскомнадзором, ПИ №ФС77-38426 от 15 декабря 2009 года.

В НОМЕРЕ:

Он не говорит, каким образом нам досталась вещь, упоминает только о каких-то запутанных интригах, контрабанде, о трениях с законом, о необходимости хранить тайну..

Дэшил Хэммет, «Мёртвые китайянки». Перевод Э.Гюнтера

События	2
Фестиваль «Пересечение границ» — IV в Казани	
Рецепты чтения от Ольги Таир	3
Лариса Теплякова. «Комедия положений»	
Альманах «Лесной орех»	
Елена Гайворонская. «Круговой перекресток»	
Лора Инглз Уайлдер «Домик в прерии»	
Мария Галина. «На двух ногах»	
Лев Аннинский. Стихи трёх сестёр	
Сценография	9
Дмитрий Шпилов. Утомлённые солнцем 2: картина мясом.	
Ольга Таир. Обожаю этих монстров!	
Сергей Студилов. Размышляя о вехах времени и контексте	
Перечитывая классику	12
Виктор Кузнецов. Вера Панова: сентиментальный роман	
Кирилл Ковальджи. Пушкин и Маяковский. Почти что рядом	
Исторический слой	16
Грэйл Маркус. Из книги «Следы губной помады» («Lipstick traces»).	
Консонанс	11
Дмитрий Бебенин. Кардиограмма Питера Стила: «Type-0 Negative»	
История песен	11
Алексей Караковский. You'll Never Walk Alone: Ты никогда не будешь один	
Большая литература	22
Константин Рылёв. Цвета и эмоции (От Гёте до «Пинк Флойд»)	
Технология культуры	27
Сергей Алхутов. У узбеков нет иллюзий	
Письма из ниоткуда	28
Анна Герасимова. Цезаре Павезе — писатель, известный тем, что умер	
Кают-компания	25
Объединение детских писателей «Остров Ю». Интервью с Т. Михеевой и И. Павловой.	
Портрет писателя в интерьере	31
Андрей Моисеев. Разъезд 842. Стихи Алексея Ерошина.	
Точные координаты	33
Сергей Фаустов. Поэты Вологды	
Кунсткамера	36
Елена Бондаренко. Исправить-удалить-ответить.	
Сетевые раскопки	36
Андрей Моисеев. Частушки из трёх строк	
Общество анонимных Интернет-аддиктов	
Дикий гон	43
Бантики-в-слезах. Маленькая идиотка. Новые стихотворения	
Фантом	41
Андрей Скоробогатов. Минус 40.	
Контрабандное чтение	52
Произведения участников фестиваля «Пересечение границ» — IV	
Дарья Верясова. Зелёный кот.	
Ксения Серова. Деревья каменные.	
Ольга Топоровер. Орлёнок	
Сказки Полянской	61
Мария Полянская. Дальние горы	
Издательство — авторам	64

ФЕСТИВАЛЬ “ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ”-IV В КАЗАНИ

Уфф! Фестивальные хлопоты позади, и теперь можно смело сказать: четвёртое «Пересечение границ», состоявшееся 23–24 апреля 2010 года в Казани прошло так удачно, как никогда прежде. За два дня в музее Горького перебывало больше людей, чем на любом из предыдущих фестивалей в Москве и Петербурге. Всё это — благодаря удачно составленной программе (с некоторым перекосом, правда, в поэтическую часть — из-за специфики музея и вообще). В первую очередь порадовали очень мощный кинопоказ, выставка казанских фотографов, хэндмэйд. Передвижная книжная лавка тоже не подкачала — привезли четыре ящика и два рюкзака книг). Путешественница Александра Марчук, рассекавшая по музею в ненецкой шубе была звездой. Анна Русс, ставшая недавно жертвой дорожного инцидента, дошла до музея частично на костылях, частично на руках Андрея Абросимова. Особый кайф участникам доставила казанская поэтесса Олеся Балтусова, показавшая фестивальщикам по Казани и рассказавшая об истории города (я, в частности, в первый раз побывал внутри мечети).

Надо сказать, что фестивалю очень повезло с единомышленниками. Участники оргкомитета Алёна Каримова, Лиля Абдулмянова, Олеся Балтусова и Айрат Бик-Булатов вложили всю душу в наш общий проект и привнесли в него черты собственной яркой индивидуальности. Кафе на улице Баумана, где мы с Наташей Караковской, Лилей Абдулмяновой и Тимуром Алдошиным ещё в феврале задумали проведение фестиваля, заслуживает, конечно, не мемориальной доски, но уважительного упоминания в отчёте.

К сожалению, на второй день фестиваля ангина подкосила меня и Алёну Каримову, так что ведущим стал очень вовремя возвратившийся из Петербурга Айрат Бик-Булатов. Когда дело дошло до выступления группы «Происшествие», стало ясно, что от меня как от вокалиста толку будет мало — так что основной упор мы сделали на песни, исполняемые Натальей Караковской и Алексеем Шмелёвым (он впервые спел вместе с нами свою лучшую песню «Пыль»). После окончания выступления нашу вокалистку окружили поклонники, осыпавшие её комплиментами и подарками. Кроме того, до Казани добрались две уроженки Нижнего Новгорода — Наталья Ручина и Марина Кулакова и поэт из Самары Константин Латыфич. Его отец — выходец из Боснии, так что Костя читал стихи про Сараево со знанием дела. Я в это время торговал книгами и общался с людьми. Всех замечательных казанцев, с которыми мне удалось познакомиться, не перечислить. К окончанию фестиваля моё здоровье окончательно испортилось, я уже даже не был в состоянии таскать коробки с книгами. Спасибо Олеся Балтусовой, которая довезла нас до вокзала. Там мы с грехом пополам закинули вещи в поезд. Я, лишённый дара речи, был вынужден лишь жестикулировать, что со стороны смотрелось, наверно, очень смешно. Выступление «Происшествия» 25 апреля в ЦДЛ, к сожалению, пришлось отменить...

Рефлексия по поводу прошедших событий ещё впереди, но кое-что можно высказать уже сейчас. Фестиваль не мог не иметь местного контекста, и этот контекст тут же появился: что, дескать, в Казани много хороших авторов, но ничего не происходит, а вот приехал Караковский с «Контрабандой», и всё завертелось. На самом деле, это, конечно, не так. Просто в городе, судя по всему, зреет смена культуртрегерских поколений: скажем, если Олеся Балтусова, Алексей Кириллов и Айрат Бик-Булатов в какой-то степени исчерпали свою мотивацию (не забывают,

что 90% культуртрегерства в нашей стране — это подвижничество и меценатство!), это значит, что ещё неизвестные или не вполне оценённые в Казани молодые люди уже придумывают свои собственные проекты, к которым постепенно подтянутся и Айрат с Олесей, и музей Горького — разумеется, в том случае, если совпадут их эстетические концепции. Общаясь с казанцами, я не увидел причин для фатализма.

Если говорить о более сложных вещах, то фестиваль, похоже, подтверждает некоторые мои гипотезы. Литературные проекты всегда достаточно чётко делятся на две части: в одних люди подбираются под идею, в других — идеи под людей. Второе сейчас составляет 90% литературных проектов, а то и больше. Самый невинный случай: ЦДЛ предоставляет площадку автору под его творческий вечер. Автор выбирает тему и старается ей следовать, но в основании действия лежит всё-таки принцип, что люди идут на автора из дружеских побуждений, а не ради искусства. Посему в зале полтора человека и нулевой результат для мировой и отечественной культуры. Некоторые делают хитрее: кооперируются вместе под какой-нибудь надуманной темой типа общего знака Зодиака или общего имени. Несмотря на камуфляж, смысл тот же: главное — набор авторов, и «чтоб все разные», а какие именно, уже не так важно. Если посмотреть на большинство литературных фестивалей, увидеть какую-то эстетическую концепцию в них чрезвычайно трудно — да о ней и не думает никто, кроме автора и иногда читателя-слушателя.

Когда же, наоборот, на первый план выходит идея или хотя бы тема, и уже под неё подбирается всё остальное, выясняется сразу несколько вещей: 1) поэты не привыкли к такому обращению, потому что обычно любое мероприятие направлено только на их саморекламу; 2) ценность текста возрастает в разы — у него появляются новые контексты, литературное окружение и другие совершенно необходимые для функционирования вещи; 3) литература становится интересной тем, кто ничего не пишет, а их критические замечания приобретают особую значимость.

Сейчас на литературных чтениях в зале, как правило, сидят те же самые поэты, и это означает определённое нарушение функциональности: литература, предназначенная для широких кругов интеллигенции, доходит только до профессионального круга. Конечно, это ненормальная ситуация, причины которой кроются в государственной политике в области культуры и образования, живущей своей собственной жизнью. Но оставим вертикали власти её вертикали дела, а что касается фестиваля «Пересечение границ», то он, бесспорно, даёт возможность подняться над мелкими поэтическими разборками и увидеть со стороны и себя, и всё наше искусство, и нашу страну со всем её населением. То, что мы делаем — это просто-напросто патриотизм, но построенный не административном принуждении, как это принято в нашем государстве, а на знании. Благодаря искусству мы узнаём больше о России, делаем свои небольшие открытия о том, что нам нравится, не нравится, кому мы сочувствуем, за кого переживаем, кого ненавидим, и куда — Бог даст — приехали бы в гости. Всё это в совокупности и есть настоящая любовь к Родине, так я считаю.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ

Ведущая колонки — Ольга Таир, автор блога в Живом Журнале **caprice**, модератор сообщества «Мир книг» **books_world**.

Лариса Теплякова. «Комедия положений»

Современная литература в Интернете, 2010 г.

В эту книгу я влюбилась сразу, как только увидела её оригинальную обложку в сообществе «Мир книг» Живого Журнала. Книгу представляла автор Лариса Теплякова, с гордостью рассказывая о составлении сборника и о создании обложки. Оформление книги вышло таким приятным и притягивающим взгляд, что книгу начинают рассматривать даже мужчины. Ещё бы, такая интересная дама на обложке, да ещё совсем не похожая на тощий гламурный стандарт!

Итак, сборник рассказов и очерков о начале пути писателя Ларисы Тепляковой «Комедия положений». Первые три рассказа показались мне ярким калейдоскопом образов, картин быта горожан, людских судеб. Да, наверное, можно удивляться, но рассказы рисуют нашу действительность ярче, многограннее, чем стандартный любовный роман!

Вот история провинциалки, которая сумела высмотреть выгодного жениха, попасть в сильный столичный клан и стать его опорой. Следом идет новелла о двух невестах разных возрастов; как причудливо переплелись две сюжетные линии! Хотите приключения бизнес-леди? Да пожалуйста! И это нам готов подарить автор. А вот обычная девушка, случайно попавшая на глаза авантюристу. К третьему рассказу понимаешь, что автор ох как не прост! От его героев можно ждать всего... Замираешь на минутку, прежде чем перевернуть страничку и начать читать следующий текст.

Вторая половина сборника — это очерки Ларисы Тепляковой о том, как она становилась популярным автором. Это тоже приключения, но особенные. Они не рискованны для здоровья, и всё равно экстрима в них немеряно. Издательский мир притягивает к себе многих, но просто так, без хороших литературных способностей туда не попасть.

Любая работа Ларисы Тепляковой — это не только увлекательный рассказ. Её тексты полны мудрости и оригинальных идей о том, как можно устроить свою жизнь, очерки — просто руководство к действию для молодых авторов.

Ольга ТАИР

Аудитория «Комедии положений», конечно, женская. Каждый рассказ в книге по-своему приковывает внимание, так что нет смысла пересказывать многочисленные мелкие сюжеты. Тут важнее динамика: что за чем следует. Первые несколько рассказов настойчиво лоббируют одну и ту же идею: житейская мудрость — это способ хорошо устроиться, найти кучу денег, выгодно отдать замуж дочь и т.п. Сначала пытаешься принимать этот мессидж за чистую монету, но к рассказу «Комедия положений» (а он четвёртый!) от апологии материальных ценностей начинает уже нешуточно подташнивать. Впрочем, быстро оказывается, что автор именно этого и добивался: в рассказе «Люда» меркантильность уже неприкрыто высмеивается, а в самом интересном, фактурном, на мой взгляд, рассказе «Нелепая любовь» — очень жёстко осуждается. Приходится признать: с первых строк Теплякова завоевала женское читательское доверие (я не знаю наверняка, но чувствую, что Лариса тщательно воспроизводит стилистику женских романов!) для того, чтобы дальше

продвигать идеи, в корне противоположные коммерчески выгодным и, по сути, безнравственным книжкам в мягких обложках! Надо ли говорить, что подобное издание невозможно себе представить ни в ЭКСМО, ни в Рипол-классик — фактически, нигде?

Сейчас очень модны статьи о кризисе в книгоиздании и литературе. По прочтению каждой такой статьи становится очень жалко и издателей, и писателей, потому что первые якобы хотят издавать хорошие книги (денег они хотят, денег), а вторые якобы хотят их писать (на самом деле по требованию редактора почти любой автор соглашается вносить уйму потенциально коммерческих изменений). Вторая часть книги Ларисы Тепляковой рассказывает о том, как устроена работа крупных издательств. И пусть в этом мало нового для опытного человека, но когда речь идёт о судьбе отдельного человека, всё это вызывает настоящее омерзение. Для меня, как писателя, издательства типа ЭКСМО всегда были мусором наподобие газеты «Жизнь». И я никогда не согласился бы там издаваться, потому что у меня есть определённые представления о приличиях, о морали. И мне искренне жаль людей, которые готовы идти на любые компромиссы, лишь бы увидеть книгу со своей фамилией на обложке (содержание книги к этому времени уже не важно). К счастью, Лариса подаёт положительный пример: изучив на себе тупость и некомпетентность крупных издательств, эту книгу она издала за свой счёт. И это правда очень хорошая книга.

Кстати, все читатели отмечают удачную обложку, выполненную художницей Марией Епифановой. И я тоже не буду исключением. Живые и ласковые рисунки, настоящий хэнд-мэйд — это то, что надо, чтобы получилась хорошая и тёплая книга. Тёплая, как фамилия Ларисы.

Алексей КАРАКОВСКИЙ

Альманах «Лесной орех»

Появлением нового литературного альманаха в наши дни никого не удивишь, чуть ли не каждая литературная студия, а их в Москве десятки, если не сотни, выпускает свои сборники-ежегодники. И само по себе это неплохо — именно литературные студии пополняют ряды профессиональных литераторов.

Однако литературный уровень материалов этих альманахов очень неровный и, самое главное, в них нет единого стержня, произведения разнятся не только по уровню, но и по направленности.

Первый номер альманаха «Лесной орех» кардинально отличается от большинства литературных аналогов, выходящих в Москве, почти все поэтические и прозаические произведения подчинены идее решения проблем современности, и тон тут задают очерки Виктора Кузнецова. На примере фермеров, поднимающих щербенистую целину Присурожья, автор показывает, что, несмотря на все трудности, найдутся люди, готовые бороться с вымиранием российской деревни.

Из его очерка о жизни и творчестве Веры Пановой, а также из критических статей Наталии Беленькой и того же Кузнецова мы узнаем, что русскоязычная литература не только за рубежом, но и в Советском Союзе пыталась сказать правду.

Вообще, альманах, плотно заполненный материалами, как реальный лесной орех — ядром, как бы расширяется за счет своих критических статей. Читатель, познакомившись с ними, устремляется в Интернет или библиотеку, для того, чтобы познакомиться с обсуждаемым произведением.

Казалось бы, что общего в «Очерках из американской истории» Александра Беленького и в небольшой повести Ваграма Кеворкова «Мутель-тютель»? Оба произведения показывают, как происходит накопление первичного капитала в период зарождения или возрождения капитализма. Ваграму Кеворкову глазами артиста-гастролера удается воссоздать географически широкую картину времен конца перестройки и начала распада Советского Союза.

Современная жизнь с ее превратностями очень рельефно изображена в рассказах Марины Сальтиной, Аталии Беленькой, Сергея Овчинникова.

Настоящие произведения искусства пробиваются к читателю, к зрителю, несмотря на все препоны — такова основная мысль рассказов «Спасибо остолопу!» и «История одной картины». Даже картины, оставленные природой в камне («Мир живописи в камне» Евгения Кирсанова) становятся достоянием Человека.

Поэтические произведения, в отличие от прозаических, не столь едины в своей направленности, они, скорее, подчинены принципу «много поэтов, хороших и разных».

Это действительно хорошие поэты: как те, которые, что называется, «на слуху», так и те, с кем читатель сталкивается впервые. Важно то, что у каждого поэта свой почерк, свое лицо. Стихи Нины Красновой не спутаешь со стихами Елизаветы Дейк или Игоря Иванченко.

Альманах открывается стихотворением Риммы Казаковой «К биографии поколения», и его заключительная строчка «Мы отмывали грязное время» может стать эпиграфом альманаха.

Остается пожелать «новичку» найти свой круг читателя, расширить его и, увеличив тираж и частоту выхода, стать периодическим журналом!

Иосиф БОБРОВИЦКИЙ

Елена Гайворонская. «Круговой перекресток»

Центрполиграф, 2009 г.

Сделать Выбор, чтобы сохранить себя — такой девиз открылся мне при прочтении романа. Есть романы о чистой любви, есть романы о знаменитостях, просто о жизни... Это роман о Выборе. Так увидела это я.

Каждая человеческая история — это вопрос «Кто ты есть?», «Зачем ты есть?». Может быть ты инженер, так и не достроивший свою жизнь? Или ты торгаш в душе и в деле? А может не торгаш, а Торговец с большой буквы? Или ты мечтатель, пишущий свою жизнь сам?

Читаешь и задаешь себе вопросы, один за другим: что ты сделал, чтобы выжить? А чтобы Жить? Ведь на Круговом перекрестке жизни можно запутаться, как в лабиринте. И, чтобы выбраться надо знать дорогу, знать правила. Либо суметь создать свои, да так, чтоб наверняка. Как сделать выбор: продаться, купить, прогнуться, проторить тропу, построить?

Роман — жизнь. Роман — поиск. Человек растет, меняется и видит жизнь через свою «призму»: «Твой опыт — он только твой, а у меня будет свой собственный». И надо пройти Перекресток, чтоб понять: жизнь может быть простой и может быть счастливой: «Думаешь, все так просто?» — «Да». Все может быть просто, как само слово «да».

Читайте роман о любви, читайте о ненависти, читайте о страсти и читайте между строк Жизнь с ее круговыми перекрестками и мудростью.

Наталья СПЕХОВА

Лора Инглз Уайлдер «Домик в прерии»

Каждый из нас помнит любимые книги, у каждого они — разные. Кому-то нравится Жюль Верн, Буссенар, Марк Твен, кому-то — «Библиотека для девочек». Признаюсь, при всём моём уважении к приключенческой литературе, люблю романы о повседневной жизни — добротные, написанные хорошим литературным языком, с яркими образами, интересным сюжетом. Один из них — роман американской писательницы Лоры Инглз Уайлдер «Домик в прерии». С моей точки зрения, это абсолютный шедевр, детская классика; умная, добрая, интересная книга. Этот роман можно читать в любом возрасте — в нём много юмора и фактического материала времён заселения американцами индейских территорий.

Повествование идёт от имени Лоры, жившей с сёстрами и родителями в Большом лесу, затем среди дикой прерии, на берегу Тенистого ручья, у Серебряного озера. Снежные бури, степные пожары, индейцы, саранча, голод не раз заставляли поселенцев сниматься с места и снова пускаться в путь. Вместе с описанием жизни на каждой странице романа — искренняя любовь к родителям, сёстрам; милые подробности жизни, диалоги, песни отца, стремление матери воспитать маленьких леди. Однако главное, чему научили родители Лору, это любви — к семье, природе, своей стране.

Будучи пожилой женщиной (писательнице было уже 65 лет), Мэри Лора Инглз оторвалась от фермерских дел и стала писать свой первый роман. Он сразу стал популярным — многие американцы увидели в нём детство. Затем появились другие романы, и через несколько лет Лора Инглз Уайлдер стала известной писательницей. Уайлдер дожила до 90 лет и «уже совсем старой женщиной, выходя ранним утром из дома, смотрела, как далеко на горизонте разгорается заря, как по склону холма сбегают вниз тени деревьев, и чувствовала, как весь земной шар, медленно поворачиваясь под ногами, катится навстречу восходящему солнцу».

Елена ЯНГЕ

Мария Галина. «На двух ногах»

Арго-Риск, Книжное обозрение, 2009.

Писать о книжке «На двух ногах» Марии Галиной мне особенно трудно. Во-первых, потому, что Галина один из первых современных поэтов, стихи которого я прочитала и полюбила. Во-вторых, потому, что фантастика, мистика, мифология, традиционный и современный фольклор, лирика — все, что я люблю, соединилось под одной обложкой приятного темного цвета. Словом, если писать о тех литераторах, которые не вызывают у меня никакого внутреннего отклика, я вообще не могу, то в данном случае опасность другая — не справиться с внутренним откликом, не воплотить его в подходящую форму и скатиться до банального дифирамба.

Можно говорить о структуре книги, на мой взгляд, очень интересной. Несколько разделов но связанные между собой в единое целое, перекрестные отсылки объединяют их в гипертекст и в то же время возможно прочтение этой книжки от начала до конца (тот редкий для стихов случай, когда такой способ чтения не бесполезен).

Раздел «Гагарин» возвращает читателя в то время, когда хлопал на ветру транспарант с надписью «Миру — мир!», рыболовецкий колхоз «Красные зори» выполнял план по ловле кефали, в ходу были рассказы о летающих тарелках и инопланетянах, а дети мечтали стать космонавтами. Но это не стереотипный «совок», не застой и серость «под песни Аллы Пугачевой», это «другое что-то». Как и в «Малой глуше», читателю не удастся отделаться от чувства опасности: бабушка не дожидается внучку-пионерку, звезда загорается над селом, всадник на белом коне появляется в окне — значит, это конец света? Ответ мы найдем в последнем разделе книги, а пока не будем забегать вперед.

Гагарин присутствует в этом разделе не только как «символ эпохи» с ее научно-техническими достижениями; это и небесный наблюдатель, печальный, отрешенный, и символ, отсылающий читателя к Апокалипсису (возможно, через Серебряный век, мне невольно вспомнился Вл. Соловьев и его последователи, но настаивать на своей гипотезе не буду): «золотой Гагарин махнул крылом и исчез / в голубой глазури потрескавшихся небес».

Одно из самых трагических и запоминающихся стихотворений «Переписка Бахтина с Турбиным». Основанный на реальных документах, этот текст на самом деле — вечный диалог гения и его трудолюбивого, но не гениального почитателя (хотелось сказать Моцарта и Сальери, но это было бы слишком большой натяжкой, для этого надо изъять из образа Сальери зависть и все «злодейство»). (прошу не воспринимать мое толкование как оценку личности и деятельности настоящего ученого Турбина: я говорю только о персонажах стихотворения).

Разделы «Бестиарий» и «Вокруг света» уводят нас в мифологический мир, в котором у жаб под сердцем «чудный камень безоар», в реках водятся «русалки и сомы и прочие уроды», на загадочном востоке есть «зверь крупнее иных зверей» на двух ногах, а о том, что творится в земле, под живым, липким, зеленым, лучше вообще не думать.

Цикл «Север» — это лирика или эпос? Можно увлечься повествованием о том, как Греттир боролся с мертвецом и как это закончилось, обратить внимание на эпическое «сколько отправил в Хель воинов и купцов / Змей моего меча», а можно задержаться на таких строках: «Я провел свой драккар к пряничным городам / Женщины в белых чепцах там полощут свое белье / Самую белую я в служанки тебе отдам / Я не люблю ее», «Отпусти же, ведьма, дай пройти к нему, / То-то сладко,

крепко, долго обниму, / Нам теперь иные будут сниться сны, / Яблоки глазные кому теперь нужны».

В разделе «И тогда» граница между лирическим и эпическим так же неуловима. Это истории, среди которых можно найти и фантастические, и мистические, и реалистические, и «страшные», и «жалобные» (воспользуемся определениями автора). Снова темы смерти и конца света, но рядом с ними... тема любви: «реснички, щупальца, ниточки весь этот арсенал / для движения, спаривания, любви», «здесь у нас если и можно выжить, то лишь вдвоем, / взявшись за руки, глядя в черный дверной проем / в пламенеющий оком...». Любовь как возможность выжить, спасение от «пламенеющего окоема» это толкование любви, пожалуй, единственное, чем Галина мне не близка.

«Извлечение корня». Библейские и апокрифические герои — рядом с тетей Лизой, дядей Яшей, Юликом. В каком-то смысле все они братья: автор связал их, поместив в одно смысловое пространство.

«Черная простыня». Название раздела дал известный цикл, связанный с современным фольклором, прежде всего со страшилками. Это не единственная ниточка, ведущая к городскому устному народному творчеству. Не только известный фильм, но и не менее известные анекдоты невольно приходят на ум читателю после стихотворения «Штирлиц».

Впечатляет перенос древней мифологии в XX-XXI века: греческой в «Елене», иудейской в «Юдифи». Неожиданная трактовка образов: черты Юдифи обнаруживаются в очкастой школьнице, Елена возрождается в челночнице в китайском пуховике.

Последний раздел перекликается с первым, замыкая все стихотворения книги в тематическое кольцо. В первом разделе Красная Шапочка встречает своего волка, в последнем Машу ждет медведь, а Сережу «что-то еще страшней». И, наконец, автор рассказывает нам о конце света.

«Баба Катя» (признаюсь, одно из моих любимых стихотворений) квинтэссенция Апокалипсиса, народных легенд о загробной жизни и конце света, суеверий и истории. Представления бабы Кати об огненном колесе и покойницкой жизни вполне в духе традиционного фольклора (и мне не раз встречались в экспедициях такие «бабы Кати»). К устному народному творчеству отсылают нас и образы, и даже ритм: «Эх, не выдай черный ворон, красный стяг, / мы еще у зверя спляшем на костях!»

После всего темного и страшного, что мы встречаем на страницах книги, это воспринимается как призыв к надежде и вере, который действительно, чем призыв к любви: любовь слишком хрупка и уязвима. А здесь обещание: «то-то розам будет весело цвести». Знаменательно, что и завершается книжка картиной цветения: «А вокруг все расцветает, как город-сад...»

Галина проводит читателя через страшный мир, через старинную и современную мифологию, сталкивает с мертвецами, русалками, черной простыней, медведем, оставляет в одиночестве «над безглазой хлябью, где ни одного огня», убеждает в том, что «надежды нет», чтобы потом дать надежду. Не рискну предположить, что это сознательный подвох, испытание, но согласитесь, можно и так истолковать. Ведь, в конечном счете, задача любого человека устоять на своих двух, «на развалинах, в рванине, босиком». Спросится со всех — от Штирлица до девочки-пионерки.

Елена ГОРШКОВА

СТИХИ ТРЁХ СЕСТЁР

Стихи трех сестер, выросших в одном доме, можно прочитать как три вариации одной души, но — на разных этапах.

В момент, когда они решили собрать свои исповеди под одну обложку, младшей — двадцать три, средней — двадцать семь, старшей — ого — тридцать девять.

Стихи младшей — Анастасии — нетерпеливое ожидание. Вот-вот явится лунный гость... Вместо этого голосами младенцев орут коты под луной. А когда является — не тот! «Ты и я — как да и нет. Ты и я — как явь и бред». Из надежды в отчаяние и опять в надежду! «Где-то счастье мое живет»... А если счастья нет? А если нет — сдохну всем назло: «Не прижилась!» Этот нервный максимализм — от ожидания любви, от всепоглощающей готовности к любви, от бешеной способности к любви, которая осознается почти как наказание. Первые разочарования изумляют и ошарашивают. «Твоя любовь ко мне велика и глубока, как океан. Но как холодна океанская вода!» — Да не вода холодна, а ты горяча, твое сердце горит, твоя душа летит, не желая знать препятствий.

Средняя сестра, Екатерина, созерцает этот полет со скепсисом и горечью. «На свечу летит мотылек, попадает в жгучий огонь». Бабочкой порхает гений, а его ловят и булавкой прищипливают крылья — от большой любви, конечно. Жизнь гасит порывы, не дает поднять голову. Мечта ускользает, блекнет, как луч луны в свете дня, а свет дня плосок, трезв и убийственен для души. Душа от этой жизни — отгораживается. Все идет в дело: сны и сказки, легенды о русалках и томики Толкиена. Сны несбыточны, русалкам с их хвостами нечего делать в нормальной жизни, сказки быстро кончаются, а впереди — холода. От холодов, от этой реальности душа — прячется.

Старшая — Мария — понимает: от этой жизни не отгородиться. Обернувшись к сестрам, она суммирует свой опыт так: «Отдай себя на растерзанье псам, будь искренним, когда тебя дурачат, поддайся лжи и грех прости. Но сам не слишком верь томящим душу снам». (Екатерина скажет в ответ: вот еще! Не поддамся! Анастасия затаится, но снам — втихую — поверит). Мария выносит из жизни главный урок: терпение. Терпи, дружок, эту муку. Живи просто, мудро и без правил, потому что правила и законы — призрачный бред. Надо смириться с тем, что этот мир и есть единственный удел, и «он, увы, настоящий!». А как душа стремилась в небо, как хотелось вырваться из этого «настоящего»? Но... куда? В черноту абстракций? Где-то маячит журавлик, хочется крикнуть ему: не улетай! — а синица уже в руках, и это завершение сюжета: «не было такого, чтоб журавль, попавши в руки, вдруг не стал синицей».

Екатерина, под ледяным дождем шлепая по лужам, тоже знает, что где-то, в небе, над месивом туч, «разбрызганы звезды», и журавль, наверное, летает, но чтобы все это разглядеть, надо поднять голову. Скептик этого движения не сделает.

Романтик не только сделает — он схватит синицу и... Анастасия держит в руках синицу — как журавля! И с самым неожиданным чувством — она птицу жалеет! «Что за чушь — пичуга в кулаке!» А если журавль шляется где-то в небесах, то он малоинтересен в сравнении с беззащитным комочком на ладони.

Все трое — мечтают улететь с этой земли куда-то.

«Давай оставим эту землю, где мы — незваными гостями»... «Уходишь ты... Ну, что же — возьми с собой меня»... «Я так бы в небе и осталась, но что мне делать там одной?» — говорит средняя.

«Мне б улететь навеки в морозную звездную даль... Нет на земле человека, с которым расстаться не жаль», — говорит младшая.

А старшая, глядя на них думает: летите, летите. «А потом все обрвется в пустоту. Ах, кого подхватит ангел на лету?»

Так что же: притерпеться к холоду?

Средняя упирается: а нам немного и надо, но уж что отогреем — то наше!

Младшая притворяется: «Я маленькая кошка из свиты короля, мне нужно так немножко: не прогоняй меня!» (При случае поцарапает. Между прочим, эта песенка, спетая автором, попала в список хитов соотвествующей компании).

Не верьте, что им нужно немножко: те, кому нужно немножко, стихов не пишут. Но они не надеются на ледяном жизненном ветру удержаться много. Потому и грустят.

Извечный круг терзаний души, пытающейся сохранить тепло в холоде мира.

Можно и в ином контексте прочесть стихи трех сестер: не в «извечном круге» чувств, а на «столбовой дороге» истории.

Тогда надо начинать со старшей.

Мария рождена в конце 50-х, между двумя «оттепелями», когда Сталин еще лежал в Мавзолее в неостывшем гробу. Она выросла под песни Окуджавы, петые ей родителями-шестидесятниками. Она еще застала веру в слово, способное переделать реальность. Она еще присягает «Марине и Анне». Крушение последних бастионов коммунистической утопии в 1991 году и первых бастионов демократической утопии в 1993-м ей не очень важно, но общее нашествие злых сил и проклятость «этого места» она воспринимает с болью и отчаянием. Безумные дни, страшная игра, ложь перемешана с правдой. И это — «мой народ!» Да: «Ты — мой, а я — твоя». Можно сколько угодно гулять по Парижу во сне или наяву, но жить приходится там, где пригвоздил Бог. «Я живу в Боге проклятой, Богом забытой стране, потому что в другой — жить другим, а не мне».

В «другой» — живет Екатерина: в стране русалок, хоббитов, флибустьеров, «белых крыльев и парусов». А что же об этой стране, в которой родилась? А об этой — так: «Я родилась среди развалин, где ни травинки не росло, лишь камни мертвые лежали, да пыль, да битое стекло».

Екатерина родилась среди помпезных лозунгов, в момент, когда Советское государство, собрав последние силы и чуя подступающее бессилие, — справляло столетний юбилей своего основателя и украшала его именем фасады и колбасы. Под этим уже ничего не было. Когда лозунги сдуло, обнажились руины. Отсюда только в сказку. В горький юмор.

Для Анастасии государственной и исторической реальности вообще нет. Освенцим, Великая Отечественная война в ее сознании — какая-то полоумная абракадабра, где перемешаны виновные и невинные. Всю эту историю с ее армиями, вооруженными толпами лучше всего было бы утопить. «В капле утренней росы».

Это желание странно только на взгляд людей, выросших в атмосфере всеобщей веры. Люди, освободившиеся от нее, видят все иначе. Дым Истории отлетает. Дым Отечества рассеивается. Остается — дым очага.

Стихи трех сестер можно прочесть и как три вариации одного вечного сюжета, который, наверное, останется актуальным и в обозримом времени, — странствия души, ищущей Дома.

В 1977 году, когда старшей исполнилось девятнадцать, а ее сестрам соответственно — семь и три, — старшая единственный раз обратилась в стихах к сестрам, видимо, впервые ощутив себя в составе единого с ними клана. Стихотворение содержит все приметы уютного отчего

● РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

жилья, в котором начинается бытие: скрип стульев и дверей, шуршание газеты, шум воды в кране, молчанье детских рисунков и, конечно же, кот, и, конечно же, пес, а прежде всего — добрый Домовой.

Младшие сестры воспримут эти образные приметы, и они войдут в их мир. Включая кота и пса.

Воспримут и то, что Домовой, бродящий по Дому, грустен. А Дом — пуст, потому что он без детей. А в тишину Дома врываются с улицы странные, загадочные звуки-знаки.

Три сестры мечтают о Доме, полном голосов, о Доме — центре мира. Но ни у одной сам Дом центра не имеет. В качестве такого центра можно многое представить себе. Когда-то это была бы печь, которой теперь нет. Теперь это мог бы быть стол. Письменный — как символ умственных трудов. Обеденный — как символ общей трапезы. Это могла бы быть постель. С акцентом на отдохновении от трудов. Или на эротике. Это мог бы быть, наконец, очаг — в любом современном исполнении, вплоть до микроволновки.

Ничего похожего. Дверь — главная деталь Дома! Порог.

У Марии — острейший момент: лирическая героиня, только что указавшая лирическому герою на дверь, смотрит, как он застыл на пороге...уйдет? не уйдет?

У Екатерины мнимая идиллия: лирическая героиня укладывает лирического героя спать. Вместо колыбельной она рассказывает ему, как завтра они поищут дверь в стене.

У Анастасии героиня, зябко ежась, провожает возлюбленного до порога и бросает ему вслед, как серебряные монеты, блики лунного света.

Везде — порог: магическая черта, разделяющая Дом и Мир. Дом — как средоточие непрочной защищенности и мир — как источник непрерывной опасности.

Что в геной памяти трех сестер посылает такие сигналы? Что в их наследственной природе держит их и что мучает? Там скрещиваются: русская земная расчетливая домовитость и русская же текучая нерасчетливая самоотверженность, еврейское "висение в воздухе" в ожидании беды и огненная казачья бесшабашность... Может, все четыре стихии: земля, вода, воздух и огонь есть во всех троих, но в каком соотношении, вряд ли знают они сами. Как не знают и того, ЧТО их спасет и ЧТО защитит в подступающей реальности.

Стихи? Да. Стихи — как форма саморефлексии, самодисциплины, самозащиты. А если хватит поэтической техники — так и форма жизне-созидания, делающая человека счастливым.

Я счастлив процитировать удачное.

У Марии — этюд, соединяющий ясность и горечь:

Любовь стареет: и она не вечна.
Где были прежде россыпи цветов
И буйство трав, — теперь гуляет ветер
И старые бумажки вихрем кружит,
И пыль гоняет на пожухлом пустыре.
А новый рай второй раз не родится:
Нет у Земли ни времени, ни сил
Такою чепухою заниматься.
Моя вселенная стареет, и другие
Свои оазисы в сухом песке раскинут
И будут их лелеять до поры.
А что, скажите, на Земле еще
Имеет право истиной считаться,

Как не любовь? Но здесь ее так мало...

И — подкупающая спокойная готовность все вынести:

Жить я буду без тебя, без тебя,
Замирая, умирая и — любя.
А когда совсем умру
невзначай,
То тебя да не коснется печаль.
Я умру совсем одна, на заре.
Будет холодно и звонко на дворе.

У Екатерины — этюд, отмеченный хорошо взвешенным, но сочным юмором, завершенный в своей лаконичности:

Сидел Платон,
Жевал батон
На камне у большой дороги,
И мысли греческие в нем
Вели неслышно диалоги...

Впрочем, диалоги — почти несбыточность. В мире, где ложь, глупость и боль, говорить невозможно даже с Богом. Мы у него крупницы счастья ворует из-под замка, и рай нам виден только через окошки, а ворота в рай... .

Что ж, ворота для нас закрыты,
Сотни лет они на запоре.
Но мы тоже не лыком шиты,
Мы отыщем дыру в заборе.

Улыбкой прикрыта горечь. Это тоже — попытка сопротивления. Что наше, то наше!

У Анастасии — диптих, полный неуправляемых страстей, отражающий спасительную смену настроений:

Ты ворвался в жизнь мою,
Словно ливень в жаркий день,
Словно солнца яркий луч
В многовековую тень.

Был — как дерево в степи,
Был — как рана на руке.
И растаял, словно след
На морском песке

Это — февральское. А вот мартовское:

Ты ворвался в жизнь мою,
Словно крот в мышиный ход,
Словно боров в огород,
Словно в воду бегемот.

Был — как клякса на листе,
Был — как пеня в густом лесу

● РЕЦЕПТЫ ЧТЕНИЯ ОТ ОЛЬГИ ТАИР

И исчез, как подлый кот,
Спёрший колбасу.

Дети мои! Будут в вашей жизни и коты, и боровы, и бегемоты. Греческие мысли будут неслышно вывихивать вам мозги. Будет холод, будет звон, будет и смерть. И будет то, чего не может коснуться смерть.

Да поможет вам Слово в пору, когда никто из нас уже не сможет вам помочь.

1997

Постскриптум семь лет спустя

В 2004-м Марии сорок шесть, Екатерине тридцать четыре, Анастасии тридцать.

Мария продолжает созерцать горести мира с грустной улыбкой. Что же делать, мир такой. Сердце разрывается? На то оно и сердце... Господь молчит? На то оно и молчание... Все проходит, все исчезает, все обесценивается. Бегут годы, сменяются века, загадочно глядят в вечность тысячелетия, вот уже мост в 2000-й год виден... не видно только конца разочарованиям. Нет, не личным — то, что в твоей судьбе «второго раза» не будет, предначертано, но «второго раза» не будет и в мироздании. «Нет у Земли ни времени, ни сил такую чепуху заниматься».

Ну, и... как жить в такой чепухе?

Улыбаться неизбежности. Лечиться юмором. Не ожидать чудес.

Но душа, обретшая опыт, смирившаяся с судьбой, готовая к тому, что «все оборвется в пустоту», — вдруг спрашивает с надеждой: «Ах, кого подхватит ангел на лету?..» — и сердце трепещет, сжимаясь от надежды, и на мгновение воскресает в нем та доверчивость, с которой вошла когда-то девочка в мир, казавшийся таким звонким, а оказавшийся таким холодным.

Екатерина, не оборачиваясь на старшую сестру и наверное не зная, не слыша холодного звона несбыточности в ее поэтическом мире, — попадает в ту же ноту: «А от Тьмы веет древней тайной, звонким холодом звездной дали — серебристо-певучей, хрустальной, волшебством с оттенком печали».

Если Мария все принимает с печальной улыбкой, — у Екатерины этот оттенок сметается крутым волевым напором. Она старается рассчитать силы, и не Фатум разгадывает, всматриваясь в зеркало бытия, а реальное соотношение сил. Нас ждет беда? Встретим. «Ошибки, промахи, сомненья»? Переживем. Нет надежды? Ничего, надо «сжать упрямо рот» и карабкаться дальше. Дальше и выше... Но с вершины выхода нет? Посмотрим. Господу Богу мы надоели с нашими просьбами? Ну и что! Сотворим нового бога, новое небо, новую землю. Нет двери в стене? Ищи! Не найдешь — твори все заново: «и конец может стать началом!»

Началом — чего?

«Неважно сейчас. Не хочу просыпаться».

Так эта заново сотворяемая реальность — сон? Фантазия? Сказка?

Да, сказка. И не мешайте рассказывать...

При этом замыкании в фантазию вопрос о выходе снимается сам собой. Вернее, он заменяется: нет выхода разуму, зато есть выход энергии. «Повернуть бы назад, да поздно. В пропасть времени сказка канет. Мы ломаем крылья о воздух, обращенный внезапно в камень».

Дети, на глазах которых рассыпалась в прах громада жизни, казавшаяся такой каменной, гранитной, мраморной, видят пепел вокруг, и

говорят: все вернулось к началу, таким мир и был до бога, без бога. Не на кого оборачиваться.

Между «слишком хочется обернуться» и «мы уйдем, не попрощавшись», — маятся душа, убедившая себя, что прощаться не с кем, но так и не примирившаяся с потерей. Раз так, надо оковать себя скафандром воли. «Что поделаешь, так вышло». Есть тропа — иди. Нет тропы — прорубайся. Бессмысленно спрашивать: за что? зачем? Мир — ледяная бездна, бездонная пропасть, безвидная мгла...

Вдоль кромки пропасти гонит вперед беда,

И рвется тропинки нить.

Чтоб удержаться, вовсе не нужно «да»,

Достаточно «может быть».

Но в этом «может быть», выдохнутом из-под забрала, — вдруг отзывается тихий вздох старшей сестры: «Ах, кого подхватит ангел на лету».

Анастасия тоже рассказывает сказку, но без всякой жесткой программности. Интонация веселой баешницы. «Идут девицы красы писаной, сидят другие за темными шторами, и будут вторые глупыми курами, а первые станут хищными лисами».

А ты? Ни с теми, ни с другими. «Я простая кошка» Правда, эта кошка живет в доме, то бишь во дворце, и числится в свите Короля, но гуляет в доме сама по себе и видит счастье только в том, чтобы посмотреть на Короля, когда захочется, а не когда полагается.

Краски яркие, и характер вроде бы веселый, и дом — пестрый, звонкий... Да вдруг и в этом звоне отзывается что-то ледяное. «Новый цвет изобрету, нарисую им мечту, нарисую им любовь... и сотру».

В ярких, прихотливых строках Анастасии, столь не похожих на жестко-четкие строки Екатерины и затаенно-горькие строки Марии, душа вдруг оборачивается туда же: в фантастическое зазеркалье. Жизнь — выдумка, карнавал. «Мы с тобой рисуем маски то веселые, то злые; то крылаты, то бескрылы, то из были, то из сказки...» Вынырнуть из сна — и опять нырнуть. Уйти, не прощаясь. Встретиться и вновь потерять. Жизнь — круг. «Зрачка округлость, сфера Солнца, монеты, кольца и венки».

Иногда кажется, что и в этом ярко-радужном спектре есть линия из палитры Екатерины. «Жизнь вокруг не реальнее бреда». Но у Екатерины эта линия ультрафиолетовая, а тут — инфракрасная. «Надо было тогда... Кто же знал?.. Что же будет теперь и — потом? И ответ «никогда» прозвучал, словно взрезали воздух кнутом».

Дети безвременья противостоят безвременью. Звонко-ледяной мир вокруг. Неотвратимое «никогда» в душе.

Но как по волшебству вдруг распрямляется душа, и чем простодушнее, тем вернее:

Спущусь снежинкой на твой рукав,

Растаю льдинкой в твоих руках,

Цветком подснежным приду весной

И лишь с рассветом развеюсь сном...

Ах, опять сном?..

Держитесь, милые. Летите. Рейте.

И да подхватит вас на лету ангел. Всех троих.

Лев АННИНСКИЙ

УТОМЛЁННЫЕ СОЛНЦЕМ 2: КАРТИНА МЯСОМ

К седьмому мая сего года ситуация вокруг нового фильма Никиты Михалкова «Утомленные солнцем-2: Предстояние» сложилась таким образом, что писать на него очередную ругательную рецензию уже как-то глупо — потому что кто же напишет хорошую? Все технические изъяны давно рассмотрены и высмеяны, режиссер неоднократно пойман на фальсификации истории, фотожабы прелестны, а цитаты из других киношедевров позволяют сделать вывод, что от автора в этом фильме лишь имя в титрах. Но. Не каждый день в России прокат выходит фильм, который заранее продюсерами назван «Великим кино о великой войне» — стало быть, надо идти и смотреть. Невзирая на физиологическую неприязнь к Михалкову в частности и к массовому отечественному кино в принципе.

Тем же, кто фильма еще не видел, о «Предстоянии» нужно знать следующее: расстрелянный в первой части «Утомленных солнцем» комдив Котов оказывается в «Утомленных солнцем-2» живее всех живых, равно как и удачно вскрывший вены Митяй. Каждый из героев пышет здоровьем, а девочка Надя показывает в фильме просто-таки чудеса акселерации — за четыре года, прошедших между событиями первой и второй частей эпопеи, она взрослеет как минимум на пятнадцать лет, и из пятилетней девочки превращается в пионерку с формами взрослой женщины. Что впоследствии и демонстрирует агонизирующему танкисту — увидев сиськи дочери главного героя, несчастный солдатик умирает. У Котова на руке стальная перчатка, на рекламном плакате сжимающая, к стати, немецкий автомат МП-38. Жаль, что без лезвий с улицы Вязов. Эта «Ночь живых мертвецов» отечественной сборки стоит 55 миллионов долларов, снята на деньги налогоплательщиков, хронометраж — 180 минут чистого экранного времени.

Неплохо бы для начала провести черту — где заканчивается политический и общественный деятель Михалков, и где начинается Михалков-художник. Вот Никита Сергеевич объясняется в любви премьер-министру, говоря, что «благодарит Бога за Путина», а вот он же ударяет ногой в лицо удерживаемого своими соратниками нацбола — за то, что яйцами на мастер-классе закидал. Вот Михалков, конфликтующий со своими коллегами из Союза кинематографистов, называет их «жалкими пигмеями», а вот он же рассказывает корреспонденту «Известий» о том, как, находясь на ночной охоте, постеснялся выбросить в диком поле бумажку от леденца, но выползшую из берлоги медведицу рука завалить не дрогнула. Сейчас — «Предстояние», «12» и «Сибирский цирюльник», а там — в прошлом — «Пять вечеров», «Неоконченная пьеса для механического пианино» и «Несколько дней из жизни Обломова». И там же, в прошлом — великий режиссер, а сегодня... Когда (понимаю, очень неудачное сравнение) актер Шварцнеггер сейчас снимается в кино, в голову не приходит мысль, что перед нами губернатор Калифорнии. Когда видишь Михалкова, рассказывающего в эфире «Вестей-24» о предпремьерном показе своего нового фильма в Кремле, как режиссера его не воспринимаешь. Так и ждешь подвоха — вдруг сейчас что-нибудь да и скажет про «Единую Россию». И в этом смысле Никита Сергеевич не разочаровывает; предсказуем, чёрт подери, ожидаемое произносит.

В этом смысле воспринимать фильмы Михалкова как большое кино нужно с оговоркой. Из его предпоследнего фильма «12» патриотизм и партийные идеи так и прут — чеченский вопрос был освещен в соответствии с тогдашними единороссовскими видениями. Пародия на

«Двадцать разгневанных мужчин» Люмета от этого хуже не стала — с тем ансамблем актеров, которые появились в этом длинном метре, на партийную ересь особого внимания не обращаешь. В «Предстоянии» актерский состав ситуации не спасает — им здесь просто нечего играть.

Я искренне пытался понять, как связываются воедино то большое количество маленьких и не очень клипов, которые Михалков обращает в «великое кино о великой войне». «Предстояние» являет собой сборник киноновелл — не более того; несколько короткометражек, связь между которыми возникает посредством взгляда героев друг на друга, как в «Контрдансе» Тины Баркалая. Но это, в общем-то, не грех. Фильмов без сюжета и уж тем более фильмов без смысла отечественный кинопром за последние годы выдал более чем предостаточно. Другое дело, что от изначально закладываемой идеи — показать войну через частную человеческую историю — в «Утомленных солнцем-2» мало что осталось.

Когда в прокат вышли «Спасти рядового Райана» Спилберга и «Груз-200» Балабанова, первого ругали за чудовищный натурализм, а второго — за безысходность. Сегодня многие готовы взять свои слова обратно — Михалков в «Предстоянии» не просто упивается смертью, он выносит ее на первый план. Спилберг нагнетал ужас общими планами и обесчелоченной наполовину картинкой, Балабанов же просто добил «Плотом» Лозы — а могли бы показать разбрызгивающиеся по экрану мозги. В «Предстоянии» главные роли достались оторванным конечностям, шевелящимся внутренностям и крови, перемешанной с грязью — крупным планом, со смакованием всех физиологических подробностей. В советских фильмах про войну такого показать не могли по определению. В российских — можно все. И поскольку, я так понимаю, вопрос о съемках «Утомленных солнцем-3» (не путать с «Цитаделью») уже решен, Михалкову нужно звать в операторы Кристофера Дойла. Только его расфокусированный взгляд сможет спасти зрителя от неминуемого приступа тошноты.

Надо было взять с собой на просмотр секундомер: посчитать, сколько экранного времени занимает мясо, а сколько — человеческие чувства. На этом фоне сцены крещения Нади, бомбежка церкви (прямо как в «Перл Харборе») и разлетающиеся бюстики Сталина кажутся действительно светлыми пятнами. Ах, ну да — немецкая жопа, снятая крупным планом в преддверии акта дефекации; еще чуть-чуть, и начался бы «Аншлаг, Аншлаг!».

Лояльные Кремлю СМИ уже назвали «Предстояние» фильмом, с которого «началось возрождение отечественного кино». Пойдите, оно ведь не умирало.

Я предпочитаю его частично разделять — на российское и на советское. Второго действительно уже быть не может — той страны нет, но фундамент остался. Бытует мнение, что крах отечественного кинематографа наступил ровно с началом перестройки. Но при этом никуда не делась Муратова, со временем появились Попогребский и Звягинцев. Тот же Балабанов. И такое их кино — без батальных сцен, пошлых шуток, примитивных сюжетов и навязываемой ЦК идеологии — все эти годы со скрипом, но снималось. В девяностых — «Три истории», «Про уродов и людей» и «Тоталитарный роман», и сегодня — «Возвращение», «Остров» и «Вокальные параллели». Да, это кино не для всех. У него нет тех кассовых сборов, которые многие бы хотели видеть. Но это другой вопрос.

Советский кинематограф был прибыльным предприятием — совсем не то, что сегодня. Сегодня деньги подают как синоним возрожде-

ния. Для того, чтобы возродить (читай — сделать неубыточной) отечественную киноиндустрию, мало снимать хорошие фильмы — нужно в кинотеатрах возвести на экранах новый железный занавес, самоизолировать от другого мира. Тогда российский кинопром опять станет и успешным, и самым добрым на планете. Хотя советский и таковым никогда не был.

Меня никогда не привлекало кино, в котором слишком много шума, движения и действий. Тем более — напичканное идеологией. И уж совсем — замешанное на воспитании патриотизма. Прошлым летом я пересмотрел «Семнадцать мгновений весны» — серию за серией, чтобы ничего не пропустить. При всей идеальности картинки в очередной раз не тронуло. Никак. Ничем. Следом пересмотрел триеровский «Догвилль», и как будто посмотрел фильм заново. Триер рассказывает историю, но никого ничему не учит. А советское кино не могло не воспитывать — тогда считали, что у него должна быть такая задача. Причем не только в околодокументальных и художественных агитках-открытках про войну и про советский быт, но и в комедиях, где описание этого быта низводилось до абсурда. Во всех этих «Бриллиантовых руках» и «Кавказских пленниках» совок возведен в куб. И сегодня, когда телевизор в очередной раз показывает какую-нибудь комедию Гайдая, я выключаю звук и картинку, и иду на воздух. Потому что Гайдай — это пошлость. Классика, но пошлость. Классика пошлости, если хотите, в девяностых материализовавшаяся в фильмах Эйрамджана и Кокшенова. Такое советское кино тоже, как видно, не умирало.

Единственный, пожалуй, плюс кинопрома разваленной страны — сакральность тем. Были табуированные подходы, запрещенные сюжеты. К фильмам о войне это относилось в первую очередь — показывать судьбы, а не ранения, акцентировать взгляд на глазах, а не на мясе. Михалков, конечно, гений. Он первый, кто додумался выкопать труп Великой Отечественной и выбросить его на общественную свалку. Как герой пролежавшего несколько лет на полке фильма Тенгиза Абуладзе «Покаяние» — вырыл тело своего отца и вывез на мусорку.

То, что «Предстояние» сейчас проваливается в прокате, меня не удивляет. Как и не радует. Мне по большому счету все равно — я не пойду на «Цитадель», не буду покупать диск, не стану смотреть телесериал. Снятая на бюджетные деньги невнятная история долгого пути отца к дочери (и в буквальном смысле тоже) тему массового отечественного кино для меня, пожалуй, закрыла раз и навсегда. Потому что это очередное, инициированное государством, насилие над зрителем. Без смысла. Без катарсиса.

А чтобы провал не был таким заметным (сам я смотрел «Предстояние» практически в пустом зале — как когда-то «Кикс»; десять человек на весь кинотеатр), на просмотр принудительно ведут учеников младших классов — так в последний раз массово вели на показ «Сволочей». Им говорят, что это фильм о войне, что нужно знать историю своей страны. То, что «Утомленные солнцем-2» в любой нормальной стране получили бы прокатный рейтинг R (и это в лучшем случае, скорее бы всего — PG-13, ограничение до 13-ти лет), мало кого интересует. То, что реально расстрелянный в 1938 году комдив Котов не воскрес в 41-м, — мелочь. Сволочи. Без кавычек.

Когда три года назад вышло жвачное продолжение «Иронии судьбы», обозреватели «Афиши» отправили Бекмамбетова в геенну огненную — за посягательство на святое, за плевок в кинонаследие. Переборщили. И рад бы отправить сейчас туда Никиту Сергеевича, да не выйдет. Прибыл батюшка его Сергей Михалков на тот свет и бодро сообщает при-

вратникам: «А я пока ехал сюда, гимн сочинил для загробного царства». «Для какого? — спрашивают у него. — Для Рая или для Ада?» «Для обоих!».

У этого семейства связи везде налажены.

Дмитрий ШИПИЛОВ

ОБОЖАЮ ЭТИХ МОНСТРОВ!

После рецензии на невзрачный и всё равно нашумевший благодаря агрессивной рекламе фильм «Alice in Wonderland» Бартон (см. «Контрабанда», №2(8)) хочу напомнить о значительном проекте Пита Доктера и Дэвида Сильвермана «Корпорация монстров» (Monsters, Inc., Pixar Animation Studios/Walt Disney Pictures, 2001), который сейчас почти не упоминают в прессе, но часто пересматривают дома любители мультипликации.

Фильм получил Оскара в 2002 году в номинации «лучшая музыка», а сюжет, идея как бы прошли незамеченными. На самом деле, сюжетная линия признана удачной по определению, так и должно быть, ведь подобных классных фильмов для семейного просмотра в компании Уолта Диснея создаётся не мало. Поэтому что рукоплескать идее и сюжету? Делать хорошее кино, мультики в Америке стало традицией. Этому не удивляются и принимают без оваций.

Вечный сюжет: герои, искренние и смешные, сталкиваются с тем, что в их мире считается величайшим злом. Страшное опасное существо Маленькая Девочка приближается к ним, добрым лохматым великанам. Она так мала, что кажется букашкой рядом с монстрами, но они от наивной крохи сломя голову бегут. Потом влюбляются в Девочку из другого мира, и в их души приходит покой. Правда, покой относительный, потому что в этот момент начинается отвязный смешной экшен — в общем, это надо смотреть. «Корпорация монстров» — обращение к человечеству: давайте не будем бояться детей. Все хлопоты, что они приносят с собой — ничто по сравнению с радостью и весельем, которые они дарят близким.

Стоит ли писать об идее мультфильма вот так прямо, в лоб? Если учитывать, что этот текст читают в России, то да, стоит. Нам надо заново учиться делать мультфильмы для детей на лучших примерах, правильно отбирать человеческие и добрые ленты, не тратить время на откровенное барахло, которое регулярно попадает на глаза нам и нашим детям.

В мультфильме нет ничего скучного, мы видим отличные примеры искрящихся весельем шаржей, доброй улыбки, обращенной ко всему, что мы из-за привычки перестали замечать в жизни. Зритель найдёт в мультике комичных и в то же время милых персонажей, есть возможность отыскать среди них мультипликационное воплощение себя и восхититься наблюдательностью создателей фильма. Неожиданные повороты сюжета, рождённые фантазией сценариста, настоящему волнуют. На первый взгляд, всё просто, а вот попробуй, придумай так же хорошо! Может быть, и не получится...

Авторитетные источники клянутся, что «Корпорация монстров 2» вписана в производственное расписание студии на 2012-2013 год. Bravo, американцы! Вы умеете любить детей.

Ольга ТАИР

РАЗМЫШЛЯЯ О ВЕХАХ ВРЕМЕНИ И КОНТЕКСТЕ

Сергей Студиллов, директор мастерской художественного слова «МеждуРечь», известен по работе в Московском драматическом театре под руководством Армена Джигарханяна. В нашем журнале Сергей выступает как специалист в области философии искусства — применительно к театральной сцене.

Мы живем в век переизбытка информации, это объективно. Человек буквально захлебывается в нескончаемом потоке предложений товаров и услуг. К традиционным для XX века каналам воздействия на аудиторию добавился Интернет, и понеслось: Почему я должен купить эту зубную пасту, а не другую, если та и другая (и тридцать третья) в сущности одно и то же? Почему я должен сходить на этот спектакль, именно в этот театр, а не на премьерный показ нового фильма? Почему я должен купить этот аудиодиск именно в этом магазине, и нужен ли мне вообще этот аудиодиск за деньги? Почему я должен заказать авиабилет онлайн у агента авиакомпании, а не в представительстве самой авиакомпании? Зачем мне вообще ЖК телевизор с такой-то диагональю? Дело в деньгах? В комфорте? В стереотипах? В способе донесения информации? И да, и нет. . .

Чтобы помочь потребителю разобраться во всех оттенках спектра предложений и подтолкнуть к принятию решения в свою пользу производители обычно вспоминают про маркетинг и весь этот американский паровоз под названием, простите великодушно, «Ф.Котлер и Ко». Но тянет ли этот паровоз все прицепленные к нему задачи, и самое главное, далеко ли он уедет? Сила инерции велика, но что дальше? Все рынки уже давно переполнены! Какой смысл морочить себе голову выбором целевой аудитории, если аудиторию надо формировать самому! Рекламу вытесняет PR, а ориентацию на прибыль — положение и следование миссии компании. Те, кто поняли это первыми, изобрели брендинг. И вот, все облегченно вздохнули. Вроде в духе времени. Вроде XXI век. Но эфемерность этого инструмента проявила себя быстрее, чем того ожидали специалисты, охочие до инноваций. Все-таки бренд — это воспринимаемая реальность. А человеческое восприятие по своей природе нестабильно, к тому же любую иллюзию когда-нибудь постигает крах. А доверие — оно как девственность, теряется один раз. Что делать, и кто виноват?

Эти проблемы касаются не только сферы бизнеса, но и сферы искусства, и я бы даже сказал — в большей степени сферы искусства. Особенно это интересно наблюдать на примере театральной индустрии. Как вы полагаете, две сотни театров в Москве — это сформировавшийся рынок услуг? Да. А как быть с тем фактом, что в театр ходит два процента населения? В этом случае рынок сформировался или нет? Причем добрая половина из этих двух процентов — это собственно театралы (театральные работники и люди, связанные с профессией). Скажете, что театр искусство элитарное? Судя по тому, что происходит в большинстве своем на подмостках нашей культурной родины, театр — совсем не элитарное искусство. Вы знаете, сколько постановок «Чайки», «Дяди Вани», «Трех сестер» и, прости Господи, «Вишневого сада» ожидают зрителя в юбилейном чеховском 2010 году? Столько, что на ближайшие лет десять надо будет ставить вето на эти пьесы! И дело, конечно, не в Чехове, а в том, что мировая драматургия не бездонна. И современная, кстати, тоже. Например, стоило российскому театру познаться с Мартином МакДонахом — и вот уже только ленивый режиссер не ставит очередных *Иницианов* и *Иницианов*. И дело не в моде. Дело в том, что драматургия вроде как есть, а на самом деле ее нет. Что прикажете делать несчастным театрам с одними и теми же пьесами? Скорость появления на свет новых пьес, которые можно было бы назвать драматургией

с большой буквы «Д», не поспевает за скоростью развития театра и его потребностей. Театральная индустрия, несмотря на экономическое вырождение отрасли, функционирует, порождая все новые и новые спектакли, фестивали и пр. с таким упорством, что позавидовал бы *perpetuum mobile!* Как в этом хаосе предложений вообще донести до аудитории информацию о премьерном спектакле? Что спасет премьеру? Маркетинг или брендинг? Ни то и ни другое. . . Современному спектаклю нужен контекст, в котором он мог бы существовать! Впрочем, как и любому продукту.

Контекст спектакля — это среда, не просто подготовленная, а созданная к его выпуску. Аудиторию надо не сегментировать, а формировать. И мне кажется, что это надо делать для каждого спектакля. Просто информировать аудиторию — недостаточно. Сообщество надо буквально выращивать, находясь в постоянном интерактивном взаимодействии с ним. Если к выпуску спектакля среда не готова с точки зрения художественно-этической, значит надо ее формировать и с этой точки зрения. Надо вытаскивать проблематику на поверхность еще до премьеры. В наше время актуальность — это не попадание в цель, а скорее установка этой цели. И если эта цель правильно поставлена — спектакль найдет отклик. Самое главное, не держите зрителя за дурака!

С точки зрения прорывов на рынке услуг кто только не упоминал компанию Skype, и я не буду исключением. Когда создатели проекта (опять шведы!) разрабатывали систему связи VoIP и систему видеосвязи через Интернет, какой-либо важности и необходимости в этих услугах не существовало. В строгом смысле, на тот момент это было неактуально, да и проект задумывался почти бесплатным для пользователей. Это не было попаданием в цель. Это была в чистом виде установка цели. Потребность у аудитории была рождена самими создателями и ими же удовлетворена! В октябре 2005 году аукцион eBay выкупил компанию за 2,6 миллиарда долларов (позднее доплатив еще 500 млн.) И уже хотят перепродать!

PS: Если у вашего продукта нет контекста в котором он мог бы существовать — считайте, что вы стреляете из пушки по воробьям. Это, конечно, эффектно, но не эффективно.

Сергей СТУДИЛЛОВ

ВЕРА ПАНОВА: СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ РОМАН

16 апреля 2010 года неожиданно умер Виктор Кузнецов. Сказать, что это потеря для нас — ничего не сказать. Что мы можем сделать для Виктора? Как минимум, продолжить его дело — публикацию статей о писателях.

Вера

Писательницу Веру Федоровну Панову (1905–1973) помнит и ценит сегодня только старшее поколение россиян. Популярной она стала в далеком уже 1945 году, когда в журнале «Знамя» была опубликована ее повесть «Спутники» — о фронтовом санитарном поезде. Сочность языка, умение сочетать драматические ситуации с комедийностью положений, поэтизация обыкновенных людей и искреннее уважение к ним — все это привлекало читателя. Александр Фадеев, тогдашний глава Союза писателей, вручая Вере Пановой Сталинскую премию, назвал эту повесть «... прекрасной, чистой, суровой и поэтической». Строгий и требовательный Александр Твардовский считал с тех пор Панову одним из лучших отечественных прозаиков, привечал ее в своем «Новом мире» и всегда лично редактировал рукописи. «С мастерами, — подчеркивал, — надо считаться!»

«Классик прозы и драматургии XX века» — так отзывались о Вере Пановой многие знатоки отечественной литературы. Прочтя ее «Спутники», «Кружилуху», «Сережу», «Сентиментальный роман», каждый может убедиться, что Корней Чуковский, Сергей Баруздин, Александр Борзоговский слов на ветер не бросали.

— Читали «Сентиментальный роман»? — чуть ли не у каждого проходившего мимо его дачи в Переделкине спрашивал Корней Иванович. — Понимаете — читаешь и слышишь!.. Люди просто разговаривают, а в каждой фразе и характер, и биография человека.

В год окончания Великой Отечественной войны Вера Панова вовсе не была начинающим литератором — литературная слава постучалась к ней еще накануне войны. В 1940 году, например, ее пьеса «Старая Москва» (наряду с «Машенькой» А. Афиногенова) получила первую премию на Всесоюзном драматическом конкурсе и была принята к постановке во многих городах страны.

Вера Федоровна читала пьесу перед артистами театра имени Моссовета и решила прервать раздавшиеся аплодисменты. Режиссер Юрий Завадский бросил тогда:

— Потерпите! Может быть, этого никогда больше не будет в вашей жизни!

— Будет! — решительно и уверенно ответила Вера Панова.

«Как это случится, — рассказывала она позднее, — я не умела предугадать. Но знала, что это будет. И будет через литературный успех, не иначе!»

Театры, которым «Старая Москва» не досталась (среди них — Малый и имени Евгения Вахтангова!), спешили заключить с писательницей договоры на ее будущее, еще не написанные пьесы.

Изядно измотанная отсутствием собственного угла, прописки и постоянного заработка, Вера Панова работала тогда комендантом общежития при Ленинградском Доме ученых. Предвкушая материальное благополучие, она сняла на лето дачу в Царском Селе, готовилась к приезду матери и сыновей с Украины (обещая отдельное купе в мягком вагоне) и заказала ко дню премьеры новое платье...

Происходило все это в июне 1941 года.

Все круги ада

Следующую свою пьесу «Метелица» Вера Панова написала в оккупации. И до самого освобождения хранила свернутую в трубочку рукопись в поленнице дров. «Писательский талант, — говорила позднее дочь писательницы Наталья Озернова-Старосельская, — сильнее страха смерти. Сильнее даже страха за детей». Ведь если бы кто-тошел пьесу, всем близким грозила бы верная смерть.

«Метелица» — первое в нашей литературе произведение о военнопленных, оно предвосхитило «Судьбу человека» М. Шолохова. Попавших в плен соотечественников Вера Федоровна и ее 15-летняя дочь собственными глазами увидели по пути из-под Ленинграда на Полтавщину в Нарвской синагоге, превращенной нацистами в концлагерь. Упитанные эстонские хуторянки покупают у тамошнего начальства работников... Один из бойцов выдает фашистам раненого комиссара... Действует в пьесе и совсем жуткий персонаж — обезумевшая от горя старуха-раввинша: всех ее близких (мужа, детей, внуков, правнуков) немцы застрелили на ее глазах...

В многотрудный поход на Украину — через Псковщину, Прибалтику и Белоруссию — Вера Панова и ее дочь в октябре 1941 года отправились вынужденно. Когда наши оставили Царское Село, немцы повесили на воротах Александровского парка юного партизана. И всех жителей выселили...

Вера Федоровна и Наталья решили идти с котомками за плечами в село Шишаки, что под Полтавой — там находились мать, свекровь и сыновья Веры Пановой. Встречи с немцами и, особенно, с полициями не сулили ничего хорошего. Первый муж Веры Пановой Арсений Старосельский был евреем, и в наружности Наташи (хотя в аусвайсе она, как и мать, значилась украинкой) просматривались библейские черты, вызывавшие у нацистов подозрение. Девочка могла надеяться на спасение только когда мать — женщина с типично славянской внешностью — находилась рядом.

Спутницей Веры Пановой и ее дочери была потомственная аристократка Надежда Владимировна Сперанская, хозяйка дачи в Пушкине, где они сняли на лето комнатку. В Кременчуге, уже почти в конце изнурительного четырехмесячного пути, полицией с желто-блакитной повязкой заподозрил в девочке и пожилой благообразной дворянке бежавших от массового расстрела евреек. Сперанская свободно владела немецким, что в полицейском управлении разрядило ситуацию — всех троих отпустили. Тот декабрьский день 1941 года Наталья всегда потом считала самым страшным в своей жизни. И была уверена, что спастись удалось только чудом.

Придя, наконец, в Шишаки, девушка слегла. И пролежала в постели до следующего лета. Мать и братья выходили ее... Потом Наташу чуть было не угнали в Германию, но мать подправила в ее метрике год рождения — вместо 1926-го написала 1928-й. Летом 1943 года, наоборот, свалилась Вера Федоровна, узнав, что по чьему-то доносу полиция «угнали в Миргород» (что означало — расстреляли за околицей) жившую по соседству харьковчанку Сою и ее маленького сына...

Красная Армия вошла в Шишаки 22 сентября 1943 года. Наташа, захватив стакан соли, ценившейся как валюта, тут же отправилась километром за 30 в штаб воинской части, мобилизующей местное население. Городской девочке, не очень сильной и не привычной к физическому труду, отказали...

● ПЕРЕЧИТЫВАЯ КЛАССИКУ

«Что я тебе не препятствовала ходить записываться в Красную Армию, объясняется тем, что я тогда просто обомлела от количества жизненных затруднений и растерялась... А будь я в нормальном состоянии, я бы безусловно препятствовала, — много позднее призналась дочери Вера Панова. — Судьба меня тогда пожалела и распорядилась без меня».

«Эти два ужасных года совсем нас состарили и свели до известной степени с ума, — сообщала Вера Федоровна Арсению Старосельскому. — Бабушка выглядит древней старухой. Мне дают 50 лет, и у меня скверно с сердцем. Два года не оставлял кошмар — страх за Наташу».

Бывший муж, военный корреспондент, зимой 1941 года отмороживший на фронте ступни обеих ног, работал в то время в Перми. Туда же с матерью, дочерью и двумя сыновьями в самом начале 1944 года приехала и Вера Панова...

В Пермскую областную писательскую организацию наведялся в те дни капитан Иван Алексеевич Порохин, политрук военно-санитарного поезда № 312; у него были с собой предписание Главсанупра подготовить брошюру о госпитале на колесах и разрешение привлечь к этой работе квалифицированного литератора. Выбор писательской организации пал на лучшее в Перми перо — на Веру Панову. В итоге поездки на фронт и родились «Спутники» — ее самая знаменитая повесть. Капитан Порохин послужил прообразом.

По ее повестям и рассказам после войны не раз ставились фильмы. «Спутники», например, были экранизированы дважды. Кинокритики всерьез говорили о кинематографе Веры Пановой — вдобавок к ее театру... С середины 1960-х годов пьесы Пановой «Проводы белых ночей», «Как поживаешь, парень?», «Сколько лет, сколько зим!», «Еще не вечер», «Свадьба как свадьба» шли по всей стране, включая лучшие театры Москвы и Ленинграда...

Борис Вахтин и сыновья

Первый брак Веры Пановой распался, когда Наташе не было и двух лет. Но Арсений Старосельский заботился о дочери всегда — навещал девочку, приносил подарки. И поддерживал с бывшей женой дружеские отношения до самой своей кончины в 1953 году.

В 1929 году в жизнь Веры Пановой вошел Борис Вахтин, журналист, в молодые годы возглавлявший на Северном Кавказе колонию для беспризорных. На зиму туда стекалась вся окрестная великовозрастная шпана — вооруженная и пытавшаяся устанавливать свои законы. Борис Вахтин, человек смелый, веселый и мужественный, с ней справлялся...

В 1930 году у Веры и Бориса появился старший сын, в 1932 году — младший. Но парням не суждено было знать отца: в начале 1935 года он был арестован по вымышленному обвинению в подготовке убийства Кирова. На следствии и суде Вахтин вел себя мужественно, не подписал ни одного из предъявленных обвинений, не пытался купить себе жизнь ложными показаниями на других и погиб на Соловках в 1939 году.

Официально брак между Борисом Вахтиным и Верой Пановой не был — по тогдашней моде — зарегистрирован. Но мальчики с детства были приучены гордиться «...нашим несчастным отцом, который попал под жернова». Уже после войны Вере Федоровне пришлось заново оформлять метрики обоим сыновьям, и она спросила, не хотят ли они носить ее фамилию, чтобы вычеркнуть из официальной жизни историю с отцом — «врагом народа». И была рада услышать от обоих решительный отказ.

Старший сын Веры Пановой Борис Вахтин стал ученым-синологом, знатоком древнекитайской поэзии. В годы перестройки на родине выш-

ли его неконформистские книги, созданные под влиянием стилевых традиций Гоголя и китайской литературы. Юрий Борисович Вахтин — биолог, доктор наук. Наталья Озернова-Старосельская — известная переводчица; внучка Веры Пановой Люба — археолог...

Вера Панова — то вместе с Александром Трифоновичем Твардовским, то в одиночку — не раз пыталась протестовать в высоких кабинетах против очередных глупостей и нелепостей. Она, например, решительно возвысила голос против намерения рассыпать набранную уже книгу Елены Ржевской «Была война», куда вошли малоизвестные доселе эпизоды Второй мировой войны. И всегда была непримирима к чванству — будь то чванство мнимой интеллигентностью, дворянством или модное в послереволюционные годы чванство происхождением (нередко — вымышленным!) из социальных низов...

Промах, причинивший боль всем, кто ее уважал, эта бесстрашная женщина допустила всего один раз: позволила привлечь себя к хору, клеймившему Бориса Пастернака... «Я отказывался верить своим ушам, — горестно констатировал литературовед Лев Левицкий, лично знавший Веру Панову и ее детей. — И был убежден, что она сама казнилась этим». Ведь всего несколько лет назад Вера Федоровна восторженно знакомила того же Левицкого с новыми стихами Пастернака и Цветаевой, открыла ему Бориса Слуцкого...

«Хорошо быть Даром»

Вера Панова, как мы уже знаем, в 30 лет осталась вдовой с тремя детьми на руках. В послевоенные годы она вновь вышла замуж. Избранником ее стал Давид Яковлевич Дар, писатель-фронтовик, живший после ранения в Перми. В литературских кругах сразу же распространилась такая эпитафия:

Хорошо быть Даром,
Получая даром —
Каждый год по новой —
Повести Пановой.

Д. Я. Дар писал фантастические и приключенческие повести для детей и больше известен как муж Веры Пановой... Хотя дружбу с ним водили и Анна Ахматова, и Михаил Зощенко, и Сергей Довлатов.

Сергей Довлатов, бывший какое-то время литературным секретарем писательницы и оставивший о ней яркие воспоминания, так вспоминал о Давиде Яковлевиче: «...О нем говорили — муж Веры Пановой. Или — отчим Бори Вахтина. Еще говорили — чудак, оригинал. Начиная с авторов деньги одалживает. Советскую власть открыто ругает... И вот он умер. Вздорный и нелепый, добрый и заносчивый, умный и прекрасный человек. Может быть, последний российский чудак».

Давид Дар, в отличие от сына — статного красавца Бориса Вахтина, — выглядел почти карикатурно: маленький, круглый, всклокоченный, рыжий, морщинистый, со шкиперской трубкой в прокуренных зубах, пыхающий клубами дыма и непрерывно кашляющий... Ясно, что прельстил он Веру Федоровну отнюдь не внешностью, а своими добротой и талантом.

Скончался Давид Яковлевич в 1979 году в Израиле, куда эмигрировал в конце жизни, «общипанный» другими наследниками своей жены...

Виктор КУЗНЕЦОВ

ПУШКИН И МАЯКОВСКИЙ: ПОЧТИ ЧТО РЯДОМ

Пушкин родился в конце восемнадцатого века, прожил около тридцати семи лет, погиб от пули. Маяковский родился в конце девятнадцатого века, прожил около тридцати семи лет, погиб от пули.

Пушкин перед гибелью (как бы предчувствуя ее) подводит итог своему творчеству, пишет «Я памятник себе воздвиг...». Маяковский перед гибелью (как бы предчувствуя ее) подводит итог своему творчеству, пишет «Во весь голос».

Два памятника. Что ни говори, а стоят они, бронзовые, на соседних площадях Москвы. Сбылось: «После смерти нам стоять почти что рядом...».

Поразительное сходство? Поразительное несходство? Первого убивают, второй убивает сам себя. Первый погибает, как Моцарт. Второй — убивает в себе Сальери? Ведь Пушкин — легкое имя, по слову Блока. Маяковский — тяжелоступ, тяжеловес, по слову Цветаевой. Да и сам он пишет о своих стихах: «стоят свинцово тяжело». Пушкин говорит — «мы рождены для вдохновенья», Маяковский — «как делать стихи». Поэзию в этой статье он «разъясляет, как труп», — метод пушкинского Сальери.

Сто лет можно спорить, утверждать и опровергать, но вот — бесспорно: стоят два памятника в Москве, и это не зря.

Маяковский был обречен всю жизнь оглядываться на Пушкина. На божество, которое давило и мешало самоутвердиться. Как ни бросай его с корабля современности, как ни сотрясай в детской резвости его треножник, а все равно придется к признанию в любви. «Я люблю Вас, но живого, а не мумию» (не очень ловко сказано, — кто же, собственно, любит мумию?)...

Они с виду антиподы. Пушкин — быстрый, чуткий, естественный с друзьями, с женщинами. Умнейший муж России, интеллигент и светский человек. Никогда не кичился своей гениальностью. Говорят, Амалия Ризнич и не подозревала, что он пишет стихи. Маяковский — вызывающе-самоуверенный, самовлюбленный: «я — быть может, последний поэт»... Внешне — именно так, а если присмотреться?

Давайте прочтем «Я памятник себе воздвиг...» и «Во весь голос» как диалог двух поэтов, спор, итог и урок. Увидим тогда нечто иное. Пушкин выступает самоуверенно, с каким-то заоблачным олимпийским величием, а Маяковский, напротив, требует признания и мучительно старается скрыть свою неуверенность. Он оправдывается перед потомками, подбирает аргументы. Поэты словно ролями поменялись... «Во весь голос» такая громкая вещь, что сразу и не услышишь жалоб, не разглядишь смятения. Пушкин говорит: — «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...». «Мне наплевать на бронзы многопудье!» — сердится Маяковский. Но наплевать ли? Он не может не думать об этом.

«Мне бы памятник при жизни полагается по чину», — то ли в шутку, то ли всерьез говорил он Пушкину в «Юбилейном», тут же обещая взорвать монумент: «заложил бы динамиту, ну-ка — дрызнь!» А если без иронии, то он спорит с Пушкиным, который воздвигает памятник себе. Маяковский же выше себя ставит «общий памятник», каким будет «построенный в боях социализм» (социализм, ставший памятником?!). При этом Маяковский не растворяется в общем памятнике, его стих прорвется в будущее «через голову поэтов и правительств». Но прорвется не до конца — может устареть: «с хвостом годов я становлюсь подобием чудовищ ископаемо-хвостатых...». Но, наконец, прорвавшись, перед кем окажется? Перед ЦКК — олицетворением «светлых лет». Центральная контрольная комиссия выше всех непокорных голов,

перед ней предстоит отчитаться, предъявив как партбилет «все сто томов... партийных книжек».

— Нет, весь я не умру... — говорит Пушкин.

— Умри, мой стих, умри, как рядовой... — неожиданно откликнется Маяковский. Пушкин спокойно солидаризируется с Горацием и будущим, — пока жив будет «хоть один пиит», а Маяковский в неприкаянном одиночестве не видит ни предшественников, ни наследников. Богоборец, горлан, главарь теперь комплексует. Потомки «в курганах книг, похоронивших стих» случайно обнаружат «железки строк» — автор просит с уважением ощупывать их, как «старое, но грозное оружие», они готовы «и к смерти, и к бессмертной славе»...

У Пушкина нет никакого перескакивания через «хребты веков», впереди — непрерывность признания и славы: «не зарастет народная тропа», «слух обо мне пройдет по всей Руси великой»...

«Мой стих трудом громаду лет прорвет!» — повышает голос Маяковский, но за этим волевым напором скрывается двойственность. С одной стороны, он явится в грядущее «как живой с живыми говоря», с другой стороны, его наследие предстанет этаким величественной развалиной, вроде каменного водопровода. Опять же памятник, но какой! Музей под открытым небом, вдобавок гигантское создание рабского труда («сработанный еще рабами Рима»). С одной стороны — мощный акведук, с другой — нечто вполне кустарное: водовоз и ассенизатор. Поэт гордится, что не гнушался самой черной работы во имя «идущих светлых лет», «вылизывал чохоткины плевки шершавым языком плаката», хотя мог бы строчить романсы — «доходней оно и прелестней», но не позволяя себе этого, «смирлял себя, становясь на горло собственной песне». Убежденно и вызывающе совершал насилие над самим собой? Такое даром не проходит.

Поэт на то и поэт, что его несознательный талант сильнее его сознательных установок. Трагическое беспокойство Маяковского как раз и проявляется в том, что вразрез с победительной интонацией выстраивается неожиданный образный ряд, где у развалин акведука «поэмы замерли, к жерлу прижав жерло», «застыла кавалерия острот», и все это потомки должны обнаружить, роясь «в окаменевшем говне», «разбирая потемки»... Желанное воскресение обернулось раскопками, недавнее «Хорошо» — чем-то жутковатым. Назрел новый бунт. Но против чего, кого? Где противник, кто враг? Революция, социализм — это безусловно «Хорошо», но почему же так плохо? Почему сегодняшнее стало говном, потемками? Маяковский не находит ответа. И нет для него иного выхода, как совершить побег в иные времена, явиться прямо к хорошему потомкам и достойно предстать перед ЦКК. Прыжок в бессмертие — через смерть? Может быть, она — погружение в сон, в анабиоз, «большелобый тихий химик» тебя воскресит, откроешь глаза, вот оно — светлое будущее... Ток высокого напряжения, отчаяние и вера одинокого великана — вот что (в отличие от пушкинской олимпийской невозмутимости) поражает нас в прощальном произведении Маяковского. Пусть он кругом не прав, трагедия-то подлинная. «Все чаще думаю — не поставит ли лучше точку пули в своем конце?» — это сказано еще до революции. У Маяковского все всерьез — и вера, и любовь, и лозунги, и заблуждения.

«Душа в заветной лире мой прах переживет...» — говорит Пушкин. А Маяковский опять двоится. С одной стороны — да, явится, прорвет и т. д., с другой — товарищи потомки могут и забыть ушедшего «на фронт из барских садоводств поэзии». Недаром повторяется предположительное: «Вы, возможно, спросите и обо мне. И, возможно, скажет ваш ученый...».

Тут стоит отметить, какую метаморфозу претерпела эта пара: «сегодняшний поэт — завтрашний ученый». Молодой Маяковский вставал в дерзновенную позу: «меня, сегодняшнего рыжего, профессора разучат до последних йот, как, когда, где явлен. Будет с кафедры лобастый идиот что-то молоть о богодьяволе». Лет через восемь в «Про это» вместо лобастого идиота появляется в благоговейном ореоле «большелобый тихий химик», а богодьявол становится смертным, который взывает о воскрешении. . . И, наконец, «Во весь голос» начинается с довольного благостного ученого («очки-велосипед»), который будет докладывать о том, «что жил-де такой певец кипяченой и ярый враг воды сырой». Да еще ассенизатор и водовоз. . . Как все измельчало и перевернулось!

«Буду тем любезен я народу, что чувства добрые я лирой пробуждал», — говорит Пушкин, — «. . . и милость к падшим призывал». «Неважная честь», — возражает Маяковский, — «чтоб из этаких роз мои изваяния высились по скверам, где харкает туберкулез, где блядь с хулиганом да сифилис!». Там — «по Руси великой», тут — «по скверам. . .». Поэту не до поэзии! Он мобилизован революцией на ассенизаторскую работу, ему расчищать авгиевы конюшни старого мира. Это ли не подвиг?

Скорей беда, чем подвиг. Простой врач куда полезней в борьбе с туберкулезом и сифилисом, чем самый гениальный поэт. Каждому свое. К тому же любопытно отметить, что «фронт» Маяковского переместился на «скверы». Раньше перо приравнивалось к штыку, песня и стих были бомбой и знаменем. Что произошло? В год, когда развернулась страшная борьба с крестьянством, началась ликвидация «кулачества» как класса, Маяковский в своем последнем произведении почему-то классовой борьбе почти не уделяет внимания, он произносит скороговоркой: «Рабочего громады класса враг — он враг и мой отъявленный и давний». Сказано вяло и размыто. Что-то мешало Маяковскому «во весь голос» громить кулачество, как весьма охотно и угодливо делал это Демьян Бедный. Нет, Маяковский не собирался призывать милость к падшим, он внушал себе беспощадность к врагам, но все-таки в глубине души оставался тем поэтом, который жалел упавшую лошадь на Кузнецком, бездомную собачонку у булочной («из себя и то готов достать печенку, мне не жалко, дорогая, ешь!»). Любящий, страдающий, бесконечно ранимый Маяковский — это тот, кому наступал на горло агитатор, горлан, главарь. Большевики ради небывалого эксперимента боролись с нормальной жизнью, Маяковский, присягнувший их вере, боролся с поэзией, семьей и самим собой. Его трагедия предвосхитила трагедию всей русской революции.

«В свой жестокий век восславил я Свободу», — говорит Пушкин. А Маяковский? Прежний безудержный бунтарь, «смирив себя», воспевает диктатуру гегемона. Еще недавно он восторженно провозглашал: «Я всю свою звонкую силу поэта тебе отдаю, атакующий класс!» Теперь, принимая прощальный парад своих страниц-войск, он повторяет уже угасшим голосом, что все «до самого последнего листка я отдаю тебе, планеты пролетарий». Вместо «звонкой силы» — «последний листок». . . Как это разнится с начальным, мощным, написанным перед революцией:

Грядущие люди!
Кто вы?
Вот — я,
весь
боль и ушиб.
Вам завещаю я сад фруктовый
моей великой души.

К тридцатому году великая душа сама себя извела. Жить дальше стало невозможно. Предчувствовал ли он надвигающуюся кровавую баню середины тридцатых годов? Как далек он был в свой последний час от завета Пушкина: «Веленью Божию, о муза, будь послушна», не слышал мудрого: «Обиды не страшась, не требуя венца, хвалу и клевету приемли равнодушно и не оспаривай глупца». Бесконечно больно за великана, который в предсмертном письме сводит счеты с лилипутами. «Жаль, снял лозунг, надо бы доругаться с Ермиловым». И в стихах надавал тумачков кудреватым Митрейкам, мудреватым Кудрейкам, Сельвинскому с его «тара-тина, т-эн-н», песенно-есенинному провитязю и вообще всей «банде поэтических рвачей и выжиг. . .».

Все мы крепки задним умом. Легко теперь вершить суд над вчерашними заблуждениями, но еще большее заблуждение — хоронить поэзию Маяковского. Истинный поэт всегда здесь и не здесь: он принадлежит своему времени и при этом — в плену у него. Он чужой своему времени, потому что принадлежит не только ему. Не отсюда ли самоощущение некоей инородности, нездешности, которое у Пушкина и Маяковского усиливается еще и их «южностью». Маяковский, как и Пушкин, был необычным явлением — уникальным, экзотическим. Недаром в раннем пронзительном стихотворении «России» Маяковский видит себя африканской странной птицей — своеобразная перекличка с тем, кто помнил о небе «Африки моей» и упал, истекая кровью, в снег.

«Вот иду я, заморский страус. . . спрятать голову, глупый, стараюсь» — Маяковский не находит себе места («я не твой, снеговая уродина») и, предчувствуя отторжение и гибель, выпаливает вызывающе-беззащитно: «Что ж, бери меня хваткой мерзкой, бритвой ветра перья обрей. Пусть исчезну, чужой и заморский, под неистовства всех декабрей». А лет через десять — уже тихо и печально: «Я хочу быть понятой родной страной, а не буду понятой — что ж, по родной стране пройду стороной, как проходит косой дождь». Но уже в письме к Равичу: «. . . одному из своих неуклюжих бегемотов-стихов я приделал. . . райский хвостик», потом «я эти красивые, подмоченные дождем перышки вырвал». Вырвал перья! «Бритвой ветра перья обрей. . .».

Неотвратимость его гибели заключена и в невозможности представить его себе седовласым или облысевшим, восседающим в президиуме рядом с лауреатами-секретарями Союза писателей под портретом Л.И.Брежнева. Прожить лет восемьдесят, до, скажем, 1973 года — что тут невероятного? Однако нелепо! Он не вписывался уже в 37-й. . .

Прошло сто лет со дня его рождения. Он действительно и мертвый и живой. Мертвы железки строк, те, ставшие металлоломом. Но из других вырывается живой поэт, обжигающий своей личностью, подросток-великан, певец и жертва революции — его влияние разошлось кругами по мировой поэзии от Арагона до Броневского, от Хикмета до Неруды.

Период советской поэзии завершен. Слова незабвенного корифея о лучшем, талантливейшем поэте нашей советской эпохи читаются, так сказать, с поправкой: теперь знаем и других лучших, талантливейших, но не то, чтобы совсем советских — Мандельштама, Цветаеву, Ахматову, Пастернака. Правда, и Маяковского нельзя ограничить его эпохой. Он в русской поэзии навсегда.

В Москве по соседству два памятника — Пушкину и Маяковскому. Не раз нам придется осмысливать это соседство, этот путь. Ещё недавно за столетним юбилеем Маяковского (1993) следовало двухсотлетие Пушкина (1999). Путь от Маяковского к Пушкину, к классическому пониманию призвания поэта. Пушкин оказывается всегда впереди. . .

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

СЛЕДЫ ГУБНОЙ ПОМАДЫ: ПОЛИТИКА СКУКИ

Продолжаем публикацию глав перевода книги **Грейла Маркуса** «Следы помады: Тайная история XX века» (1989) — с разрешения переводчика Александра Умняшова. Для более основательного знакомства с текстом произведения мы рекомендуем обратиться к блогу переводчика — gileec.livejournal.com.

ТЕПЕРЬ

Теперь отождествляемый с деньгами и корпорациями, отсекающими все тайное и непонятное, рок-н-ролл превратился в старую песню: пересказывали шутку о рок-звезде, потребовавшей от своего лейбла продвигать его новый альбом в космосе, но шутка таковой не казалась. Рок-н-ролл стал обычным социальным фактом, как поездка на работу или проект дорожного строительства. Он стал привычным, громоздким, невидимым угнетением.

Шестидесятые — эпоха пусть развеянных, но мифов — стояли на вере, что с тех пор, как все оказывалось правдой, то становилось возможным. Среди рок-звезд такая утопическая идеология в 70-е трансформировалась в основательный солипсизм. Если рассуждать в терминах босого солипсизма выживания в концлагере, то даже мечта о бунте, — которая, по сути своей, является мечтой об общности, о солидарности — была утопична. Утверждаясь же в своей индивидуальности как в мере всех вещей, рок-звезды обрели утопию в солипсизме. Подобно кинозвездам, они настолько разбогатели, что их перестало волновать и трогать происходящее в мире, а их беззаботная жизнь, исполненная мелких забот, стала притягательна для огромной аудитории. Перемены перестали быть нужны, «перемены» превратились в старомодное понятие из шестидесятых. Общественный хаос нуждался в музыке, где царили бы постоянство и успокаивание; в поп-мире время остановилось. Долгие годы, казавшиеся десятилетиями, включив радио, ты мог быть уверен, что услышишь “Fire and Rain” Джеймса Тейлора, “Stairway to Heaven” Led Zeppelin, “Behind Blue Eyes” the Who, “Maggie May” Рода Стюарта. Жаловаться не на что, это были хорошие песни.

НЕКОТОРЫЕ ЛЮДИ

Некоторые люди со временем начинают терять вкус к открытиям, а некоторым, так и вообще, это не дано. «Одни люди платят за то, чтобы прийти посмотреть на других, самоуверенных людей, — писала в 1983 году Ким Гордон из нью-йоркской панк-группы Sonic Youth — там, на сцене, посреди рок-н-ролла, возможно многое и всякое может произойти, а люди приходят и подглядывают как вуайеристы или просто глазеют». Такое не могло быть написано в середине 70-х, когда люди платили, чтобы посмотреть на других, полагая, что другие уверены в себе. По окончании концертов люди хлопали, звали на бис: они умоляли.

Это был 1974 год. Малькольм Макларен время от времени навещался в США, будучи менеджером New York Dolls в их закатный период. Они приходили к нему в магазин, ставили ему свои записи; он смеялся. «Я не мог поверить, что кто-то умеет быть таким ни на что не годным» — говорил он спустя годы, вспоминая возникновение идеи Sex Pistols. «Тот факт, что они были такими ужасными, меня потряс и я начал сообщать. Я смеялся над ними, я болтал с ними, я смотрел на них и смеялся вместе с ними. Я сделал открытие: теперь не важно, как хорошо ты игра-

ешь. Достаточно было просто соображать что-то в рок-н-ролле, а писать должным образом песни становилось делом вторым. Dolls открыли мне, что есть кое-что поинтереснее... В этом было что-то восхитительное. Я подумал, как же здорово, что они такие отстойные».

Без сомнения, год спустя Макларен ставил записи Dolls для Sex Pistols, так же, как двадцатью годами ранее Сэм Филлипс проигрывал старые блюзовые пластинки для своих новых певцов рокабилли. А на баннере, который нарисовал Макларен и который висел над сценой во время последних концертов Dolls, остановилось убитое время, из которого этим музыкантам было уже не выбраться: «КАКОВА ПОЛИТИКА СКУКИ?»

ЭТО БЫЛ

Это был немного видоизмененный ситуационистский слоган. «Скука всегда контрреволюционна», любили повторять они. Знак вопроса у Макларена был его вариантом осмысления той силы, что может соддержаться в оглашаемых им лозунгах; чтобы найти ответ, необходимо использовать слоганы. «Скука всегда контрреволюционна» — такая формулировка была типична для ситуационистов, для их выражений — неожиданный парадокс, состоящий из устаревшей риторики и обычного языка, колеблющийся на грани нелогичного вывода, декларативное заявление, заставляющее задаться вопросом: что это значит?

Известно, как ситуационисты отвечали на это: вам не хватает лишь осмысления того, что вы уже знаете. Наш проект — не более, чем чарующее и подрывное утверждение само собой разумеющегося: «наши идеи находятся в голове у каждого человека». Наши идеи о том, чем движим мир, почему он должен измениться, присущи любому человеку в виде чувственного опыта, но не всякий переложит эти ощущения в идеи, а мы сделаем это. Вот все, что мы можем сделать для изменения мира.

Для ситуационистов скука являлась в высшей степени современным феноменом, современной формой контроля. В феодальные времена и в первый век индустриальной революции тяжелая работа и нужда, изнуряющие и бывшие причиной ужасных страданий, не были загадкой, но карой Божьей: “In Adam’s fall so sinned we all”, а тем многим, кому тяжелая работа и нужда были неизвестны, адресовалось, например, такое: «легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому войти в царство Божие». В современном мире, полагали ситуационисты, узкоспециальная деятельность и относительная стабильность, планировка городов и государство всеобщего благосостояния ведут не к счастью, но к депрессии и скуке. В отсутствие Бога люди определяют свое место в обществе не как действительность, а лишь как случайность, лишённую всякого смысла, что отчуждает друг от друга мужчин и женщин, замыкает их на себе. Я не счастлив — что не так со мной?

Фатализм — это приятие: “que sera, sera” (исп. — что будет, то будет) всегда контрреволюционно. Но, как понимали современный мир ситуационисты, скука относится более к досугу, чем к работе. В 50-е они говорили, что работа доживает свои последние деньки: «автоматика» и «кибернетика» были прекрасными новыми понятиями. Увеличивалось время досуга — и, в стремлении сохранить власть, правящие круги, как капиталисты на Западе, так и бюрократы на Востоке, принимали необходимые меры для того, чтобы досуг был таким же скучным, как и новые виды рабочей деятельности. Скучнее в тысячи раз, тем более, если досуг вытеснял работу с ее центрального места в повседневной

жизни. Что в таком случае может быть эффективнее разобщающего и беспросветного фатализма, когда один веселится за счет несчастья другого?

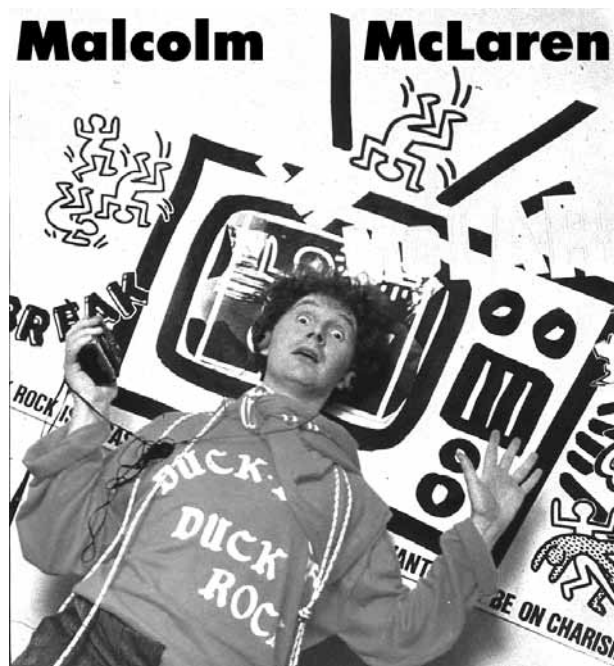
Восемь мужчин и женщин, собравшихся 27 июля 1957 года в итальянском городе Коза д'Аросса, чтобы организовать Ситуационистский Интернационал, взяли на себя обязательство бороться в том будущем, которое, как они верили, уже близко и в котором не останется места материальной нужде и личной независимости. Новые технологии породили фантом современного мира, где «работа» — занятость, наемный труд, любая норма выработки — превратилась в условность, потому что кто-то сказал, что она должна быть, но которая вскоре должна превратиться в страшную сказку братьев Гримм. В новом мире бесконечного досуга любой человек сможет построить свою жизнь, в то время как в старом мире лишь несколько привилегированных художников имеют возможность нагромождать свои репрезентации. Это была старая заветная мечта, мечта молодого Карла Маркса: каждый человек — художник! — но те, кто присвоил настоящее, видели будущее гораздо яснее, чем какие-то невнятные левацкие секты, претендующие на наследие Маркса. Те, кто дергал за ниточки, реорганизовали социальную жизнь не для сохранения контроля, а для его дальнейшего внедрения; новые технологии оказались обоюдоострым оружием, против которого не погрешь на освободившемся поле изобилия и досуга, о которых революционеры мечтали на протяжении пяти веков. Так же со скукой. Страдания вели к недовольству, которое рано или поздно находило свою цель — власть держащих. А скука — это муть, спутанность сознания и, в конечном итоге, высшая форма контроля, самоконтроля, предельного отчуждения: это нечистая совесть.

В современном обществе досуг (чем сегодня я хочу заняться?) оказался вытеснен развлечением (что бы сегодня посмотреть?). Разные варианты действия заменила фикция поддельной свободы: у меня достаточно времени и денег, а также огромный выбор для созерцания того, чем заняты другие. И от того, что эта свобода оказалась поддельной, она не удовлетворяла, она была скучной. Из-за этого она ввергала неудовлетворенного человека в сомнение: а способен ли он проникнуться тем, что, по сути, было всего лишь популярным шоу? Это хорошее шоу, но оно мне безразлично: Бог ты мой, все ли со мной в порядке? Это и есть культура досуга — вызывающая скуку, торгующая ей, снимающая с нее прибыль, повторно инвестируемую туда же. Поэтому мир должен измениться, оповещал первый выпуск *Internationale situationniste* в июне 1958 года, «ведь мы не хотим скучать... неистовствующая и плохо осведомленная молодежь, безбедные бунтующие подростки, у которых нет собственной точки зрения, но у которых есть одна большая причина — скука — то, что их объединяет. Ситуационисты приведут в исполнение приговор, который современный досуг объявил сам себе».

Ситуационисты рассматривали скуку как социальную патологию и среди социопатов они выискивали ее отрицание. При чтении их журнала может создаться впечатление, что основная его аудитория — невменяемые преступники и бунтовщики без манифестов. Ситуационисты скорее оставляли знаки, чем конструировали идеологию, потому что воспринимали идеологии как отчуждение, преобразование субъективного в объективное, страсть во власть, которая ведет к личному безволию: «нет такого понятия как ситуационизм» — неустанно повторяли они. Мир был сооружением из одиночеств и идеологий, иерархий и бюрократий, воспроизводящих друг друга, а потому ситуационисты приветствовали нанесение сумасшедшим повреждения известной кар-

тине как символический бунт против административно управляемого отчуждения, когда идеология шедевров принижает любого, кто на них смотрит. Таким же образом они осмыслили правила проведения массовых манифестаций против Вьетнамской войны как бюрократическую идеологию, разделяющую страсть и манеры поведения, — врагами здесь оказывались как генерал Уильям Уэстморленд, так и Хо Ши Мин. И шедевры, и война были популярным шоу; посещая музей или маршируя на улице, ты проводишь свободное время, подвергаясь угнетению. Шедевр внушает тебе, что истина и красота — это чужой талант от Бога, а марш в честь сопротивления вьетнамцев демонстрирует, что революция — факт чьей-то другой жизни. И ничто из этого не может быть твоим, так что каждое шоу ты покидаешь подавленным, с еще меньшим багажом, чем пришел. Вот почему, без устали твердили ситуационисты, это шоу должно и может быть остановлено: как сносные унижения правил манифестаций были сутью угнетения, так и поступок сумасшедшего показывал, что освобождение находится в компетенции каждого.

Ситуационисты провозглашали себя революционерами, которых не волнует ничего, кроме свободы, которая может означать возможность делать что угодно, включая убийство, воровство, разграбление, хулиганство, беспорядки — все говорило о том, что они готовы стать предвестниками революции. Но свобода еще подразумевает и вероятность обнаружения того, что ты на самом деле хочешь сделать, обнаружить, что «время и место действия драмы — это декорация», как написал в 1922 году в Париже Эдмунд Уилсон. И это то, что имели в виду ситуационисты, рассуждая о досуге — это было желание не просто обнаружить, но поставить драму, желание, сподвигшее двадцатипятилетнего парижанина по имени Ги-Эрнест Дебор объединить художников и писателей из Франции, Алжира, Италии, Дании, Бельгии, Англии, Шотландии, Голландии и Западной Германии в Ситуационистский Интернационал в 1957 году. В 1975 году, когда СИ уже не существовал и был легендой для нескольких радикалов, в 60-е бывших студентами художественных колледжей, эта драма была тем, что так упорно искал Макларен. Так какой же была политика скуки?

ДЕБОР

Дебор написал «Тезисы культурной революции» для первого номера Internationale situationniste: «победа достанется тому, кто сможет организовать беспорядки без того, чтобы упиваться ими» — утверждал он. Осознавая всю несерьезность как беспорядков, так и рок-н-ролла середины семидесятых, Макларен все же понимал: беспорядки остаются единственным, что привлекает молодежь, и в конце 1975 года он вернулся к концепции молодежи 60-х — молодость в данном случае выступала не как возраст, а как точка зрения. Для молодых людей все, что происходило из рок-н-ролла (мода, сленг, сексуальные манеры, наркотические привычки, отношения), было естественным и органичным. Молодежь, как бесправная общественная прослойка, не имевшая ничего, но как часть общества, желавшая всего, остро ощущала противоречия между тем, что обещала им жизнь, и тем, что она так незаметно подсовывала. Таким образом, выходило, что молодежный бунт был ключом к социальному бунту и первым этапом на пути к нему оказывался рок-н-ролл. Вот вам и связи. Тот, кто мог показать, что рок-н-ролл — к середине 70-х оставшийся единственным разрешенным исключением из общей рутины социальной жизни — выродился в мелкую сошку существующего строя, мог указать и на способы развенчания социальной жизни.

Но чтобы направить действие по такому сценарию, необходимо было богатое воображение, даже гений — и не важно, чей. В прошлом рок-н-ролл, как способ бунта, всегда представлялся поклонникам оружием и, если смотреть в корень, вполне оправданным: мгновенное исполнение той жизни, которой хотел бы жить каждый в лучшем из возможных миров. Пит Тауншенд говорил в 1968 году:

«Мать упала с лестницы, отец просадил все деньги на собачьих бегах, у ребенка туберкулез. А тут входит пацан с радиоприемником, откуда орет Чак Берри, и ему наплевать, что случилось с матерью... Здорово, когда у тебя есть такая штуковина — радио, которое передает рок-н-ролл и заводит тебя на целый день. Конечно, это игра: когда ты слушаешь что-то типа "Jumpin' Jack Flash", ты понимаешь, как именно тебе хотелось бы жить.»

Именно так Макларен услышал, как его одноклассник исполняет "Great Balls of Fire" в 1958 году — и это выступление было отрицанием социальных фактов. Но когда рок-н-ролл сам стал еще одним социальным фактом, это было обречено на провал, даже на уровне еще одной хорошей песни. К 1975 году кандидизмы Тауншенда срезали корень, питавший рок-н-ролл. В 58-м, и даже в 68-м, любое рок-н-рольное выступление поднимало вопросы подлинности, справедливости, угнетения, воли, желания, теперь же такое выступление не поднимало этих вопросов, скорее наоборот.

Кто мог утверждать, что "Fire and Rain", "Stairway to Heaven", "Behind Blue Eyes" и "Maggie May" не были изначально заявлениями свободы и ее подавлением в том, как они были использованы? Лишь те, кто отказывались верить, что позитивное суждение там, где свобода схвачена за горло, в корне своем имеет отрицание, в котором свобода пробуждается — и среди этих не верящих не было Макларена и Sex Pistols. Те объявили рок-н-ролл разложившимся трупом, монстром денежного воздействия, механизмом лжи, системой самоэксплуатации, театром гламурного угнетения, скукой. Рок-н-ролл, мог бы сказать Джонни Роттен, был первой из многих вещей, которые Sex Pistols вознамерились уничтожить. И поскольку у них не было иного оружия, поскольку, не смотря ни на что, они были поклонниками рок-н-ролла, они играли и

разложили его на составные части скорости, шума, ярости, маниакального веселья — да так, как никому до них не удавалось.

Они использовали рок-н-ролл как оружие самоуничтожения. Бас, барабаны, гитара и голос — это все лишь инструменты, подсобное снаряжение, объект поклонения для фанатиков техники, но за ними стояла музыка, бывшая более к лицу гневу и крушению всех надежд, сфокусированному хаосу, нагнетающему ощущение последних дней и пропускающему все эмоции через узкозонный полупроводник пустого взгляда и сардонической улыбки. Гитарист выходил на линию огня прикрывать певца, ритм-секция давила с тыла и музыка превращалась в тотальный визг тормозов останавливающегося мира. Под солнцем появилось нечто новое — новый звук.

ЭТО САМАЯ РАННЯЯ

Это самая ранняя заметка для книги — и к ней нет примечаний. За тридцать лет рок-н-ролл оброс примечаниями: переизданиями альбомов, манящих вернуться в старые времена, экскурсиями в несуществующие больше студии, повторными прослушиваниями когда-то новых звуков, бракованных дублей и архивных записей. Такой вот опыт перемещения.

В Чикаго, в 1957 году, блюзмен Сонни Бой Уильямсон повздорил на записи "Little Village" со своим белым продюсером на тему, какой населенный пункт может называться деревней — спор закончился, когда Уильямсон окончательно разозлился: «деревня — она маленькая, ублюдок! Называй, как хочешь, хоть именем своей мамы!» В качестве примечания, вспыльчивость Уильямсона в споре об отличиях деревни от села, поселка и города, можно объяснить тем, что в каждой из этих форм поселений существовали свои нюансы в отношениях раба и рабовладельца. В Мемфисе, в 1954 году, гитарист Скотти Мур, услышав раннюю — медленную и чувственную — версию "Blue Moon of Kentucky", назвал девятнадцатилетнего Элвиса Пресли ниггером. Три года спустя, на том же самом месте, Джерри Ли Льюис и Сэм Филлипс вдырыз разругались по вопросу, является рок-н-ролл спасением души или осуждением на вечные муки. Такие моменты многое объясняют в американской культуре.

В 1959 году в Новом Орлеане Джимми Клэнтон, долгие годы вынужденно бывший классическим примером белого смазливой мальчика, из-за которого настоящие чернокожие исполнители рок-н-ролла оказывались в забвении, начал свой самый тошнотворный хит "Go, Jimmy, Go". Остановившись на "Vor vor vor ba da da", он повернулся к пульта управления: «Я пою как Микки Маус?» — «Даже хуже» — последовал ответ. «Госспди, я ведь не Фрэнки Авалон» — сказал Клэнтон, после этого пошедший по его стопам. Это демонстрирует, что намерения Клэнтон были самыми добрыми.

Опять же в Чикаго в 1957 году Чак Берри собирался сделать еще один дубль "Johnny B. Goode". "Take three" — кричит звукорежиссер. «Все получится» — настроился Берри со своей группой, но того вступления — самого восхитительного и взрывного рок-н-рольного вступления, убравшего хит-парады — здесь не оказалось. Все было на месте: строй, аккорды, ноты — все, что можно сделать, было сделано, но странно отсутствовала живость, музыка будто подпрыгивала на ухабах. Лишь после добавления вступления запись попала на радио в 1958 году; и эти ноты и аккорды обрели тогда свою фактуру, подчеркнутую одним примечанием. Они понеслись.

Послушав "The Great Rock n' Roll Swindle", — скомпонованный Маклареном документ в двух частях о взлете и падении Sex Pistols,

• ИСТОРИЧЕСКИЙ СЛОЙ

— каждый может удостовериться, что те волнующие приключения, выпавшие им на долю, были частью замысла, сценарий которого был predetermined Маклареном заранее. И целью этих примечаний станет возможность доказать, что история Sex Pistols — плевок в общественную жизнь из глотки сутулого паренька, называвшего себя антихристом — с самого начала затевалась и представлялась всего лишь очковитательством, шуткой Макларена над миром. И если Джонни Роттен на самом деле верил, когда голосил “We mean it, man” в “God Save the Queen”, то шутка была и над ним тоже, так же, как и над доверчивым слушателем.

Это искусный эксперимент. Вышедший в 1979 году, через год после распада Sex Pistols, “The Great Rock n’ Roll Swindle” включал в себя громоздкую “God Save the Queen Symphony” с чудным закадровым текстом, различные унылые пост-секс-пистолзские выходки с участием также и Сида Вишеса, “Anarchy in the U.K.”, исполненная по-французски в манере Мишеля Леграна неким Jerzimy и попури из хитов Sex Pistols в стиле диско. И французский, и диско-номера получились вполне себе: переделанная “Pretty Vacant” явилась удачной фантазией на тему фоновой музыки. Но попытка Макларена разоблачить группу как обман (секреты тайного общества обратились скучным анекдотом), не удалась из-за включения в альбом нескольких настоящих записей Sex Pistols: “Belsen Was a Gas”, записанного на последнем концерте в Сан-Франциско, горловоспаленный дубль “Anarchy in the U.K.”, кавер-версии “Substitute” the Who и “Stepping Stone” Monkees, а также комбинация “Johnny B. Goode” и “Road Runner” Джонатана Ричмана.

Последний номер звучал как репетиция — не к концерту или к записи — к самой идее Sex Pistols. Можно услышать их возвращение к самым глубоким корням рок-н-ролла, имевшее целью уничтожить ту самодовольную пародию, которой рок-н-ролл стал, и, в то же самое время, переосмыслить эту чистейшей воды фикцию.

Группа начинает “Johnny B. Goode”, но Джонни Роттен не знает слов, или просто не хочет петь. Ничего кроме Deep-down-in-Lweezeeanna, остальное — гоготанье, чавканье и озорство. «Бля, ну и дерьмо», кричит он, но группа не останавливается. «Я ненавижу эти песни, — орет Роттен — остановитесь! Это пытка!». Группа продолжает играть и тогда он кричит: «AAAAАААААААААА!». Они сбивают темп. «Мы можем сыграть что-то другое?» — с надеждой спрашивает он, и тут начинается “Road Runner”. Ассоциация верна: обе песни — типичные рок-н-роллы, шаблоны основного мифа, истории о деревенском пареньке, умеющем играть на гитаре и нравиться всем.

Группа переключается на другую песню и Джонни Роттен впадает в панику. «Я не знаю слов, — говорит он — я не знаю, как она начинается. Я забыл!». Судя по голосу, он так сконфужен, что, кажется, вот-вот выбежит из студии. «Прекратите! Остановитесь!» — снова кричит Роттен. В его голосе цинизм смешивается с безнадёжностью, потому что группа не останавливается, и он делает еще одну попытку: «с чего начинается?». Барабанщик Пол Кук отвечает: “One, two, three, four, five, six”. Это и есть первая строчка “Road Runner”. И с этими словами Джонни Роттен, еще не Анархия и не Антихрист, а только подросток, создающий новую культуру, начинает.

КОГДА РИЧМАН

Когда Ричман записал “Road Runner”, то песня казалась самой обычной, но и в то же время очень-очень странной. Он стал известен в 70-е, хотя выступления его нельзя было назвать зрелищными; темы для песен выбирал довольно традиционные (автомобили, девушки, радио), но в

этих минутных зарисовках проскальзывали какие-то привычные несуразности. Он пел о стоянии в очереди в банке и о влюбленности в тамошнюю кассиршу (а может, и о жалости к ней, или о раздумьях, не поступить ли туда на работу, или остаться ждать, когда она поднимет глаза с невидящим взглядом). Он пел о ненависти к хиппи, потому что они ограничивали свой взор солнцезащитными очками, потому что отвергали все, что было хорошего, живого и прекрасного в современном мире.

И музыка его была какая-то неадекватная; когда я был на его концерте в 1972 году, он выступал вместе со своей группой — Modern Lovers, так он называл свою группу, каким бы ни был ее состав — но ничего не происходило. Не знаю, почему, но я обратил внимание на толстого паренька, слонявшегося среди редких зрителей в синих джинсах и белой футболке с надписью “I LOVE MY LIFE”. А потом он забрался на сцену и стал играть на худшей из гитар, что я видел в своей жизни. «Как это круто! — сказал кто-то рядом со мной — а может, и наоборот».

«Я не пел и не играл до пятнадцати лет, пока не услышал Velvet Underground» — рассказывал Ричман спустя годы. «У них была атмосфера, и я понимал, что могу так же!» Он получил поддержку: его подписали Warner Bros., у которых штатным продюсером числился Джон Кейл, и таким образом их пути пересеклись — Адам вошел в студию вместе с Богом.

Альбом, который они записали, не был выпущен, а группу распустили. “Road Runner” оставался слухом до 1975 года, когда Ричман собрал в Беркли новых Modern Lovers и записал песню еще один — последний — раз. Песня выделялась на фоне образчиков местных групп, и с тех пор превратилась в классику. Материал был более чем неприятательный: только бас, рабочий барабан и тренькающая гитара — звучало это смесью настройки перед записью на Sun records в 54-м и демо Velvet Underground образца 67-го. Подобно “Every Picture Tells a Story” Рода Стюарта — этому семиминутному катаклизму, где нет ничего, кроме

ударных, баса и акустической гитары — “Road Runner” доказывает, что вся мощь рок-н-ролла содержится не в переходах, но в импульсивных рывках от одного музыкального момента к другому.

“One, two, three, four, five, six.” One-two / One-two-three-four — это традиционный рок-н-ролльный старт. В 76-м и 77-м годах такое вступление мог бы позаимствовать и панк, но панковский отказ от этого в пользу “One-two”, свидетельствовал о готовности начинать без разминки, обходиться без предыстории. Ричмановские же дополнительные “five-six” означали, что он не был готов, что он делал глубокий вдох и брал такую скорость, как никто до него.

“Road runner, road runner / Going faster miles an hour / Gonna drive by the Stop ‘n’ Shop / With the radio on.” Задыхаясь от удовольствия, от подростковой ностальгии по прошедшему дню, Ричман претворяет желаемое в действительное. Он пронёсился мимо Stop ‘n’ Shop, но сначала для пущей уверенности он прогулялся мимо супермаркета и убедился, что нестись мимо на машине гораздо лучше, потому что у него есть радио.

И Ричмана уносят восторг и фантазия. Он «часть современного мира», он «влюблен в современный мир». Он «воображает себя марфонцем». Он проезжает Бостон, выезжает на 128-е шоссе — и мчит без ограничений. Врубает радио и слышит: “Said hello to the spirit of ol’ 1956 / It was patient in the bushes, next to ‘57”.

Группа разгоняется до скоростей Джеймса Брауна, а затем Ричман снижает обороты, как Джерри Ли Льюис в середине “Whole Lotta Shakin’ Goin’ On” — то, о чем сначала он исходил криком, теперь шепчется, обдумывается, пугает. Он был на 128-м шоссе. Было темно, холодно, пахло соснами, он слышал их запахи, проносясь мимо со своим включенным радио, перед глазами мелькал неяркий неоновый свет — тот самый современный мир, который он искал. Группа разгоняется вновь и Ричман пересказывает то, что он видел. “Now, what do you think about that, you guys?” “RADIO ON” — отвечают они ему и это то, что он хотел услышать: “Good! We got the AM -” “RADIO ON” — отзывается группа. “I think we got the power, got the magic now -” “RADIO ON.” “We got the feelin’ of the modern world -” “RADIO ON.” “We got the feelin’ of the modern sound -” “RADIO ON.”

Ричман делает еще один глубокий вздох — и я улыбаюсь всякий раз, как слушаю песню, от предвкушения того, что последует дальше. Каждая фраза в этой песне — самый обыкновенный пересказ того, что переживают миллионы людей в одну из ночей своей юности, и это повествование то прерывается, то снова начинается. Каждая фраза уменьшается до слова, слово выпадает из фразы, куплета и припева, превращаясь в заклинание, в хор, затем опять выпадает, стараясь удержаться в ритме необъятного стиха и как-то встать на свое место, хотя с этого момента слова уже не слова, а только баннеры с рекламой Burma Shave, проносящиеся слишком быстро, чтобы успеть прочитать. И неожиданно напор увеличивается еще больше.

И вдруг посреди полнейшего неистовства он сбавляет скорость. Возвращение в обычный рок-н-ролльный рисунок словно жестокое пробуждение ото сна: “Here we go, now / We’re gonna drive him home, you guys / Here we go -” И, будто вбивая гвозди, группа — дважды, трижды, четырежды — отзывается:

That’s right!
Again!
Bye Bye!

SEX PISTOLS / JOHNNY B. GOODE

Sex Pistols никогда не забирались так далеко. Джонни Роттен пробежался по песне, как по трещине на асфальте, желая сломать шею своему руководителю (видимо, имеется в виду Макларен — прим. пер): он наступил на нее и побежал дальше. Он повернулся к группе и спросил: “Do we know any other fucking songs we can do?”. У “Johnny B. Goode” было лучшее рок-н-ролльное вступление, но Sex Pistols не могли его сыграть. У “Road Runner” была лучшая концовка, но Sex Pistols до нее не добрались — они ее проглотили. Что Джонатан Ричман сделал со словами, Sex Pistols сделали со звуком.

В заданном ритме они обнаружили тот разрушающий импульс, что сводит на нет все чаяния, все предыдущие попытки — будь это “Heroin” Velvet Underground, “No Fun” Stooges, “Human Being” New York Dolls, даже “Trout Mask Replica” Капитана Бифхарта, и даже “Road Runner” — чем-то рациональным: спланированным и осуществленным. Звук Sex Pistols, казалось, не имел никакого смысла, был бесполезен, был направлен на разрушение, и вот почему он был новым звуком, вот почему подвел черту под тем, что ему предшествовало, — как Элвис Пресли в 54-м, как Битлз в 63-м — хотя не было ничего легче и не было ничего невозможнее этого: подвести черту в виде кляксы примечания.

Многие люди — поклонники Чака Берри, Битлз, Джеймса Тейлора, Velvet Underground, Led Zeppelin, The Who, Пода Стюарта, Rolling Stones — вообще не считали это за музыку или даже за рок-н-ролл; и лишь единицы были уверены, что это — самое восхитительное из всего, что они слышали. «Это было мое самое первое рок-н-ролльное эмоциональное впечатление, — рассказывал в 1986 году Пол Вестерберг из Replacements (спустя десять лет впечатление осталось в силе) — Sex Pistols заставляли тебя почувствовать их знакомым, они не ставили себя выше. Было абсолютно ясно, что они не понимали, что делали и им на это наплевать. Тогда я был очень хорошим гитаристом. Я сидел и разучивал гаммы. Я выучил все соляки с пластинки Allman Brothers’ at Fillmore East. Я переключал проигрыватель на 16 оборотов и разбираю гитарные партии. Но тут появились Sex Pistols и заявили: «тебе ничего этого не нужно. Просто играй». Под словами Вестерберга могли подписаться очень многие, описывая, что они хотят играть и что хотят слушать.

Музыкальный бизнес не развалился. Общество продолжало жить своей жизнью, и новый мир не был построен. И если, как написал Дэйв Марш, панк «был попыткой уничтожения иерархии, правящей в роке — не только в роке, но и вообще, всякой иерархии и любых табелей», то этого не произошло. Ты по-прежнему включал радио с уверенностью, что на большинстве станций услышишь “Behind Blue eyes”, “Stairway to Heaven” и “Maggie May” — страхась панка, радиостанции крутили все это с удвоенной силой. Но спустя всего несколько лет более пятнадцати тысяч групп записали свои пластинки. Они были безрассудно уверены, что кого-то может заинтересовать то, как они звучат, что хотят выразить, что они сами по себе интересны. Некоторые из них были помешаны на славе и деньгах, некоторые нет; другие искали возможности выразить себя или даже изменить мир.

Крошечные независимые лейблы, многие из которых на поверку оказывались не больше а/я или бланка с печатью, росли как грибы. «Вдруг оказалось, что возможно все» — написано в аннотации к “Streets” — сборнику первых британских панк-синглов. Это был нарастающий гул неслыханных ранее голосов в геополитике популярной культуры — гул голосов, которые со временем сделали нелепое выражение «геополитика популярной культуры» нормальным для восприятия..

Перевёл Александр УМНЯШОВ.
Продолжение в следующем номере

КАРДИОГРАММА ПИТЕРА СТИЛА: TYPE-0 NEGATIVE

С названием американской команды Type-0 Negative — не все чисто. Придуманное в те дни, когда мир еще помнил о фотопленке, проявителе и закрепителе, оно записывалось как «негатив типа ноль». Сейчас, в эпоху цифрового фото, в статьях о группе «0» все чаще заменяют базальной буквой «o». Загадочная как бы пустота всегда страшит, да и слово «zero» звучит довольно зловеще. Тем более что есть у этого термина и иной смысл, медицинский: Type-0 Negative — это ещё и редкая группа крови. Один из самых известных символов группы — минус внутри ноля. Все музыканты группы имели такую татуировку.

В молодёжных тусовках у команды на редкость дурная репутация. Type-0 Negative вроде бы причисляются критиками к готик-року. Сами же готы группу хотя и уважают, но опасливо стараются держаться от нее на расстоянии. Признаешься в их тусовке — я, дескать, очень люблю Type-0 Negative, — и на тебя тут же начинают поглядывать с опаской, словно на настоящего кровопийцу, затесавшегося на маскарад вампирской тематики. Дело в том, что история группы началась с персонажа, чей интерес к тоталитарной символике и советским агитационным плакатам всегда немного смущали как американскую рок-сцену, так и готическую тусовку.

Итак, знакомьтесь — Питер Стил (Peter Steele), американец польско-грузинского происхождения. Паспортная фамилия — Ратайчик, но дед по въезду в Штаты от греха подальше взял бабкину фамилию, ибо по рождению был Джугашвили. Так что когда зашла речь о сценическом псевдониме, ассоциация с «дядюшкой Джо» сработала сама собой. «Я назвался Steele потому, что мне очень нравится смысловая нагрузка слова «Сталин», которая по-русски означает человека из стали».

Из собственноручно заполненной анкеты: «Рост 2 метра, вес — 120 килограмм протухшего мяса. Раньше я работал в Нью-Йорке грузчиком в парке, таскал мешки с мусором. Поэтому я даже не задумывался о том, что лучше — разгрести дерьмо или писать музыку...»

Музыкальная карьера мусорщика началась в 80-х с групп Fallout и Carnivore. Первый состав был обычной любительской группой (отметим, однако, клавишника Джоша Сильвера и барабанщика Джона Келли), зато второй состав выпустил аж два альбома на «Roadrunner». Carnivore играли сумасшедшую смесь трэша и хардкорного панка. Музыканты наряжались в ржавые цепи и детали бейсбольно-хоккейной амуниции, а на концертах швыряли в зал потроха с боини. Песни группы по преимуществу посвящались проблемам выживания в постядерном мире (сейчас представляется, что название Fallout подошло бы здесь больше), основной же посыл был таков: «Если ты не можешь съесть это, или трахнуть это — убей это!». Уже тогда Стил интересовался тоталитарной символикой, и на продукции группы частенько можно было встретить составленные из серпов и молотков свастики, от вида которых становилось нехорошо как правым, так и левым. К тому же на обложке альбома «Retaliation» (1987) Питер изображен в майке с надписью «СССР» и изображением ордена Ленина. «Я очень интересуюсь механизмами, управляющими политикой, — рассказывал басист, — В частности — вопросами устройства тоталитарных обществ...»

Где-то в конце десятилетия Carnivore приказал долго жить. К 1991 году Стил восстановил контакт с Сильвером, и вместе с ним вывел на сцену новую группу — Type-0 Negative. Контракт с «Roadrunner» басист подписал собственной кровью.

Первый альбом, «Slow, Deep And Hard» (1991) получился наивным, но занятным. Куски хаотического трэша, наследия Carnivore, здесь перемежались тягуче-погребальными думовыми пассажами. Надо отметить, что

doom тогда только входил в моду. Гитара Кенни Хики (Kenny Hickey) была записана с интригующе нехарактерным перебором по высоким частотам, прямо-таки «с песочком». Этот звук впоследствии стал фирменным знаком группы. Питер еще по большей части рычал по-трэшевому, но уже пробовал петь и в новой манере — тоскующе-гипнотизирующей, где-то на грани бархатного баритона и пробирающего до печенок баса. Песни длились от одной до двенадцати минут. Самой интересной вышла многоступенчатая «Prelude To Agony», по сути заложившая фундамент стиля группы. Занятно звучала и «Glass Walls Of Limbo» — то ли грегорианский хорал, то ли мычание рабов-галерников. Прочие же номера в наши дни воспринимаются тяжело. Все время кажется, что музыка должна быть быстрее, но... «Мой уровень тестостерона в крови понизился, и поэтому я не мог петь слишком быстро», — мрачно усмехался Стил. Обложка альбома была выдержана в чёрно-зелёных тонах. Этой расцветке группа с тех пор не изменяла: чернь и зелень ныне стали ее геральдическими цветами.

В том же ключе был выдержан и следующий альбом «The Origin Of The Feces» (1992), запомнившийся квартетом скелетов на обложке и открывающим программу звуковым фильмом ужасов «I Know You're Fucking Someone Else» в четверть часа длиной. Помимо собственных сочинений Питера Стила в альбом вошла американская народная песня «Hey Joe» (с рефреном «Hey Pete»), а также до боли замедленный кавер на «Paranoid» Black Sabbath. В результате натуральные Black Sabbath, начинавшие тогда долгий путь к воссоединению, пригласили команду участвовать в трибьюту себе любимым. Позже Type-0 Negative вместе с Оззи запишут старенькую песню Status Quo «Pictures Of Matchstick Men».

Критика до какого-то момента группу не жаловала. Работы Type-0 Negative были полны по-своему авангардных идей, но звучали поварварски сыро и грязно. Даже грандж в начале 90-х записывали глаже. «Некоторые называют нас говном, что меня, честно говоря, абсолютно не волнует», — со спокойствием танка комментировал ситуацию Питер.

Первый прорыв произошел в 1993 году, с выходом альбома «Bloody Kisses». Гитарный «песочек» мягко улегся на дно прохладной реки басово-клавишных пассажей. Трэшевых рецидивов практически не осталось, буйного барабанщика Сэла Абразкато сменил старый приятель Джон Келли. На смену былому буйству пришли готическая строгость и какое-то неземное величие. А наследие ранних Black Sabbath породнилось с мощью зрелых Pink Floyd. Номер «Too Late», переполненный гитарными фидбэками, радио-шумами и «лесли»-обработкой вокала и клавиш, стал первым реверансом Type-0 Negative в адрес британской психоделики. Песенка «Set Me On Fire» звучит подобно джем-сейншу Beatles и Iron Butterfly, а в балладе «Can't Lose You» даже ситар тренькает. Однако никто еще не исполнял психоделический материал в настолько брутальном ключе — так что обвинений в предательстве doom-тусовки и попытке примазаться к брит-попу формата Kula Shaker группе удалось избежать.

К тому же на «Bloody Kisses» Type-0 Negative обогнали время, хотя и несколько курьёзным образом. С позиций сегодняшнего дня открывающий альбом эпик «Christian Woman» — чистой воды love metal, только почему-то вызывающий не насмешки, а опасливое уважение. Несмотря на то, что женщины в шумовом оформлении опусов группы теперь больше рыдали, нежели стонали от страсти, мрачный гигант Стил вскоре получил давно причитающуюся ему долю внимания в стиле «Ой, девочки, ка-акой мужчина!». В августе 1995 года татуированного басиста можно было лицезреть даже на обложке «Playgirl».

Однако это было только начало. По-настоящему Type-0 Negative сразили мировую рок-общественность в 1996 году своей четвертой работой «October Rust». Это был почти идеальный готик-роковый альбом — правда, не имеющий почти ничего общего с господствовавшей тогда разновидностью готики. А сувенирная продукция группы привлекла к ее музыке тех, кто доселе не имел о ней ни малейшего понятия. Помню, как мой младший брат, сварив в кислоте свой старый анорак, отправился в рок-магазин за какой-нибудь наспинной нашивкой побольше. А вернувшись с ядовито-зеленым кренделябром из шестерёнки и четырёх молотков на бархатно-черном фоне, подписанным «Type-0 Negative», поинтересовался у меня — достаточно ли это круто. Я вручил ему кассету с «October Rust». Заслушав оную, брат был приятно удивлён: «Да это круче, чем Rammstein! Почему я раньше их не слышал?»

Для начала, диск появился на свет в относительно неплохие времена. Начатая поп-панком революция в хит-парадах к середине 90-х изменила представление о мейнстриме десятилетия, и теперь Type-0 Negative могли гордиться своей непохожестью на команды, диктовавшие моду всего несколько лет назад. Кроме того, стилистика, впервые нащупанная на «Bloody Kisses», теперь была отшлифована до совершенства. Практически не потеряв в удельной тяжести, бас и барабаны стали практически танцевальными, в то время, как гитара и клавишные ткали призрачную психоделическую атмосферу. Риффы с перебором по высоким частотам остались, но теперь компанию им составляли протяжные наигрыши в духе Pink Floyd или U2, а в банке клавишных появились прекрасные органнне сэмплы, на низах пробирающие подобно грохоту приближающегося землетрясения.

Расслабленная в начале вещичка «Be My Druidess» после нескольких смен ритма мутирует в старый добрый дум, только лучше сыгранный и чище записанный. Одно время рифф из этой песни, уж не знаю, на законных основаниях, или нет, звучал в телерекламе журнала «Медведь». Трогательной до слёз балладе «Green Man» Питер Стил добавил автобиографических подробностей: песня открывалась звуковой сценкой работы мусорщика в Центральном парке под утренний щебет птичек. Тяжело слиться с природой, когда единственный клочок зелени среди каменных джунглей каждый день стараются загадить почём зря. В «Red Water (Christmas Mourning)» звенели рождественские бубенцы, при этом сама песня выдержана в ритме похоронного марша — что делать, бывает и так, что кто-то из твоих близких умирает в канун этого праздника. «Red Water» я никогда не играл публично, потому что эта песня посвящена моему умершему отцу, — рассказывал Стил, — Поэтому в кругу моей семьи последнее рождество проходило в печальной обстановке. Я написал для того, чтобы забыть. Алкоголь вызывает привидения...»

Остальной материал альбома оказался объединен двумя темами: любовью к женщине и натянутыми отношениями с остальным миром. Текстовое наполнение боевика «Burnt Flowers Fallen» вызывало в памяти старые дворовые песни со строчками вроде «она взяла букет, расхохоталась, и разбросала по паркету весь букет». Десятиминутная «Haunted» посвящалась «сукам и суккубам», а «Wolf Moon» раскрывала не слишком аппетитную (хотя кому как) тему волколака, натасканного на менструальную кровь. Самым же заметным хитом с «October Rust» стала песня «My Girlfriend's Girlfriend». В клипе и на обложке сингла Питер Стил представлял в образе героя-любownika и в обществе аж двух дамочек сразу. Текст песни раскрывал тему столь неклассического бисексуального треугольника как некой пощёчины общественному вкусу¹:

Не секрет, мы близки, как липучки,
Как латекс, мех, перья, склеенные вместе.
В своём «Корветте» 1962 года, деля одну сигарету
Танцуй в трансе чёрного света.

Они согревают меня холодными ночами,
Мы, должно быть, представляем зрелище
В нашем плотском треугольнике всё так запутано.
Девушка моей девушки похожа на тебя,
Девушка моей девушки — моя девушка тоже.

Она, она и я неразлучны втроём в постели,
Эй, нам наплевать о том, что говорят люди,
Когда, взявшись за руки на Кингс-хайвэй,
Они идут со мной, две вместо одной.
Девушка моей девушки похожа на тебя,
Девушка моей девушки — моя девушка тоже.

Не обошлись Type-0 Negative без каверов и на этот раз. Альбом включал «Cinnamon Girl» Нила Янга. «Это единственная его вещь, которая меня удовлетворяет, — признался Стил, — Кто не знает оригинал, вряд ли распознает, что вещь чужая. Я нахожу, что она просто совершенно подходит для концепции альбома...» В 1997 году вслед альбому вышел сингл «Cinnamon Girl» с тремя разными версиями песни.

Альбом произвёл эффект разорвавшейся бомбы. Причём атомной. 1997 и 1998 годы группа провела в гастролях, засветившись, помимо всего прочего, на «OzzFest» в компании Powerman 5000, Machine Head, Fear Factory, Pantera, Marilyn Manson и самих Black Sabbath. С топ-маньками Marilyn Manson у Стила, давно прошедшего фазу толстого троллинга буржуйских морд, отношения не сложились: «Если нечего сказать, то постоянно приходится перекрашивать волосы в разные цвета». А вот с Pantera наши герои сдружились и даже вместе ездили на гастроли, по итогам которых было выпущено видео, включавшее все снятые к тому моменту клипы группы, концертные записи и закулисные съёмки с массой приколов. Первоначальное название «All You Need Is Blood» под давлением лейбла пришлось сменить на более нейтральное «After Dark». Этот эпизод заставил музыкантов слегка сбавить скорость покорения массового слушателя.

¹ Подстрочный перевод А. Караковского.

В начале 1999 года Type-0 Negative приступили к записи нового альбома с рабочим названием «The Profits Of Doom». Работа над новым материалом была для Питера балансированием на лезвии бритвы. «Этот альбом должен решить судьбу группы, — говорил басист в интервью, — Если диск будет плохо продаваться, то я однозначно распускаю группу... Тем не менее мы старались писать песни только для себя, для собственного удовольствия, не думая ни об успешных синглах, ни о суммах гонораров. Опыт «October Rust» научил нас очень многому: альбом получился очень коммерческим, из-за чего мы потеряли часть своих поклонников». Проще говоря, принимайте нас такими, как мы есть, иначе нафиг нам всё это надо. В процессе работы название сменили сперва на «Agroculture», а затем — на «World Coming Down».

Диск вышел в 1999 году и был довольно убедительной попыткой вернуть в принесший группе популярность стиль элементы старого звучания. Звук вновь огрубел, барабаны стали более взрывными, а вокал впервые за несколько лет поднялся за пределы уютного бархатного баритона в более высокие области форсированного крика — помимо Стила запел и Кенни Хики. Тем не менее основной успех диску обеспечила очередная погребальная баллада «Everything Dies». На десерт группа записала попури из трёх песен Beatles — «Day Tripper», «If I Needed Someone» (со звуковыми эффектами из «Tomorrow Never Knows») и «She's So Heavy».

Новое утяжеление группы публика приняла благосклонно. Продавался альбом неплохо, о распаде можно было не думать. И хотя времена doom канули в прошлое, теперь от группы фанатели всклокоченные фанаты nu-metal в пирсинге и камуфляже. Воистину, меняются лишь ярлыки — а музыка (если это действительно музыка) остается. На исходе века группа выпустила сборник «The Least Worst Of Type-0 Negative». Нового же альбома пришлось ждать ещё три года. Как вы, наверное, заметили, с новыми релизами группа не торопилась — зато под завязку забивала их странными и необычными идеями.

В новое тысячелетие Type-0 Negative вошли с программой «Life Is Killing Me» (2003). Помещенная на обложке кардиограмма умирающего вызвала воспоминания о звуковой сценке «Lung» с предыдущего релиза. Для полноты картины музыканты облачились в зеленые робы санитаров, в которых с тех пор частенько появлялись на концертах и в видеоклипах. «Врачи бруклинского госпиталя готовы к оказанию первой помощи собравшимся», — под это интро, прочитанное строгим дикторским голосом, команда появлялась летом 2003 года на сценах разнообразных рок-фестивалей.

Главным хитом альбома стал боевик «I Don't Wanna Be Me» (ого, Type-0 Negative снова начали играть быстро!). Успеху песни способствовал видеоклип с толстым комиком, который не хочет быть собой и по ходу действия прикидывается то Эминемом, то Бритни, то, под занавес, непосредственно Питером Стилом. Сам Стил, сидя перед телеэкраном с бульдогом на коленях, хмуро качает головой: «нипахожь». Вместе с тем, нашлось место на альбоме и той психоделике а-ля битловский «Revolver», к которой группа впервые прикоснулась в 1993 году. Композиция «Less Than Zero» составлена из струнных пиццикато, треньканья ситара, старомодной фузз-гитары, хэндлэппинга, кришнаитских маридонгов, обратного эха и телефонного вокала. В 2005 году на сайте группы появилось сообщение о скоростной кончине Стила. Как выяснилось чуть погодя, тогда это была всего лишь шутка.

Шло время. Контракт группы с «Roadrunner» истёк. Возобновлять его музыканты не стали, а шустро передислоцировались под крыло «Steamhammer». Первый релиз на новом лейбле, названный «Dead Again», вышел в 2007 году. Этот альбом с Распутиным на обложке, буклетом, рас-

кладывающимся в виде креста, и английскими текстами, варварски набранными кириллическим шрифтом, как бы суммировал все предыдущие достижения Type-0 Negative. Бешеный трэш-галоп заглавного номера был украшен психоделической слайд-гитарой. В замогильной «Tripping A Blind Man» бас шёл через допотопный фуззи-квак, в то время, как головоломные смены ритма заставляли вспомнить первые два альбома. Явился на свет и «The Profit Of Doom», первые наброски которого появились еще в прошлом веке. Теперь этот номер, равно как и «September Sun», звучал так, будто бы сочинялся озверевшими на старости лет Pink Floyd для новой версии «The Wall», а в финале пятнадцатиминутного опуса «These There Thing» Кенни Хики вдруг запыливал что-то, до боли напоминающее битловскую «Hey Jude»... Попали в альбом и абсолютно все вокальные приёмы, когда-либо использовавшиеся группой. Был тут и фирменный для Стила гипнотически-осоловелый полу-баритон, полу-бас, и хоровые психоделические распевки с обратным эхом, и хриплые трэшевые крики Кенни, и вокальная истерика через матюгальник. А вот дополнительный женский вокал в «Halloween In Heaven» пожалуй, вторгся в брутальный мир группы впервые.

Буклет альбома раскладывался наподобие креста. Музыканты в нем были изображены дважды: первый раз в качестве меловых силуэтов на асфальте, второй — в виде обглоданных скелетов в полуистлевших гробах.

Видеосекция включала выступление чёрно-зелёной группы на «Wacken Open Air 2007», пару видеоклипов и интервью с музыкантами. Во время выступления на священной земле Ваkena Питер Стил крестил аудиторию початой бутылкой красного вина, орошая из оной аудиторию, операторов и собственный загравок. Для полноты картины воротничок демонического басиста украшен католическим квадратиком — только не белым, а правильно, зелёным. Для Type-0 Negative эlegantное надругательство над знаками и символами стало доброй традицией.

В интервью на первый план выходили Кенни Хики и Джон Келли. Похожий на престарелого хиппи Джош Сильвер медитировал, сидя у стены, главарь банды вставлял лишь отдельные фразы. Глаза его в этот момент были, что называется, мёртвые — особенно в сравнении с тем недобрым огнём, что горел в них на концерте. Тот самый случай, когда человек живёт в своей музыке, а всё остальное для него — лишь скучная формальность. Когда-то Стил откровенно забавлялся тем, что гнал пургу в интервью и с удовольствием давал глупые ответы на глупые вопросы. Похоже, это ему в конце концов надоело. Видеоклипы «September Sun» и «Profits Of Doom» радовали наличием редкой ныне в метал-видео сюжетной составляющей. В последнем случае особенно оказался хорош Сильвер в роли Пуришкевича, депутата дореволюционной Государственной Думы, выстрелом в упор вышибающий мозги из буйной головы величайшего псионика земли русской Григория Распутина.

Что это было — подведение итогов, начало новой эпохи или и то и другое? К сожалению, мы так и не узнаем ответа на этот вопрос. 14 апреля 2006 года Питер Стил скоростно скончался в результате сердечного приступа.

Говорят, что чем чаще разыгрываешь свою смерть, тем сильнее отдаляешь ту перспективу, в которой она тебя ждёт. С Питером дела сложились прямо противоположным образом. Обложка «Life Is Killing Me», или разворот «Dead Again» (я уже молчу про сами названия дисков или текст «Everything Dies»), равно как и стёбный некролог басиста на самого себя в 2005 году, сейчас видятся скорее неким изощрённым троллингом костлявой.

Увы, выиграть в эту игру невозможно. Everything dies. И что характерно — иногда даже внезапно.

Дмитрий БЕБЕНИН

YOU'LL NEVER WALK ALONE: ТЫ НИКОГДА НЕ БУДЕШЬ ОДИН

С этого номера мы начинаем публикацию отдельных глав из книги Алексея Караковского «История песен: знаменитые песни Британии и США на русском-языке», которая будет издана в 2011 году.

Авторский дуэт писателя, театрального продюсера Оскара Хаммерстайна II и композитора Ричарда Роджерса сложился в 1943 году. Оба деятеля к этому времени были к тому времени уже очень успешны, но вместе они буквально поставили на поток создание произведений искусства, составивших впоследствии золотой фонд американской культуры. Всё это принесло им 35 премий «Тони», 15 «Оскаров», две Пулицеровские премии, два «Грэмми», две «Эмми», а Хаммерстайн стал единственным лауреатом премии «Оскар» по имени Оскар. В 1960 году Оскар Хаммерстайн умер от рака. Роджерс пережил коллегу на 19 лет.

Песня из мюзикла «Карусель», прошедшего на Бродвее в 1945-1947 годах с сумасшедшим успехом (890 исполнений!), входила в репертуар многих известных музыкантов — в том числе Фрэнка Синатры и Элвиса Пресли — но легендарной её сделал, как ни странно, футбол. А всё началось с того, что в начале шестидесятых годов эту композицию в исполнении ливерпульской группы «Gerry and the Pacemakers» стали регулярно проигрывать перед матчами на стадионе «Энфилд-роуд». Освоив простые слова о дружбе и надежде на светлую полосу в жизни, болельщики футбольного клуба «Ливерпуль» тут же сделали её своим гимном. Постепенно обычай петь эту песню в начале и в конце матча широко распространился, так что теперь её можно услышать не только в странах со старыми футбольными традициями, но даже в Беларуси и в Японии.

Тем удивительнее, что этот перевод на русский язык — первый. До этого появлялись только подстрочники, которые невозможно спеть (тем более, на трибунах). А ведь эта прекрасная песня пробуждает в душе светлые эмоции. Если у вас есть под рукой Интернет, поищите клип в исполнении ливерпульских музыкантов — и вы поймёте, о чём я говорю.

Интересен контекст, в котором песня исполняется в мюзикле: с её помощью главная героиня, Нэтти Фаулер (эту роль исполняет американская оперная певица Клара Мэй Тёрнер), утешает свою кузину Джулию, когда её мужа, Билла Байглоу, убивают во время неудавшегося ограбления. В финальной сцене, под эту же песню в хоровом исполнении, душа Билла взирает из космических высот на вручение школьного аттестата его дочери, Луизе. Слишком пафосно? А кто его теперь разберёт... Пьеса-то была написана аж в 1909 году венгерским драматургом Ференцем Мольнаром — и, как видите, уже более ста лет представляет собой заметное явление культуры.

You'll never walk alone

When you walk through a storm
Hold your head up high
And don't be afraid of the dark
At the end of a storm is a golden sky
And the sweet silver song of a lark

Walk on through the wind
Walk on through the rain
Tho' your dreams
Be tossed and blown

Walk on, walk on
With hope in your heart
And you'll never walk alone
You'll never walk alone

Ты никогда не будешь один

Ты идёшь сквозь грозу,
И вокруг темнота,
Но держи голову высоко.
Там, где стихла гроза
Небеса в хрустале,
Песню жаворонок поёт.

Иди через мглу,
Иди через дождь,
Хоть разбиты мечты,
Ветер их унёс.

Держись, держись,
Обязательно верь,
Ты идёшь не один, не один.
Ты будешь не один всегда.

Перевод Алексея КАРАКОВСКОГО

Капитан футбольного клуба «Ливерпуль» Стив Джеррард. Фото Рейтер.

ЦВЕТА И ЭМОЦИИ (ОТ ГЁТЕ ДО «ПИНК ФЛОЙД»)

Поэт-первопроходец

Принцип эмоция-цвет положен в основу всех религий, медицины и даже геральдики. Каждый цвет вызывает определенное состояние. Это прекрасно знают современные дизайнеры и модельеры, которые советуют одеваться даже в зависимости от цели встречи.

В Древнем Египте, Индии и Китае этими знаниями вовсю пользовались, полагая даже (если трактовать шире), что цвет (а чаще — комбинация цветов) может выражать определенную суть: как одного человека, так и нации. В «варварской» Европе эти знания долго не были распространены.

Революционным стало исследование Иоганна Вольфганга Гете «Учение о цвете». В запале великий немецкий поэт ставил эту свою работу выше литературного творчества, но лишь по причине того, что его достали соотечественники. Дескать, не своим делом занимаетесь, господин писатель, а делом Исаака Ньютона, открывшего световой спектр и трактовавшего последний только с точки зрения физики. Такой подход надолго заслонил психологический и символический аспекты цвета.

И кому же, как не Гете, художнику с острой чувствительностью, «работающему» с эмоциями, было определять психологическое действие цветов на человека? Однако поэт был обвинен в дилетантизме. Жаль, немецкие обыватели не знали, что в свое время выдающиеся литераторы Индии написали многие фундаментальные трактаты по цвету, в который окрашены «поэтические настроения», — двхвани-раса...

Основная часть гетевской работы называется «Чувственно-нравственное действие цветов».

Гете считал, что цвет «независимо от строения и формы материала оказывает известное воздействие на душевное настроение».

Он делил цвета на «положительные» — желтый, красно-желтый (оранжевый) и желто-красный (сурик) и «отрицательные» — синий, красно-синий и сине-красный.

Цвета первой группы создают бодрое, живое, деятельное настроение, второй — мягкое и тоскливое. Зеленый Гете относил к «нейтральным».

Характеристики цветов по Гете.

Желтый. «Если смотреть сквозь желтое стекло, то глаз обрадуется, сердце расширится, на душе станет веселее, кажется, что веет теплом...»

Оранжевый. «То, что сказано (положительного) о желтом, верно и для оранжевого, но в более высокой степени. Оранжевый “энергичнее” чисто желтого».

Желто-красный. «Приятное и веселое чувство, вызываемое оранжевым, вырастает до невыносимо-мощного в ярком желто-красном. Активная сторона в этом цвете достигает своей высшей энергии. В результате этого энергичные, здоровые, суровые люди любят особенно эту краску. Этот цвет привлекает дикарей и детей».

Синий. «Как цвет это энергия, однако он стоит на отрицательной стороне и в своей величайшей чистоте представляет из себя как бы волнующее ничто. Синий как бы влечет за собой, “уходит” от человека. Синий как идея темного связан с ощущением холода. Комнаты

с преобладанием синего цвета кажутся просторными, но пустыми и холодными. Если смотреть на мир через синее стекло, то он предстает в печальном виде».

Красно-синий (сиреневый). «Этот цвет вызывает ощущение беспокойства. Цвет живой, но безрадостный».

Красный. «Гармоничное соединение полюсов желтого и синего, и поэтому глаз находит в этом цвете идеальное удовлетворение. Более темный символизирует старость, а светлый — юность».

Пурпур. «Любимый цвет правителей, выражает серьезность и величие. Но если рассматривать окружающий пейзаж через пурпурное стекло, то он предстает в ужасающем виде, как в день “страшного суда”».

Зеленый. «Если желтый и синий находятся в равновесной смеси, возникает зеленый. Душа “отдыхает”».

В европейской традиции Гете был первопроходцем. Он дал немало полезных советов современным дизайнерам и модельерам, да и просто женщинам (и мужчинам, конечно), желающим одеваться со вкусом.

Принцип гармонии

Гете проводит параллель между гармонией цветов и гармонией психики.

В так называемом «цветовом круге» некоторые цвета оказываются напротив друг друга. Отсюда их «уравновешивающее» значение.

Как только человек видит один цвет, «противоположный» уравновешивает его энергию. Желтый, к примеру, требует для уравновешивания красно-синий (фиолетовый).

Худший вариант по Гете: сочетание в одежде двух близких цветов. Цитируем: «Желтый с зеленым — пошло-веселый, а синий с зеленым — пошло противный».

Гете рассматривал народы и нации в пристрастии к тем или иным цветам. Яркие цвета предпочитают дикари и дети. Сдержанные — «культурные нации».

Объективная субъективка

Выводы Гете повлияли и на художников, и на философов уже XIX и XX веков. Дидро, Гегель, Шопенгауэр, Кандинский писали серьезные работы на эту тему. Не буду спорить с классиками, но, проанализировав многие и древние и современные работы, выдам свой набор.

Красный — борьба, страсть, любовь, гнев. Действительно, от любви до ненависти один шаг, поскольку за красным — черный.

Оранжевый (сочетание красного и желтого) — деятельная творческая радость, поставленная на практическую основу.

Желтый — безусловная энергия, радость, сила, смех.

Зеленый — спокойствие, нейтральность, исцеление, сочувствие. Люди часто заблуждаются, приписывая его исключительно скуке: «тоска зеленая» и т.д. Это неверно. Действительно, когда у человека возникает состояние депрессии, появляется этот цвет.

Но он является следствием, а не причиной. Он залечивает душевные раны. Когда болезненное состояние улетучится, исчезнет и он.

Голубой — созерцательное состояние, отстраненность.

Синий — зовущий, но холодный, олицетворяет активный мыслящий процесс, сильные эмоции духовного порядка, высоту.

Фиолетовый — творчество, божественный уровень, самое глубокое проникновение в «непознанное» (вслед за синим!).

Остальные — как сочетания основных.

Например, любимый властью пурпурный — сочетание красного (активность, борьба) и синего (духовность, интеллект).

Примерно в той же последовательности, по цветам светового спектра, обозначены фазы человеческого возраста: детство, юность, молодость, зрелость, старость. Замыкает их с двух сторон черный цвет. То есть сама Жизнь, бытие — белый. Точнее, белый (куда входят все цвета спектра) — сознание, созидание.

Черный — небытие, подсознание, разрушение... Однако с черным так просто у меня не получалось из-за одной неувязки.

Цветомузыкальная палитра

Учитывая свое неплохое знание музыки, я решил присвоить каждому музыканту свой цвет. Точнее, какие цветовые ощущения у меня вызывает тот или иной исполнитель.

В этом нет ничего удивительного, поскольку, к примеру, Владимир Набоков в цвете воспринимал слова. Каждое слово несет какие-то эмоции, и, соответственно, возникает та или иная краска. Композитор Александр Скрябин таким образом воспринимал звуки. Для своей симфонической поэмы «Прометей» он распisał «световую партитуру» по принципу: цвет — эмоция — звук. Точнее, партитура была создана для неведомой тогда «световой клавиатуры». Синтезатор в соединении с цветомузыкальной установкой изобретут только через полвека...

Итак, первого я «забросил внутрь» Моцарта. Рядом, кроме цвета, обозначено, с чем данный творец у меня ассоциируется...

Моцарт — розовый (детство).

Бетховен — красный (борьба).

Бах — голубой, синий (созидающая духовность).

«Дип Форест» (электронные аранжировки этнической музыки) — зеленый (весна, крестьянское благодарение за урожай).

Луи Армстронг — желтый (щедрое живое тепло, «всемирный отец», безусловная любовь).

Адриано Челентано — оранжевый. (Тоже много тепла, но умноженное на практичность и мужскую агрессию.)

«Дип Перпл» — темно-пурпурный. (Как и «Дип Форест», соответствует цвету по своему названию. Но у перплов — психология отступающего. Их наиболее известные композиции «Дым над водой», «Пепел», «Смерч» несут в себе ощущение «наезда» тотальной силы. Что-то близкое по духу делал в своих симфониях Дмитрий Шостакович. И только однажды отождествил эту силу — в знаменитой Седьмой симфонии — с фашистским вторжением...)

Джими Хендрикс (основатель хард-рока) — черный. (По-шамански работал на разрушение. Сгорел в алкогольно-наркотическом огне.)

Но с тем же черным цветом совершенно неожиданно у меня ассоциировалась и величайшая рок-группа «Пинк Флойд»... Стоп! Разберемся подробнее.

Черный?

Альбом «Пинк Флойд» «Атомное сердце матери» 1970 года исполняет мужской и женский хор в сопровождении симфонического оркестра. Для рок-группы конца 60-х это было более чем удивительно. (Подобный эксперимент произвели только их антагонисты — «Дип Перпл».) Причем музыка, особенно что касается ее симфонической части, похожа на мифическое или библейское сотворение мира. Она близка по настроению к лучшим вещам уже упоминавшегося Скрябина (что видно даже по названиям его симфоний: «Божественная поэма», 1904, «Поэма экстаза», 1907 и «Прометей», 1910).

«Пинк Флойд» в 1970 году начали с того, чем Скрябин завершил.

Их «Темная сторона Луны» 1973 года — связь через Космос сознания и подсознания. Этот шедевр воплотил в себе созидательную человеческую мудрость!

Как же «саморазрушающийся» Хендрикс и «самосозидающие» «Пинк Флойд» могут восприниматься одинаково: в черном цвете?

Неожиданно я пришел к парадоксальным выводам.

Да будет свет!

В энциклопедии свет трактуется как «электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом, то есть в диапазоне частот $4,0 \times 10^{14}$ — $7,5 \times 10^{14}$ Гц».

Таким образом, это высокоэнергетическое излучение. Дабы глаз стал его воспринимать, «излучатель» надо основательно «раскошегарить».

Кстати, то, что Гете называл «положительными цветами» (красный, оранжевый, желтый) и «отрицательными» (голубой, синий, фиолетовый), классифицируется сейчас как теплые и холодные тона. То есть по степени «нагретости». Условно говоря, черную материю нужно «нагреть» до состояния излучения. То есть белый — «бывший черный».

Размышляя о природе черного, я ассоциативно вспомнил систему: графит — алмаз.

Как известно, у них одинаковый химический состав — углерод (C), но гигантская разница в структуре.

Алмаз — высокий порядок структурной организации (октаэдр), графит — низкий (слоистая).

Алмаз — воплощение света (высочайший показатель преломления — 2,4), графит черен как тьма.

Искусственный алмаз производится под высоким давлением, достигаемым при помощи взрыва. Есть и технологии статического обжатия, которыми занимался мой отец в 60–70-х годах в Киевском институте СССР этого профиля — ИСМ (Институт сверхтвердых материалов).

Чтобы получить незначительное количество синтетических алмазов (некрупных к тому же), графита требуется в десятки раз больше.

И колоссальное количество энергии нужно для того, чтобы произошел качественный скачок (однажды даже атомную бомбу рванули в угольной шахте в надежде собрать «алмазный урожай»). В есте-

ственных условиях, конечно, процессы превращения длятся столетиями...

Неожиданно в моем воображении возникла картина звездного неба. Только ленивый поэт не сравнивал звезды с «алмазными россыпями на черном бархате небес».

То бишь черный — основной фон.

Учеными уже доказано, вакуум — не условная «пустота», как считалось до некоторых пор, а низкоэнергетическое поле.

Получается, что материя «низкого порядка» служит «топливом» для создания высокоэнергетических систем, дающих свет. (Примерно как в обыденной жизни — уголь для производства тепла на ТЭЦ и, соответственно, электричества.)

Выходит, что во Вселенной черного должно быть гораздо больше по соотношению с белым, поскольку это «материал».

Световые категории (и вообще жизнь) являются достаточно дефицитными вещами во Вселенной. Вспомним, в каком количестве тьмы вращаются наша и другие галактики. Больше будем ценить, «что имеем».

Черный — первичный материал. Не случайно художник Казимир Малевич дошел до своего «Черного квадрата», отмечая послыно образы и предметы. Он справедливо считал «черный квадрат» «первоосновой», «пределом», некоей «грифельной доской» Творца. (ЧК, неспроста аббревиатура совпадает с названием грозной организации, был и апокалиптическим знаком, поскольку появился перед Первой мировой — в 1913 году — как символ затмения для спектакля «Победа над солнцем», где фанерным черным квадратом заслоняли изображение солнца.)

Вверх или вниз?

Однако вернемся к «Пинк Флойд» и Хендриксу.

Значит, черный — не только символ распада, то есть «поглощающий», но и «аккумулирующий», то есть «накапливающий энергию». (Может, пресловутые черные дыры — те же аккумуляторы?)

Вопрос только в том, куда направлен вектор энергии — на разрушение или на созидание.

У двух таких разных исполнителей, как Хендрикс и «Пинк Флойд», разная направленность энергетики. Если Хендрикс — черный цвет, олицетворяющий энергию, ведущую в подсознание, к распаду, то «Пинк Флойд», напротив, — это черный, уже накопивший энергию перед переходом в белый, к сверхсознанию.

В основе пинк-флойдовского альбома «Темная сторона Луны» (1973) — ритм сердца, уходящий в Космос, затем возвращающийся через ритм станка, печатающего деньги, и опять — к ритму сердца. Смычка Космоса и Земли, сознания и сверхсознания происходит через человека.

Изумительно и оформление альбома. Дизайн разработал талантливейший художник Джордж Харди (группа «Хипнозис»): на черном фоне в призму падает белый луч, и происходит спектральное разделение. Единственно, что лучи уже разных цветов не разбегаются (как происходит в действительности), а идут направленным радужным пучком. Возможно, в этом символически отражено действие Воли как силы, способной фокусировать свет (в буквальном и в переносном смысле).

Константин РЫЛЁВ

У УЗБЕКОВ НЕТ ИЛЛЮЗИЙ

За эту вынесенную в заголовок знаменитую фразу (точнее, за состоящую лишь из неё телеграмму Выготскому в Москву) советский психолог Александр Романович Лурия в 30-е годы чуть было не сел как политический.

А дело-то не стоило и съеденной баланды: у обследованных Лурией по глухим кишлакам этнических узбеков действительно не было иллюзий. Оптических. Ну там отрезки всякие со стрелками, кружочки, штриховка вдоль и поперёк — знаете, наверное. Когда при измерении линейкой, например, отрезки равны, а на взгляд кажутся разными. Не казались они узбекам разными, не казались, хоть ты тресни.

При этом биологически узбеки — те же *homo sapiens*, что и эскимосы, немцы, русские или папуасы. Значит, зрительный аппарат устроен и работает у всех одинаково (проверено учёными). Значит, дело не в устройстве или работе зрительного аппарата.

Кстати, ещё одна иллюзия отсутствовала у жителей кишлаков: фотографические портреты (в те далёкие времена — исключительно чёрно-белые) они не воспринимали как изображения человеческих лиц, тем более не сопоставляли с физиономиями конкретных людей. Это тоже установил Лурия.

Из этого, между прочим, следуют очень любопытные культурологические выводы, а именно:

— Оптические иллюзии обусловлены культурными кодами

— То, что фотопортрет репрезентирует человеческое лицо, — иллюзия.

(Именно к последнему выводу отослал Пикассо некоего обывателя, упрекнувшего художника в том, что тот изображает не реальность, а чёрт те что. Обыватель показал Пикассо фото своей супруги и заметил, что уж тут-то, в отличие от Пикассовой мази, человек таков, каков на самом деле. А Пикассо удивлённо спросил: «Что, такая же маленькая и плоская?!»)

Все заявления о том, что банальная фотография в наше время заменила искусство художника-портретиста, снимаются тем доводом, что без создания поколениями и поколениями этих самых портретистов современной системы культурного кодирования фотография не изображала бы ровным счётом ничего. Как в 30-е годы она ничего не изображала для узбеков. Фотографы пользуются тем, что придумали художники. Фотографию создали художники, а вовсе не физики.

Интересно, связано ли отсутствие фотоиллюзии у узбеков с тем, что в их исламской культуре, не тронутой, вследствие глухости кишлаков, вторжением иных культур, существует запрет на делание себе кумира и изображения его?

Мда. Как писал Деррида, фактически нет никакого мира вне текста. Нет изображения вне системы кодов, обобщу я. Для европейца изображение человека — след фотонов на фотоплёнке, для собаки изображение собаки — след собачьей мочи на столбе, для медведя изображение медведя — след когтей на дереве. Собака и медведь видят портрет собаки и портрет медведя, но для них он не является изображением. Так, совокупность пятен.

И наверное, у узбеков всё-таки есть иллюзии. Свои, кишлачные, исламские, неисследованные европейцами и обусловленные собственной системой культурных кодов, характерной для глухих узбекских кишлаков.

Сергей АЛХУТОВ

ЧЕЗАРЕ ПАВЕЗЕ — ПИСАТЕЛЬ, ИЗВЕСТНЫЙ ТЕМ, ЧТО УМЕР

Так почему-то вышло, сумма общих знаний о нем — это его самоубийство да предсмертное стихотворение «Смерть придет, и у нее будут твои глаза», на русской почве известное как эпиграф у Бродского. В популярных версиях его биографий уверяют, что он покончил с собой от несчастной любви к актрисе Констанс Доулинг. Вот, пожалуй, и все.

Между тем вообще-то поэтические опыты Павезе занимают в его наследии очень небольшое место: он прозаик, и за прозу получил две свои премии (от одной отказался, другую, «Ла Стрега», принял — но то было за два месяца до смерти), а еще переводчик — он перевел на итальянский Синклера Льюиса, Джойса, Дос Пассоса и Стейнбека, романы Диккенса и Дефо. Его стихи, хотя были изданы первыми, прошли вообще незамеченными.

Что же до самоубийства, то и оно совсем не случайно. Смерть бродила вокруг Павезе давно: его старшая сестра умерла в детстве от дифтерии, младшие братья тоже умерли совсем маленькими, а в шесть лет он потерял отца. А когда он учился в лицее, его одноклассник застрелился. Чезаре собирался поступить так же, и даже написал об этом стихи. Но почему-то не решился.

Позже в его дневниках не раз будут упомянуты попытки самоубийства, «оборванные», как он пишет.

«Ты счастлив?» — он имел обыкновение в дневниках подводить итог каждому году, эта запись от 1 января 1946 — «Да, ты счастлив. У тебя есть силы, есть гений, есть что делать. Ты одинок. Дважды в этом году ты оборвал попытку самоубийства. Все тебя обожают, хвалят, пляшут вокруг тебя. И что? Ты никогда не сражался, вспомни. И никогда сражаться не будешь».

Он боялся смерти. В 1932 году он вступил в фашистскую партию. Через три года его, несмотря на это, отправят в ссылку — в доме у него обнаружилось письмо от политзаключенного. Обвинение в антифашизме не заставило себя ждать, а за ним тюрьма и ссылка на три года. Из ссылки он писал: «как жаль, что не изобретут лекарство, выпив которое, можно по своему желанию вызвать летаргию — в моем случае на три года». К счастью, его освободили после года высылки.

Мобилизации он тоже избежал, леча нервную астму. Когда в Италию вступили немцы, и дело зашло о партизанской борьбе, он сбежал в Монферрато к сестре, а потом, после освобождения, мучился угрызениями совести. Но все равно боялся. И вступил в коммунистическую партию. Так он отдавал долг погибшим и пытался утишить упреки совести. Нет сомнений, что он решался на это не менее трудно, как другие решались уйти в партизаны.

Стихи он писал, похоже, в трудные для себя моменты — цикл «Земля и смерть» написан как раз после освобождения, многое другое — после очередной неудачи в любви. Ему не везло: одна была увлечена политикой, другая предпочитала дружить, третья... третья как раз была Констанс Доулинг и уехала в Голливуд.

27 августа 1950 года, что знают все, в номере отеля «Рим» он наглотался снотворного и оставил записку на первой странице своей книги «Диалоги с Леуко»: «Прощаю всех и у всех прошу прощения. Ладно? Не сплетничайте слишком много».

Его стихи отличаются подчеркнуто простым слогом и легким, почти рок-н-рольным ритмом. Он не плел, он рассказывал: в основном — о земле и смерти.

Анна ГЕРАСИМОВА

Им, котам, все известно

Дождик вымоет камни
Мостовых драгоценных,
Дождик легкий и свежий,
Словно шаг или шелест.
Ветерок и заря
Расцветут незаметно
Под твоими шагами
В час, когда ты вернешься.
За цветами на окнах
Им, котам, все известно.

Будут новые дни,
Будут речи другие,
Улыбнешься одна, —
Им, котам, все известно.
Пару слов тебе скажут,
Слов усталых, напрасных,
Как наряды и песни
Со вчерашнего праздника.

И ты вздрогнешь в ответ,
И на слово ответишь
Ты улыбкой весенней,
Тоже дрогнув в ответ.

Им, котам, все известно,
И улыбка весенняя,
Дождик, легкий и свежий,
И лиловый рассвет.

• ПИСЬМА ИЗ НИОТКУДА

На куски рвется сердце,
Где была ты надеждой...
Улыбнешься невесело,
Ты одна улыбнешься.
Будут новые дни,
Голоса, пробужденья,
Боль приходит с рассветом,
Как улыбка весенняя.

***

Смерть придет с твоими глазами,
смерть, что вечно сопровождает,
С утра до ночи, бессонных
век не смыкая, глухо,
Как неумная совесть
Или тупая привычка.
Глаза твои станут словом
напрасным, криком зажатым,
Молчаньем. Ты каждое утро,
Сама над собой наклоняясь,
Глаза свои в зеркале видишь.
Надежда? Тогда мы узнаем,
Что она и жизнь, и ничто.

Один на всех взгляд у смерти.
Смерть придет с твоими глазами.
Все равно как оставить привычку,
Как увидеть в зеркале всплывшим
Лицо мертвеца, как послушать
Рассказ из закрытых губ.
Мы спустимся в бездну немыми.

***

Даже ночь на тебя похожа,
Ночь глухая, которая плачет
молча, в самых глубинах сердца.
И звезды проходят устало.
Щека к щеке прикоснется,
Холодный укол, и кто-то
снова бьется и умоляет,
заблудившись в тебе, в твоей дрожи.

Ночь страдает и жаждет утра,
сжимается бедное сердце,
Лицо глухо, тоска темна,
Дрожь сокрушает звезды.
Кто-то с тобой ждет рассвета,
Молча вглядываясь в лицо.
Разметавшись, укрыта ты ночью,
словно линия горизонта.
Сжимается бедное сердце,
И рассвет наступит нескоро.

Перевела Анна ГЕРАСИМОВА

• КАЮТ-КОМПАНИЯ

ОБЪЕДИНЕНИЕ ДЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ “ОСТРОВ Ю”

О том, зачем, для чего, как и почему был создан «Остров Ю», я побеседовала с детскими писательницами Тамарой Михеевой и Ириной Павловой.

В последние годы в России идет активный литературный процесс. Но если на взрослую прозу и поэзию обращается вполне достаточное внимание, то детская литература выпадает из зоны интереса издателей и критиков, а как следствие, и читателей. А ведь именно детская литература готовит тех читателей, которые будут потребителями современной взрослой литературы. Сегодня в детской литературе идет активная работа по созданию нового литературного языка, новой образности, нового героя. И все это есть в произведениях молодых российских детских писателей.

«Остров Ю» — творческое объединение детских писателей, призванное привлечь внимание общественности к современной детской литературе. Его участники: Елена Владимирова (Тамбов), Наталья Волкова (Москва), Анна Воронова (Питкяранта), Наталья Дубина (Санкт-Петербург), Галина Дядина (Арзамас), Анна Игнатова «Санкт-Петербург», Михаил Лероев (Новосибирск), Тамара Михеева (Челябинск), Анна Никольская-Эксели (Барнаул), Алексей Олейников (Москва), Ирина Павлова (Мурманск), Елена Ракитина (Санкт-Петербург), Анна Ремез (Санкт-Петербург), Елена Усачева (Москва), Дмитрий Фролов (Саранск), Евгения Ярцева (Москва), Ольга Аленкина и Анна Сидорова.

А.Н-Э: Совсем недавно в бескрайнем океане детской литературы возник новый «Остров Ю». Как это произошло?

Ирина Павлова: Случалось это как-то очень медленно и постепенно. Сначала были семинары и форумы, которые организовывал фонд С. А. Филатова. Там мы все и познакомилась. А потом родилась идея объединиться в некое сообщество. Паровозом оказалась Лена Усачева — именно она подвигла нас на некую «революцию». А мы подумали-подумали и решили — почему бы и нет! Собрались и поехали в Коктебель. Это, наверное, была наша первая серьезная и самоорганизованная «вылазка». Всем очень понравилось — и нам, и читателям. Тогда мы уже представляли независимое сообщество детских писателей. А в ноябре 2009 года, когда детских писателей собирал «ДЕТГИЗ», мы снова все встретились. И долго обсуждали программу и название. В последний вечер, в гостинице, если память меня не подводит, на Чернышевской, и родился «Остров Ю», как название нашего сообщества.

Тамара Михеева: Семинары Фонда СИЭП — очень хорошее дело, но, к сожалению, новых имен в ней почти не появляется. Как-то президент фонда, Сергей Александрович, задал мне простой вопрос: почему? Почему нет новых громких имен в детской литературе, хотя во взрослой то и дело возникают? Конечно, здесь много причин, но одна из главных, как мне кажется, — это отсутствие информации. Детская литература — особая, она рассчитана сразу и на взрослого, и на ребенка, ведь книги ребенку покупают родители. А что они будут покупать? Конечно, то, что сами любили в детстве, то есть заслуженных классиков. Откуда же взяться новым именам? Родители сегодняшних наших потенциальных читателей просто не знают, что мы есть. Конечно, в Интернете много всего можно найти, но вряд ли кто-то из родителей это делает, только уж совсем увлеченные. Раньше встречи с писателями очень практиковались в нашей стране. Это естественно, что после встречи с ЖИВЫМ писателем ты начинаешь им интересоваться. Тем более ребенок. И мы

решили вспомнить давно забытое старое, поехать по городам и поговорить с нашим читателем с глазу на глаз.

А.Н-Э: А кто на острове живет? Что вас объединяет?

Тамара Михеева: Дружба нас объединяет! Дружба и общее дело.

Ирина Павлова: На острове живут, прежде всего, замечательные люди, умеющие мечтать, дружить. А еще это люди очень талантливые. Каждый по-своему. Кто-то в стихах, кто-то в прозе. Многих объединяет то, что в разное время мы были участниками семинаров и форумов фонда С. А. Филатова. Но, главное, как мне кажется, это равнодушные к судьбам детской литературы, равнодушные к судьбе детской книги.

А.Н-Э: Какие цели вы ставите?

Тамара Михеева: Познакомить родителей и детей с «подрастающим поколением» детских писателей, привить интерес к книге, просто рассказать о себе, крикнуть: мы есть!

Ирина Павлова: Прежде всего, это знакомство читателей с современной детской литературой. Может, это нескромно, но мы хотим заявить о себе, как о новых авторах, пишущих для детей. В сознании читателя детская литература заканчивается в лучшем случае Успенским. Маршак, Чуковский, Крапивин, Бианки — все это блестящие образцы детской литературы, которая, однако, не всегда понятна современному ребенку. Но выросло поколение, не имеющее собственного автора. Так вот, мы есть. Мы хотели бы, чтобы с нами познакомились. Чтобы о нас знали. Чтобы нас брали в расчет, когда речь заходит о современной литературе в целом.

А.Н-Э: В прошлом году в Коктебеле вы уже устраивали праздник книги. Расскажите об этом.

Ирина Павлова: О, эти чудесные коктебельские дни! Мы провели встречи с детьми в библиотеке Феодосии, в школе г. Коктебеля. Мы провели «Детский день» у дома-музея Волошина, а вечером творческий вечер в ДК г. Коктебеля. И все это в рамках 7-го Международного Волошинского фестиваля.

Тамара Михеева: Было очень здорово! Хотя сначала мы долго сомневались: все-таки поэтический фестиваль, взрослые поэты такие серьезные... Но Аня Матасова и Елена Усачева убедили нас, что фестиваль-то имени Волошина, а сам Макс всегда был не прочь пошалить. Русскоговорящий Крым особенно остро ощущает нехватку таких встреч. А какие там дети! Просто незабываемые! На следующий год нас ждут снова.

А.Н-Э: А какие планы? Куда еще собираетесь?

Ирина Павлова: Планов у нас много! Но вот все ли получится — страшновато загадывать. Запланированы «экспедиции» в Финляндию, в детский лагерь «Орленок», хотелось бы проехать по городам, где живут «островитяне». Но опять же — как бы это ни было печально — вопрос упирается в деньги. Кто-то их может найти и поехать, кто-то нет. Вот сейчас, в феврале, мы собираемся в «Экспедицию Че» (Челябинск, Усть-Катав, Миасское) — встречи в библиотеках, выступления перед детьми. Мы это делаем на чистом энтузиазме. И опять же, получается, кто смог — тот поехал. А ведь могут далеко не все.

А.Н-Э: Широкому читателю известны Чуковский, Маршак, Бианки, Барто, в лучшем случае, Крапивин и Успенский. А происходит ли сегодня в детской литературе что-нибудь интересное?

Тамара Михеева: Да каждую секунду происходит что-нибудь интересное! Но чтобы об этом узнал весь мир, нужно чтобы был человек, который умеет «двигать» продукт. Сами писатели редко умеют это делать.

А.Н-Э: Как вы думаете, почему хорошей детской книге пробиться к читателю гораздо сложнее, чем напояженной, но пустой поделке?

Ирина Павлова. Фото Натальи Караковской.

Ирина Павлова: Я думаю все дело в информационном пространстве, оно как раз заполнено напояженными поделками. Почему-то у нас боится давать деньги на качественный продукт, считая, что он не сможет стать коммерчески выгодным. А он может, еще как!

А.Н-Э: Как вы думаете, кто виноват в сложившейся на книжном рынке плачевной ситуации: алчные издатели в погоне за прибылью или неразборчивые читатели, скупающие яркие новолыпы? Кто задает тон? Откуда, так сказать, ноги растут?

Ирина Павлова: Мне кажется, что это звенья одной цепи. А ноги растут из 90-х, когда все кинулись зарабатывать деньги на чем только могли. Теперь имеем «потерянное» поколение, не читающее и не знающее, что читать. И издательства, которые все так же, по старой привычке, новолыпы издают. Но есть и исключения.

Тамара Михеева: Да не плачевная ситуация, плачевная она была в 90х, когда ничего не было! А сейчас все равно есть приличные издательства, издающие хорошие, достойные, я бы сказала, книги: Самокат, ИД Мещерякова, КИТОНИ... Просто их мало, их надо поддерживать. А ноги растут как раз оттуда: сегодняшние родители — это дети 90-х годов, когда было особо не до книг. То есть они выросли без книг, основная масса. У них не то чтобы плохой вкус, у них просто нет в принципе понятия о хорошей и плохой литературе, наверное. То есть у нас, потому что я сама оттуда. Но мне повезло, я в очень читающей семье росла.

А.Н-Э: Все говорят о назревшей необходимости госзаказа на детскую литературу, который построен на трех темах: «Патриотизм, здоровье и спорт». Как вы к этому относитесь?

Тамара Михеева: Я напрягаюсь при слове «госзаказ». Мне чужд патриотизм в том ключе, в каком нам его часто преподносят. Я за всеобщее равенство и братство, планетарное. Здоровье и спорт — это отлично, но пока у нас по ТВ в каждом фильме крутые парни пьют водку, курят и т.д., то никакие книги, никакие социальные ролики не помогут.

Ирина Павлова: Не знаю, меня с одной стороны пугает слово «госзаказ», хотя с другой стороны, да, наверное, он нужен. Но не так, чтобы прямо и в лоб. Может просто, госзаказ на хорошую книгу!

Беседовала Анна НИКОЛЬСКАЯ-ЭКСЕЛИ

РАЗЪЕЗД 842. СТИХИ АЛЕКСЕЯ ЕРОШИНА

Начнем, как обычно, с «досье». Ерошин Алексей Дмитриевич родился 34 года назад в селе Ленинское Новосибирской области. Окончив лесхоз-техникум, отработал два года по специальности, «дослужился» до помощника лесничего и, как пишет сам, «вдоволь наелся лесной романтики». С тех пор освоил немало профессий, от плотника до кинооператора. Нынешний статус — «дизайнер из Новосибирска». Вдобавок ко всему — охотник, рыбак, фотограф, художник, бард, поэт, прозаик и драматург. Публиковался в журнале «Сибирские огни» и газете «Наука Сибири». Автор книги «Дорога до Килиманджаро».

Вот стихотворение Алексея Ерошина, давнее название большой подборке в «Сибирских огнях»:

Разъезд 842

Стрелка.

Разъезд восемьсот сорок два.

Тополь, да пыль, да ковыль-трава.

Здесь можно с разбега нырнуть в тишину,

Как в омут, и камнем пойти ко дну,

И никогда не достигнуть дна:

Здесь не глубинка,

Здесь — глубина.

Здесь никогда не стоят поезда,

Здесь та же самая всходит звезда

Ровно в одиннадцать каждый вечер,

Здесь и заняться-то больше нечем,

Как только вести философские споры

С охочим до водки обходчиком Колей,

Да перепелов постреливать в поле,

Да раз в неделю газетку на скорый,

Который, гремя, проносится мимо,

Напоминая, что там, за скверной,

За гранью этой чёрной дыры,

Возможно, есть и другие миры,

Что, впрочем, вовсе не достоверно...

Но Галка, дочь обходчика Коли,

Всё смотрит и смотрит из-под руки,

Как убегают вдаль огоньки...

Делать ей больше нечего, что ли?

Всё верит,

Что жить без надежды нельзя,

Что люди не могут быть одиноки...

Так до утра и стоит у дороги.

Дурёха дурёхой,

ну что с неё взять...

Я намеренно столь подробно перечислил «регалии» Алексея, потому что, как мне кажется, широкий диапазон, постоянное стремление к новому и неиспробованному проявляется не только в его жизни, но и составляет основу творчества. Он смело берется за освоение самых разных жанров и, надо сказать, почти всегда добивается успеха. К своим 34-м годам Алексей Ерошин накопил немалое «творческое наследие», основную часть которого составляют стихи. Сам автор разделяет их на «детские, недетские, совсем недетские,

шуточные и сказочные». В свою очередь, «недетские» стихи Алексея я бы поделил на любовные, философские, лесные, исторические, «народные» и разные. И каждая группа стихотворений заслуживает отдельного разговора.

Детская поэзия Алексея Ерошина — это удовольствие, которого нельзя себя лишать. Читайте ее целиком, всю и сразу, запоминайте, рассказывайте детям и внукам — они будут в восторге. Приведу здесь мое, пожалуй, самое любимое — «Про лису»:

Охотник Сысоев и такса Сосиска

Всё утро слонялись в сосновом лесу.

Охотник Сысоев и такса Сосиска

Всё утро в лесу добывали лису.

Охотник Сысоев и такса Сосиска

Промокли насквозь от студёной росы.

Охотник Сысоев и такса Сосиска,

Устав, закусили куском колбасы.

Охотник Сысоев и такса Сосиска

Нигде не сыскали лукавой лисы.

Охотник Сысоев и такса Сосиска

Направились к дому, повесив носы.

Покуда Сысоев и такса Сосиска,

Слоняясь по лесу, искали лису,

Лиса у них дома, без всякого риска,

Стащила оставшуюся колбасу.

Но не только детям есть чему порадоваться, читая Алексея. Вот, к примеру, фрагмент его «шуточной бард-оперы «Ворона и К*...»:

Ария Лисы (обличительная речь рыжего демона)

музыка а-ля В.Высоцкий «Она была в Париже»

Мне как-то Бог послал кусочек камамбера.

Но только (сколь порой чудны его дела)

За эту бандероль ответственным курьером

Ворона на беду назначена была.

Ворона видит сыр. Дыханье спёрли слюни.

И, ношу второпях на ёлку взгромоздя,

То так её лизнёт, то эдак её клюнет,

Ни бога, ни меня нисколько не стыдясь.

И сыр в её когтях всё меньше, меньше, меньше!

Он был уже готов исчезнуть на глазах,

Но крикнула я ей: «Позор такой курьерше!»,

И белый снег прожгла горячая слеза.

«О, как, о, как могла, вместилище порока,

На этот сырный кус ты совесть променять?

О, как же ты могла так люто и жестоко,

Лишив меня его, лишить его меня?!

● ПОРТРЕТ ПИСАТЕЛЯ В ИНТЕРЬЕРЕ

О, как же ты могла святой мундир курьера
Неправедным своим поступком запятнать?
Надежда умерла, а с ней — любовь и вера,
О, нравы! О, мораль! О, злые времена!»

Услышав речь мою, ворона зарыдала.
(Как видно, честь была вороне дорога).
И с жадностью своей вороньей совладала,
И дивный божий дар упал к моим ногам.

Кто прав, а кто не прав, о том судите сами.
Истории конец, мораль пора изречь:
Кто хочет кушать сыр, икорку и салами,
Тот совестью своей обязан пренебречь.

Следующий жанр — «лесные» стихи. Кому как не Алексею, писать на эту тему, кто лучше него понимает язык тайги, кто еще способен так же как он, разглядеть и оценить красоту природы в любых ее проявлениях:

А здесь такая тишина —
ни шороха, ни звука,
Что треск свечи похож на гром,
на звонкий летний гром,
И запах кислого борща
и жареного лука
Уже поплыл над очагом,
окутывая дом.

Густой предутренний туман
повис в еловых лапах,
Окутал зыбкой пеленой
распадки вдоль реки...
Болтают, где-то прорвало
большой небесный клапан:
То снег, то дождь, то снова снег
до гробовой доски.

Ступила осень на порог —
то в дверь стучит, то в окна.
То каплет с крыши на песок,
то в миску с потолка.
Насквозь промокшая тайга
седьмые сутки мокнет,
И в сердце сырости комок —
зелёная тоска.

Хоть ты, приятель, не молчи,
мой верный друг сердечный.
Давай с тобой поговорим,
как водится, про жизнь.
Тебя спрошу, а ты в ответ
вильнёшь хвостом, конечно —
Глядишь, и времечко для нас

быстрее пробежит.

А здесь такая тишина —
ни шороха, ни звука,
Лишь сиротятся в уголке
котомка да ружьё,
Да дым курится над трубой
латинской хитрой буквой...
То снег, то дождь, то снова снег
меняется дождём...

Многие стихи Алексея можно отнести к разряду «народных». В своем творчестве он охотно обращается к древнерусским традициям, к скоморошеству, скрывающему за песенно-сказочной формой серьезные, а порой и горькие мысли. У Алексея Ерошина есть целый цикл «скоморошин» вполне современного звучания, представляющих отдельный интерес. Но наиболее значительное достижение в этом жанре — эпическая (не побоюсь этого слова) поэма «Сказ про то, как Иван-дурак за правдой ходил». 15 глав с эпилогом, результат двухлетнего труда — это вам не экспромтики в альбом прекрасной дамы! Тем более что сказ про Ивана по заложенной в него идее, по своим художественным достоинствам, на мой взгляд, не уступает филатовскому «Федоту-стрельцу». Он написан несколько в ином ключе (и это хорошо!) — но, я думаю, немного найдется в современной литературе произведений, столь близких «Федоту» по духу и мастерству.

Вообще, тема правды, ее поиска и обретения постоянно присутствует в творчестве Алексея Ерошина. Во многих его стихотворениях этот мотив не столь очевиден, как в «Сказе...», но вполне отчетливо читается между строк. И наверняка, тем же привлекательна для нас и сама поэзия Алексея — о чем бы он ни писал, какие бы песни ни пел, фальшивых нот вы не услышите. Именно поэтому ему хочется верить, а к его стихам возвращаться опять и опять.

Подорожная

— К заутрене будем?
— Бог ведает, барин:
Туман да болото, не видно дороги.
Поспал бы...
— Не спится мне. Сердце в тревоге...
— Не спится? Ну что же, давай погитарим.

— Ты шутишь! О чём говорить нам с тобою?
Что смыслишь ты, лапотник, в бедах державы?
— Хомут ещё крепок, да оси-то ржавы.
— Но конь-то горяч!
— Да зело перепоеен.

— Шалишь, мужичина: жеребчик-то справный!
— Жеребчик-то справный, да рваные вожжи.
— Крамольно глаголешь!
— Помилуй мя, боже...
За правду крамольную ноздри-то рваны...

— Ах, Ваня, что правда?. Красива далече,

Да вкус её горше полынной настойки.
— Ништо, мы к настойкам с рождения стойки.
А на душу примешь — и, кажется, легче.

— Ах, Ваня, окрестно всё сирое да пресно:
Ухабы всё чаще, болота всё пуще!
Не стать ли?
— Дорогу осилит идущий,
А прочие способы нам неизвестны...

Скрипели насквозь проржавевшие оси,
Встревая в дискуссию власти с холопом.
Жеребчик то под гору мчался галопом,
То плёлся, надсадно хрипя на откосе.

Тревожно трещали в тумане сороки.
Душа в беспросветной тоске заходилась.
А брочка катилась,
катилась,
катилась,
И не было края
у этой
дороги...

© Алексей Ерошин.

Сайт Алексея Ерошина «Галопом по Парнасу»: <http://alex.rifma.ru>
Алексей Ерошин на «Точке зрения»: <http://www.lito.ru/avtor/hunter>
Детские стихи (одним файлом): <http://alex.rifma.ru/content/stihidet.html>

Песни: http://music.lib.ru/editors/e/eroshin_a_d/alb0.shtml

Андрей МОИСЕЕВ

ПОЭТЫ ВОЛОГДЫ

Поэзия в Вологде всегда была сферой сакральной: три памятника установлено в городе — Пушкину, Батюшкову и Рубцову, и несколько улиц названо именами поэтов. На фоне такого укоренившегося поэтического императива творчество предстает харизматическим деянием, привлекающим к себе внимание. Сегодня поэтическая Вологда включает имена, которые даже более известны за пределами этого города.

Мария Маркова уже яркая звезда, разгорающаяся все сильнее. И как несомненный авторитет в современной русской поэзии она востребована в литературных журналах. Ее стихи действительно чувствуются настолько органичными с общей основной формой и содержанием, что создают настроение одинаково адекватное для всех людей, от мэтров поэзии до простых читателей. Ее действительно можно назвать народным поэтом хотя бы потому, что она производит культурную реабилитацию простоты и ясности в противовес существующей сегодня небрежности, брутальности и отсутствию стиля. Кто еще из современных русских поэтов способен вызывать в аудитории овации и выкрики «браво!» Мария Маркова может: «... пишешь о хлебе и марте, мусолишь слова и склоняешься низко над партией — всегда ученик — нелегки прописные пути»

Антон Черный поэт с тонким вкусом, даже с эстетствующим флером, способен написать любую зарисовку, придав ей красочное полотно эпикей, философии или истории. В его творчестве ощущается размах амбиций, широта охвата аллюзий, которые в конце концов концентрированно свертываются в заданную поэтом точку, и оказывается, что она доступна читателю: «И Вологда, по-вепски окликаемая, саму себя зовет из-под земли».

Дмитрий Гасин в своих стихах заставляет читателя всякий раз держать себя в надежде — что бы ни происходило вокруг, каждый раз приходится признать, что все кончается хорошо: «И счастье будет цельное, как репка, а не по долькам, словно апельсин». Дальше уже не надо писать о том, что выросла репка большая-пребольшая. Его стихи — это послание «Все хорошо, люди». И послание доходит.

В стихах Наты Сучковой натянут тончайший нерв. Можно подумать, что в них излишний шум, но именно он является сердцевинной поэзии звука, однако автор исследует шум, как фотограф исследует свет, тем более, что Нату Сучкову в ее собственной фотографической практике привлекают такие неясные мотивы, нечеткие нюансы. При чтении может показаться, что мы упускаем что-то, имеющее решающее значение, но оказывается, что пространство стиха дышит во всю полноту, и именно в нем натянут звенящий нерв и его пронзающий звук слышен: «Каждый, любой, всё равно — мне теперь дирижёр, каждый, любой из меня извлекает стон».

Наталья Боева более всех, пожалуй, из представленных здесь, наиболее близка к овладению совершенно иным, особым языком поэзии, таким, что о ней уже невозможно писать по-старому. Ее поэзия требует и нового языка литературной критики — некоей акробатики, кувырка в кажущуюся «пустоту» стиха, чтобы заполнить его содержание эстетическими пульсациями. В этом прелесть психологической отрешенности от необходимости проводить прямую там, где ее провести невозможно: «... человеку дают горсть земли, говорят, она, конечно, твоя, только что тебе делать с ней, если ты сам не свой?». Запомните это имя!

Лета Югай молодая поэтесса, но известна в Вологде давным-давно, когда школьницей уже публиковала стихи и участвовала в чтении их.

● ТОЧНЫЕ КООРДИНАТЫ

Теперь она известна еще и художественным оформлением стихоклипов для некоторых московских поэтов. Ее поэзия настолько высоко одухотворенна, что кажется, если ее стих напечатать в бумажном сборнике стихов, то он тут же сгорит и обуглится от горячего света добра и веры. «Все дороги идут от дома. Все приводят к нему. И трепещет ангел над крышей, не летит со двора»

Даниила Файзова можно не представлять, он известен. Его строки колючи и ершисты, но с невероятным акцентом на подлинность, на счастье и радость жизни, которая исходит в самой последней строке стиха: «Но вокруг меня все поет все крылато Комары стрекозы ласточки кукушата Коршун бабочки серафим».

Если вам прочитанные стихи показались интересными, то продолжайте интересоваться этими поэтами и дальше. Они молоды, а значит они с нами надолго. Но интерес не только в них, они развиваются, увлекающая за собой русскую поэзию, а правильнее сказать, она увлекает за собой именно таких.

Сергей ФАУСТОВ

Мария Маркова. УЧЕНИЧЕСТВО

Ночами взяла за привычку смотреть в потолок,
разглядывать люстру разбитую, думать о малом,
как с вечера детские вещи на смену искала,
носки подбирала по цвету, достала платок.

По всем мелочам пробежишься, поставишь их в ряд,
и сразу заметишь болезненно, нежно, ревниво,
что это не ты, а они тут с тобой говорят,
как птицы и дети, смешно, вразнобой, торопливо.

О чём повествует открытая книга стола,
о чём рассыпается сахар и спичка сгорает?
О кухонном боге и непрезентабельном рае
с потёртой клеёнкой и дырочкой возле угла.

Всегда ли нас так накрывают мирские дела,
что время бежит параллельно и тихо ветшает?
Как мама сказала, вот завтра проснёшься большая,
что мне не проснуться теперь, и тогда — не могла.

А всё, что вокруг — это заповедь. Не пожелай
иного себе. Красноречие вещи известно.
Само за себя говорит обретение места,
и я прорастваю в открытую книгу стола.

И дом мне — не дом, а название, буквы, петит.
Цитируешь вечность, а пишешь о хлебе и марте,
мусолишь слова и склоняешься низко над партией —
всегда ученик — нелегки прописные пути.

Свидетельствуй, комната. Дверь, отворяйся вовне.
Готовься, еда, на огне прометеевом тая,
и заповедь жизни спокойной, такая простая,
в своём совершенстве божественном явится мне.

Антон Чёрный

Срастаются обратно времена:
В пазы зубцами попадают даты,
Цари припоминают имена,
И копыта достают из ран солдаты.
По нашей воле повернули вспять
Вода клеписидры и течение тени,
И даже рост губительных растений
Любовью нашей мы смогли унять.
И радость обретения родства
Сменяет темноту неузнаванья:
С Коринфом обнимается Москва,
С Пекином обнимается Кампанья.
И Колизей расколотый в пыли
Взрастает, словно лилия живая,
И Вологда, по-вепски окликаая,
Саму себя зовет из-под земли.

Данил Файзов

Водные процедуры далекие города
Не расти трава не гори дрова
Выгорайте волосы этим летом
Загорай на берегу пруда
по привычке усни на земле одетым
Вся земля для тебя кровать

Вот течет река и щебечет дрозд
От костра взлетают десятки искр
Под ногами шуршат ежи и змеи
Пес находит кость
Мне приснилось что я все могу умею
Что шуренок смел а карась ершист

А с утра заварим белоголовник мяту
Погляди на меня я почти один
Обжигаясь пью этот терпкий дым
Но вокруг меня все поет все крылато
Комары стрекозы ласточки кукушата
Коршун бабочки серафим

Наталья Боева

человек думает: «она моя»,
гладит кошку,
качается в кресле-качалке,
засыпает в любимой измятой футболке
и слышит настойчивый женский голос,
так разговаривает тишина.
человек думает: «она моя»,
рано утром едет куда-то в дождь
и думает про апрель — «февраль»
человеку дают горсть земли,
говорят, она, конечно, твоя,
только что тебе делать с ней,
если ты сам не свой?

Лета Югай

Среди всех рыб, окуней и щук, — Рыба-Кит.
Среди всех дней в году — Новый год.
Среди всех земель — та, над которой ангел парит,
Зависает в воздухе и не хочет лететь вперёд.

Он же знает, вперёд — это назад от центра земли.
Деревянная луковка прячется в облаках,
А вокруг на тысячу вёрст снега намели,
А в окошке греется свечка в родных руках.

Ей дано растопить и печаль, и снега, и тьму.
Лошадь сено жуёт, окно горит до утра.
Все дороги идут от дома. Все приводят к нему.
И трепещет ангел над крышей, не летит со двора.

Ната Сучкова

1. Сестрица Алёнушка:

бестолковый мой братец — шевроле лачетти, золотой вихор —
по каким гастролям ты нынче и сыт и пьян?
помнишь косы мои — всегда на прямой пробор?
помнишь дом-колодец, школьный двор, бурьян?

непослушный мой братец, о, как я тебя ждала:
никаких продлёнок, а за руку и — домой,
пацанов, которые пьют всегда из горла,
за пять вёрст обходили мы с тобой стороной.

а теперь на дне своих оркестровых ям
чьих хрустальных туфель ты ищешь, скажи, следы?
что за страсть такая в тебе к золотым кудрям,
что на жажду эту не напасть воды?

оттого ты всякую гадость и тащишь в рот,
оттого и льёт из тебя этот чёртов свет,
оттого и дудка твоя так прекрасно поёт,
ой, прости, кларнет.

2. Братец Иванушка:

Разве я сторож, скажи мне, моей сестре?
Да где угодно — мотается по стране!
Дива, модель, красота в золотой облатке,
Видишь лицо её вон на той шоколадке?

Пальцы мои всё ещё сладки.

Да, у меня по карманам игральные кости,
Да, невозможно нам вместе и плохо врозь нам,
Да, путешествую я налегке:
С марихуаной в спичечном коробке.

С дудочкой на языке.

Этот концертный кофр кое-где прожжён.
Каждый, любой, всё равно — мне теперь дирижёр,
Каждый, любой из меня извлекает стон,
А во втором коробке — майский жук погребён.

И да простится ей он.

Дмитрий Гасин

Не будет мне дано иного знака —
Увижу старый деревянный дом,
А мёртвая, любимая собака
Мне улыбнётся и вильнёт хвостом.

Мы соберёмся все в резной беседке
И радиолу выставим в окно.
Найдётся место дворнику, соседке,
И с музыкой в саду не так темно.

Ночь дышит влажной свежестью в затылок,
Шаги и смех несутся со двора,
Огонь блестит на горлышках бутылок
И скатерть от росы совсем мокра...

Отец войдет, обнимет крепко-крепко,
До хруста сладкого, и скажет: "Здравствуй, сын!"
И счастье будет цельное, как репка,
А не по долькам, словно апельсин.

Составитель Антон ЧЁРНЫЙ

Мария Маркова. Фото Натальи Караковской.

ВРУНЕТ. «ИСПРАВИТЬ-УДАЛИТЬ-ОТВЕТИТЬ»

Вместе с условно халявными благами всемирной паутины, мы получили такую вещь как стремительная обратная связь. Любое публичное высказывание может быть откомментировано любым прочитавшим его.

В какой-то степени каждый сетевик становится публичной личностью, какой раньше были только политики и кинозвезды. Правда, все возрастающее количество публичных нас приводит к новому балансу — чем больше говорящих, тем тяжелее выбрать, кого слушать, и собеседники, соответственно, распределяются во вполне разумном количестве. Что же нового-интересного в том, что, когда мы пишем, нас комментируют, и мы комментируем тех, кто что-то написал? Хотя бы то, что все мы примеряем на себя непривычные роли. К примеру, когда в сети вы пишете комментарий, то часто вступаете в общение с незнакомым человеком. Представьте себе, что вы на улице подошли и заговорили с тем, кто показался вам интересным. И ждете ответа. Вас, по меньшей мере, сочтут странным. А в сети это норма. Общение в сети отличается от общения в реале.

Почему-то многие принимают эту формулу лишь частично, пользуясь сетью, но одновременно не учитывая ее условности. Мы пока еще находимся на том этапе сетевого общения, когда в сеть постоянно приходят новички всех возрастов. Какими же бывают комментаторы, если исключить тех, кто имеет четкие аналогии в реале?

Черные ники. Это анонимные собеседники, но не все. А только те, кто напропалую использует возможность оставаться безнаказанным. Надел маску и нахамил. Пришел и нахамил еще. Ушел в другое место и нахамил там. И день прошел не зря. Я полагаю, наличие Черных ников в сети — это наше счастье. Не для каждого оскорбленного, конечно. Но для мыслящей части человечества весьма полезно знать, что некая часть человечества — вот такая. И теперь нам не надо ждать катастроф, чтоб наглядеться на то, как некоторые поспешно теряют человеческий облик.

Еще есть **люди, плодящие клонов** — только потому, что их можно наплодить. Это же так здорово — напридумывать кукол, в которых воплотится недостижимое. Если кому-то «уже многое поздно» — можно поиграть в упущенные возможности. Можно и пол изменить, чего уж. Правда, тем, у кого есть еще и ум, такие игры быстро надоедают. И им приходится столкнуться на своём опыте с удивительной истиной — каждый уникален и нужен. Польза таких игрушек в том, что они заставляют соскучиться по самому себе. И следовательно, ценить себя выше, вернее — по достоинству. Так что, если к вам приходит не в меру умная юница с нежным юзерником, а потом вдруг исчезает, будьте готовы к тому, что общались вы с матерым дядькой, обросшим бородами. И наоборот.

Жители трибун, толкающие речи. Похоже, без них вообще никуда. Если любой ваш пост или текст вызывает неудержимые словесные излияния комментатора, готового вывести новейшую философию мира, основываясь на вашем заявлении, что помидоры созрели, имейте в виду, вы лично ему не нужны. Он вскарабкался на ваш креатив, как на трибуну, и — вещает, вещает... Токует. Не впадайте в панику, боясь умом не выйти. Зачем ему ваш ум, его публикатор с надписью «ответить-исправить-удалить» гипнотизирует. Пустое поле формы отправки комментария чарует и некоторую часть литераторов. Есть поэты, постоянно выкладывающие в комментариях свои баллады и саги, практически не связанные с вашим текстом. Прозаики этим почти не балуются — видимо, потому что выдрать кусок из прозы тяжелее, чем разместить стишок, а целый рассказ форма для отправки комментария не принимает, гм...

Знатоки. О, как много они могут рассказать вам! Будьте готовы к тому, что к вам пришел человек с запасом псевдонаучных баек и просто пудрит мозг, лишь бы его попудрить. Потому что нынче в сети под рукой множество справочной литературы и всегда можно самому выбрать, чему поверить. А пускаться в спор на всю ночь с пришельцем, который, возможно, сладко выспался и вообще сегодня выходной — решайте сами.

Еще есть **борцы.** За мораль (вы для них однозначно — аморальны), справедливость (вы для них носитель чудовищной несправедливости), чистоту языка (безграмотный вы какой-то) и протчая-протчая-протчая. Они всегда горят возмущением, подвергают сомнениям слова, пробелы и запятые, свидетельствующие о вашей мерзости и пакости. Нападают открыто, гордясь собой. Кто-то делает это в силу собственной глупости, а кто-то занимается троллингом, сознательно или из-за склочности характера. Но троллинг тема особая, о нем в другой раз. Общаясь с борцами, не ведитесь, оправдываясь, не позволяйте себя втянуть в некое бесполезное судилище, в котором вы обвиняемый. Если комментатор не в силах понять, что вы не обязаны раздеваться на публике, демонстрируя все достоинства, что у вас есть, пусть он остается один на один со своим праведным гневом. Не дождавшись вашего раскаяния, он замечательно проведет время в другом разделе, обвиняя следующего несчастного.

А еще есть **«тупые».** Дураки то есть. Но дурака видно издали и, как подсказали мне одновременно сразу два сетевых старожилы, верный признак, что ваш собеседник дурак — от его слов тошнит. Так что прислушивайтесь к себе.

Но что же я все о страшно. Есть, есть в сети нормальные люди, и чем они умнее, тем меньше «болтают в коментах», да все по смыслу и по теме. Или, что мне всегда мило — отдыхая, ведут легкую беседу, сверкающую, как пузырьки шампанского, принимая участие в которой, чувствуешь, как это здорово — говорить с людьми на одном языке — во всех смыслах.

Есть огромные плюсы в том, что, находясь на одной половине земного шара, мы вдруг обретаем единомышленников и друзей, с которыми никогда бы не пересеклись в реале. Мы все-таки находим прекрасных собеседников, и разговор с ними поднимает настроение, доказывает — мы не одиноки, и кто-то нас ценит и даже, чем черт не шутит — любит.

И очень радует, что не сбывлись мрачные прогнозы современных фантастов о полной замене реального общения виртуальным. А вот и нет. Люди, познакомившиеся в сети, все чаще встречаются в реале. Находят друзей, ездят к ним в гости — планета становится более уютной.

Надо только помнить, что в сети (рядом с рекламными роботами) живем те же самые мы. Те, кто ходит по улицам, радуется, страдает, обладает кучей достоинств, недостатков и слабостей. И нас, в отличие от наших комментариев — намного сложнее «исправить-удалить», да и нет в том нужды. Мы все нужны такие, как есть — разные и живые.

Специальное примечание. Четвертый год работая контент-редактором литературного портала, я усвоила, что ценность комментарного общения была и остается лишь ценностью общения. И никакие выжимки и выдержки из горячих умных споров не сравнятся с толково написанной статьей, очерком, заметкой или эссе. Не обольщайтесь, любители общения, мечтающие в ночных многочасовых спорах вдруг родить выдающийся креатив. Сетевая кухня практически не отличается от прокуренной кухни в реале. Просто общайтесь. А вкусив роскоши человеческого общения — делайте свое главное дело. По-настоящему.

Елена БЛОНДИ

ЧАСТУШКИ ИЗ ТРЁХ СТРОК

Мы продолжаем публиковать очерк Андрея Моисеева «Поэтические сообщества Живого Журнала».

...Я говорил себе: не делай этого. Ты плохо знаешь тему. Ты начнешь поиски и увязнешь. Тебя неправильно поймут. Ты наживешь себе врагов. А внутренний голос предательски шептал: если ты не напишешь о сообществах хайдзинов, то твой обзор будет похож на ноль без палочки или на собаку без пятой ноги. И я сдался.

Если вдруг кто-то, кроме меня, не в курсе: «хайдзины» — это не «муэдзины». Это те, кого я прежде по малограмотности называл «хоккуистами». Люди, пишущие хокку. «Хокку» — это то же, что «хайку». Если не врет Советский энциклопедический словарь, то это «нерифмованное трехстишие, генетически восходящее к танка; состоит из 17 слогов (5-7-5). Отличается простотой поэтич. языка, свободой изложения». Точка.

Скажу вам честно, и можете меня после этого поколотить, что я всегда относился к жанру хайку с большим опасением, подозревая, что Басё и Ёса Бусоны не размножаются почкованием. Мне казалось, что это очень сложный и коварный жанр, в котором чрезвычайно трудно отличить поражение от победы. Я полагал, что настоящие хайку рождаются в моменты озарения на стыке раскрепощенного созерцания, остроумия (в широком смысле слова) и парадокса. Я подозревал, что хайку родились в Японии, а не в России, в силу определенных особенностей японской культуры и японского мировоззрения, пришедшихся на определенный период истории, и что прорастить их семена на русской почве — это отдельная задача, требующая филигранного чутья и мастерства. Теперь я понял, как глубоко я заблуждался.

Оказывается, не надо ничего усложнять. Сказано же в энциклопедии «простотой поэтич. языка и свободой изложения» — чего там еще мудрить? Рифмовать не надо — отлично, а уж до семнадцати у нас и первоклассник считать умеет. Главное — это те самые простота и свобода — пиши о чем хочешь, как хочешь и не заморачивайся, хорошо ли получилось. Если плохо — мы еще куличей налепим, авось песочница не опустеет, и ведерко не отберут.

Именно в жанре хайку, как мне кажется, наиболее ярко проявились все те черты, из которых можно составить собирательный портрет графомана — нежелание вкалывать, стремление к легкому и быстрому результату, кроличья плодовитость и — самое главное — ужасающее отсутствие чувства меры. Конечно, в традиционной поэзии особо не разгуляешься — графомана держат в узде рифма, ударные и безударные слоги, объем произведения, наконец — надо же наскрести мыслей хоть на пару катренов. А значит, КПД «традиционного» графомана низок, производительность его труда и другие технико-экономические показатели оставляют желать, и зачем же ему такая сирая и убогая жизнь? То ли дело хайку быстрого приготовления — уж на 17 слогов и Эллочка Шукина набрала бы лексикона. Ну, а чтобы добро не пропадало — надо его куда-нибудь запостить. И лучше в несколько мест сразу. А если правила сообщества запрещают забавлять тридцать новоиспеченных за вчерашний вечер хайку в один пост — мы их забаваем тридцатью постами! А что делать — сегодня вечером еще тридцать хайку выйдут из-под пера. И завтра. И послезавтра.

Естественно, я не стригу всех хайдзинов под одну гребенку. Но объясните мне, Бога ради, сколько нужно перелопатить этой пустой породы, чтобы в той же ленте найти что-то стоящее? Ведь есть, есть прекрасные

авторы, по-настоящему, с полной отдачей работающие в жанре русских хайку и танка. Некоторых я знаю виртуально и даже лично. Но их постоянно забивают количеством и громкостью, поэтому я так зол. Извините, если кого-то обидел...

Наиболее «заслуженное» сообщество, посвященное хайку, называется «Russian Hokku» ru_hokku. Это одно из самых старых сообществ: дата создания — декабрь 2002 года. Участников 948, читателей 858, записей 3 с лишним тысячи, комментариев без малого 15 тысяч. Нормальная, кстати, была бы пропорция, если не учитывать тот факт, что хитрые хайдзины и в комментарии умудряются вставлять собственные творения — видимо, те, что не поместились в основную запись. Или, может, те, что совсем уж стыдно было выставлять на всеобщее обозрение...

Надо отдать должное зрителю «Russian Hokku» heath: он делает всё возможное, чтобы участники сообщества учились писать настоящие хайку, а не суррогаты. В юзеринфо, помимо строгих требований к оформлению постов и количеству присылаемого материала, сделана попытка ликбеза — приведены ссылки на статьи об основах жанра, перечислены все родственные и дружественные сообщества, указан — большая редкость — электронный адрес самого зрителя. И, честно говоря, страница «Информация о сообществе» понравилась мне куда больше, чем любая наугад взятая страница ленты. А что касается попавшихся на глаза хайку — больше всего зацепили те три, что победили в конкурсе «Лето-2007» на сайте «Загадочная Япония» и были процитированы в одном из постов. Ну и еще несколько случайно выхваченных из общей массы заставили задуматься или просто улыбнуться.

Сообщество «Русские хайку» ru_haiku я бы назвал младшим братом ru_hokku, особенно если предположить, что «ru_» — это их общая фамилия :) Создано оно почти на год позже, однако тоже весьма преуспело, и насчитывает на сегодняшний день 506 участников, 476 читателей, 1625 записей и 4083 комментария. Собственно, если бы не разные названия, отличить одно сообщество от другого я бы не взялся — та же концепция, те же проблемы, в значительной мере те же самые авторы, и даже порой одни и те же произведения. В общем, прошу прощения, — компот, разлитый в две банки, потому что в одну он не помещался.

Так получилось, что после знакомства с первыми двумя «братьями», открывая ленту сообщества «Russian Haiku Society» rus_haiku_soc, я уже ничего особо хорошего не ждал. Для начала заглянул в юзеринфо: сообщество существует с июня 2004 года (ага! еще один, младшенький!), 154 участника, 176 читателей, 284 записи и — ого! — 1915 ком-

ментариев, то есть соотношение почти 1:7. Для меня это очень важный показатель, который сразу же многое говорит о сообществе и о его внутренней жизни.

Оказывается, в «Russian Haiku Society» принято не столько вывешивать свои творения (для этого и так есть два пристанища), сколько обсуждать текущую хайдзинскую жизнь — конкурсы, вечера, презентации, выступления и т.д. Естественно, свежая, разносторонняя информация вызывает живой отклик заинтересованных в ней людей. Это не значит, что самих хайку в сообществе вообще нет, но их количество не действует на пришедшего угнетающе. Справедливости ради замечу, что разного рода объявления и анонсы встречаются и в ru_hokku, и в ru_haiku, но, тем не менее, складывается впечатление, что туда идут самовыражаться, а в rus_haiku_soc — общаться и говорить о делах. Может быть, это сугубо субъективное мнение, но мне показалось, что в «Russian Haiku Society» более сплоченный и «домашний» коллектив.

Еще одно сообщество любителей русско-японской поэзии называется «Танка» ru_tanka и посвящено стихотворениям из пяти строк, насчитывающим 31 слог (5-7-5-7-7). С мая 2004 года в сообщество записалось 83 участника и 106 читателей, которые общими усилиями разместили 68 записей (хмм... по 0,8 поста на брата) и написали к ним аж 55 комментариев. Своих «гениев» хватает и в этом коллективе, однако приятной неожиданностью была встреча с несколькими удачными, на мой взгляд, танка. А по поводу низкой активности членов сообщества у меня родилась целая теория. Если 17 слогов под силу практически каждому, то досчитать до 31-го (да еще и заполнить «рыбу» словами) способны далеко не все, и в результате в сообщество «Танка» методом естественного отбора проникли только самые продвинутые графоманы, а остальные терроризируют несчастных хайдзинов. Если пойти еще дальше — кто знает, вдруг и сам жанр танка появился в японской поэзии из-за переизбытка желающих (и не умеющих) писать хайку? Ну вроде некоего интеллектуально-художественного ценза, а? :+)

И, наконец, последнее сообщество, о котором нельзя не сказать, поскольку оно реабилитировало в моих глазах все игрища в «русские хайку». Проект «Russian Haiku» russian_haiku объединяет всего четверых участников, но у него полсотни читателей и на двести записей получено 326 комментариев. Поводом для создания сообщества послужила Антология русских хайку и трехстиший, вышедшая, если не ошибаюсь, в прошлом году под редакцией Михаила Бару synthesizer. Так вот, создатели сообщества, о котором идет речь, поставили перед собой цель познакомить с лучшими русскими хайку англоязычного читателя. Каждый пост ленты — это одно произведение из антологии и его перевод на английский язык. Я бы назвал это экспортным вариантом Антологии, причем экспортным во всех отношениях, и в том числе, в отношении качества исполнения. И знаете, читая (по-русски, естественно) хайку разных авторов, собранные и опубликованные Михаилом Бару, я все-таки понял, что этот замечательный жанр — русские хайку — может доставить понимающему читателю массу удовольствия и немалое эстетическое наслаждение.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ.

Андрей МОИСЕЕВ

ОБЩЕСТВО АНОНИМНЫХ ИНТЕРНЕТ-АДДИКТОВ

Недавно в Интернете был обнаружен сайт Общества анонимных Интернет-аддиктов (internet-addiction.ru). Представленные на нём письма поражают воображение. Мы не смогли пройти мимо этих воплей о помощи и знакомим вас с некоторыми из них.

«Ах, как прелестна Флоренция в мае! Едва выйдя на широкий перрон Санта Мария Новелла из блестящего, устремленного в неведомое далёко Евростара, уже понимаешь, что потерян, навсегда потерян для этой планеты и людей, которые её населяют. Разве всё золото мира и все его бриллианты стоят этого манящего аромата из многочисленных баров и рестораничек, аромата настоящего флорентийского кофе, который делает тебя живее и моложе лет на пять? Достаточно молодым, чтобы за полдня обежать Уффици, подмигнуть Давиду и взобраться на грандиозный брамантовский купол Санта Мария дель Фьоре!..».

Уже третий час я сочиняю этот текст, сидя в маленьком Интернет-кафе “Paradiso Digitale”, в который я зашла проверить почту, прежде чем бегать по Уффици, подмигивать Давиду и совершать прочие подвиги во имя Красоты, которая, как известно, когда-нибудь спасёт мир. Да, забыла представиться. Меня зовут Прасковья. Прасковья Кедрова. Ах, не говорите, имечко то ещё. Лучше бы Пелагеей назвали. Может быть, тоже бы стала известной певицей. Впрочем, я отвлеклась. Так вот, “Paradiso Digitale”. Цифровой рай. Я здесь уже пять часов. Я написала три? Три часа я сочиняю текст, который я повешу в ЖЖ. А сначала я, конечно, проверила почту, а это дело небыстрое, у меня два ящика на эйэл.ру, два на яндексе, один на гугле и три на хотмэйле. И везде могут написать что-нибудь важное. У меня ведь десять аккаунтов в ЖЖ, и абсолютно необходимо вовремя узнать, кто тебя зафрендил или отфрендил, как прокомментировали твой последний пост. (Я, кстати, написала в нём про то, что все мужики козлы! Кстати, да, козлы! Я ещё об этом напишу). Ещё я повесила своё резюме на всех сайтах, где предлагают и ищут работу. У меня блестящее резюме. Я работала редактором веб-каталога, модератором форума и даже журналистом на сайте бесплатных объявлений! Так что ещё мне на почту частенько приходят письма с предложениями поработать. На них я иногда отвечаю. На ответы воздыхателей с многочисленных сайтов знакомств, где висят мои анкеты, я не отвечаю никогда. Потому что, как я уже писала, все мужики козлы! А главное, тупицы неграмотные. Мне за всю жизнь пришла всего пара нормальных писем. Что такое нормальное письмо? Нормальное письмо должно быть подробным, вежливым и грамотным! В нём, чёрт возьми, должно быть с синтаксисом всё в порядке! В письма, в которых всё в порядке с синтаксисом, я влюбляюсь сразу и бесповоротно. Кстати, те два нормальных письма были как раз с предложениями поработать. Наверное, поэтому в них было больше одной строчки, и кроме имени и телефона содержалась ещё и прочая полезная информация. Второй раз я даже замуж чуть не вышла! Мы переписывались почти девять месяцев. Как я рыдала, когда всё было кончено, и мне пришлось удалять папку с его письмами, в которой на тот момент было 1141 послание. За это время мы успели полностью открыться друг другу, рассказать всё о своей жизненной философии, мечтах, проблемах и даже комплексах и эротических фантазиях! Всё! Понимаете? И надо было ему заговорить о том, что он считает введение спонсируемых аккаунтов в ЖЖ интересным маркетинговым ходом и не более того! Фактически плюнул мне в душу, открытую

настежь! Спонсируемые аккаунты в ЖЖ — обман и издевательство над честными блоггерами, и я могу доказать почему! Стоит ли объяснять, что больше я ему не ответила ни на одно письмо? И, наверное, теперь и с моей личной жизнью навек покончено, а самым волнующим воспоминанием останется тот случай умопомрачительной близости, когда мы с одним прекрасным юношей сидели за соседними компьютерами и писали друг другу комментарии на сайте Стихи.Ру. Представляете, как близко? За соседними компьютерами! Кстати, это было в Туле. Да, а сейчас я во Флоренции. Целый час я проверяла почту, затем залезла во френдленту и даже слушала выступление Путина на параде в честь 9 мая. Нет, вы не подумайте, я не за Путина. Я же ЖЖ-ист! Конечно, тут в ЖЖ есть и такие, которые за, но это не истинные ЖЖ-исты. Я истинная! Я как-то полчаса в ведре рылась, чтобы найти обёртку от конфеты с забавным рисунком, потому что я вдруг поняла, что, если эту картинку сфотографировать и отсканировать, то получится прекрасный юзерпик! Так что я слушала Путина просто чтобы быть в курсе, а то потом все начнут обсуждать, шутить, а я не пойму ничего, а я ненавижу, когда френды что-то пишут, а я не понимаю! Так что час на письма, час на Путина, три часа на то, чтобы написать френдам, как прекрасна Венеция. . . Тьфу ты, то есть Флоренция. Я уже так долго за этим компьютером, что забыла, в каком я городе. В Уффици уже бесполезно идти, они полдня только работают, в Ру_Италия, я помню, писали об этом. На бодрое взбирание куда бы то ни было у меня уже сил нет. Пойду хоть Давиду подмигну. И так, кстати, всегда. Я аддикт-путешественник. Я знаю в лицо все розетки на Невском. Я знаю, в каких хостелах Неаполя или, скажем, Мюнхенгладбаха есть вай-фай, а в каких нет. Спросите меня, почём нынче полчаса Интернета в Рахове (это Карпаты, туда даже на поезде фиг доедешь) — я отвечу! Ладно, пойду поброжу, раз уж приехала. Потом опять сюда — у меня ещё полтора часа групповой психотерапии в он-лайн конференции. «Как встать из-за компьютера и начать жить». Чудесный терапевт, просто чудесный. Катя. Три рассылки на сабскрайбе ведёт, авторский форум, он-лайн группы, индивидуальные консультации — по скайпу, в основном. . . Мы на её форуме с ней много общаемся, по ночам особенно. Она знает всё про Интернет-аддикцию. С точки зрения нарративного подхода, экзистенциального, гештальт-терапии, классического и юнгианского психоанализа. . . Очень интересно. Я тоже скоро всё буду знать. Восемь лет назад я даже стихотворение такое написала: «Не могу дозвониться до жизни, То ли занят провайдер, то ли сломан модем». Как ностальгически! Теперь ничто от жизни уже не отделяет. У Акадо бывают, конечно, обрывы связи, но очень редко. А какие возможности открываются! Одно дистанционное образование чего стоит. Вот я решила, как Катя, быть. Пойду на психолога поучусь. Потом тоже буду группу вести, работать с зависимостью от Интернета. Хочется приносить пользу людям! Ведь столько уже пережито, столько накоплено!

Прасковья Кедрова, 28 лет.

Сайты знакомств, по-моему, вещь тупая, но необходимая. Я, например, оттачиваю на них свой стиль блицкрига, это такое молниеносное завязывание отношений, после которого я и она уже почти родные люди, хоть в загс бегом. В реале ведь как бывает. Хочешь с девушкой познакомиться, но непонятно с какой стороны к ней лучше подкатить. Каждый раз заморочки. Ничего ж совсем о ней не знаешь, что, просто «девушка, можно с вами познакомиться?» Банально, тупо и примитивно. И чаще всего посылают. А на сайте кое-что о ней уже известно из анкеты, например. Даже если наврала с три короба, все равно ведь наврала уникально, только так, как она одна и может. А потому уже видишь, с какой стороны

ее лучше зацепить. Поверьте, мой опыт сделал меня мастером в этом деле. Кстати, у меня и ник Мастер, многие девушки, любительницы Булгакова сразу одним только ником уже проникаются, проверено! Но не в этом дело, это каждому свое, как говорится. Кто-то меня и оспорит, на вкус и интернет товарищей нет. Но я хочу о другом. У меня знакомств в общей сложности больше тысячи, это те, которые не просто добавленные, но с кем регулярно и обстоятельно общаюсь душа в душу. Причем в аське — никогда! Там с таким количеством был бы ад. Я ж для каждой стараюсь быть уникальным, а в режиме аськи сразу ответить невозможно и начинает, например, думать, что мне на нее пофиг. Что мне, выдумывать всякий раз, что в туалет ходил? Еще подумает, что засранец какой-то и обидится. А я раз Мастер, то должен соответствовать.

Но и у Мастера случился прошлой осенью прокол, о чем я, собственно, и хочу рассказать. О том, что интернет и реальность — как эклер и мясной фарш. НЕСОВМЕСТИМЫ. Но буду по порядку. В общем психанул я на что-то, как это со многими бывает, решил с этими сайтами и в целом с инетом завязать. А как это сделать радикально? Взять и кабель покромсать. Не знаю как в Москве, а у нас в городе пока новый привезут, всякое желание отпадет. Я и перекусил в нескольких местах кусачками. А время почти ночь, то есть самый ажиотаж на сайте. Я это понимаю, но терплю и плюю на все. Лег спать, промучился до часу, сна ни в одном глазу, но все мерещится, как читаю сообщения, сочиняю ответы и т.д. Короче, не выдержал, вскочил. У меня со старых времен оставался обычный модем, подключил его. А карточки-то нет! Бегу к ближайшему киоску. Карточек нет! Бегу дальше, тоже нет. Кое-как нашел тот, где были. Передо мной пара человек в очереди. Рядом круглосуточная аптека, какие-то алкаши тусуются. Тут подходит ко мне одна из них, лет черт знает сколько, рожа мятая, припухшая, но с претензией на Мэрилин Монро. Просит у меня мелочь, на «лекарство» конечно. Я хотел дать ей десятку, но по ошибке вытащил и уже сунул ей пятьдесят, но не забирать же назад, тем более что свидетели рядом. Она говорит «мерси» и идет к своим. Тут и очередь моя. Прошу дать карточку за сто, а мне говорят, что нету, только за триста остались! А денег у меня — двести шестьдесят!!! Я в аптеку за той алкашкой, чтобы сорок рублей мне вернула. Чуть не хватаю ее за руку, когда она уже деньги протягивала. Так и так говорю, мадам, я вас выручил, теперь ваш черед, но десятку свою все равно получите. Она, конечно, сразу дико огорчилась, но купюру вернула. Я ей взамен десятку и назад к киоску, покупаю заветную карточку и предвкушаю, как через пять минут выйду в интернет. Уже отошел метров на сто, как меня нагоняет те самые алкаши. Три мужика. Ты, говорят, как скотина себя повел, нельзя так с людьми, так что будем тебя учить. Я и сообразить ничего не успел, как они меня лупить стали. Пару раз хорошенько уже получил и не знаю, чем бы все кончилось. Покалечили бы за мои собственные деньги! Но вдруг слышу, как в тумане, женский голос кричит: Что вы делаете, гады! Не трогайте его!

Монро расталкивает это зверье, поднимает меня с земли и ведет куда-то. Дальше туман совсем накрыл меня, очнулся я на диване в какой-то квартире. Физиономия вся горит, в груди ломит, башка раскальвается, капец! А рядом Монро сидит и мне примочки делает. Спасибо, — говорю, а самому скорее бы убраться. И тут она заявляет, что мы знакомы, только она не сразу меня узнала. Я всматриваюсь в нее, она улыбается, а у нее ко всему прочему еще и зуба нет! Мне совсем хреново стало. Откуда?! — спрашиваю. Ну ты же, говорит, Мастер? Смотри! Я поворачиваю голову и вижу себя на рабочем столе компьютера. Ничего не соображаю! Она мне давай объяснять, что мы с ней уже полгода общаемся на сайте, только она

• СЕТЕВЫЕ РАСКОПКИ

там под чужой фотографией и из другого города, а еще что она меня любит. И начинает наизусть декламировать стих моего сочинения!

Не помню, как я сделал ноги и очутился дома, только меня трясло до самого утра, пока автоматически не включился телевизор. Смотрю, изображения нет. И тут до меня доходит, что кабель-то я перерезал телевизионный, а не интернетовский! А интернет — пожалуйста, работает как и прежде!

А Монро я сразу вычислил и удалил навечно. Тоже мне — «Маргарита»! Пусть себе другого «мастера» ищет! Я вот только одно не могу понять. Если она деньги возле аптек сшибает, то как у нее сохраняются компьютер и интернет? Или это настолько святое, что даже и не пропить???

Валентин (master), 24 года

Я не верила, что можно быть зависимым от Интернета. Подружки говорили, что едва туда попадешь, то все, пропадешь, как на иглу подсядешь. Я ни разу не садилась на иглу ни в прямом, ни в переносном смысле, поэтому сравнивать мне было не с чем. Более того, Интернет у нас есть дома. И это не только мой любимый кокер-н-спаниель. Это самый настоящий бесповодковый Интернет. Я почту получаю, дружу в полный рост с одноклассниками и прочее. И в любое время могу, точнее, могла до недавнего времени проводить без Интернета любое время суток напролет. Но вот случилось это. Как-то я попала на один кулинарный сайт. Хозяйка я не очень, но люблю вкусно поесть. Только не думайте, мне всего 49, но мне можно дать лишь 35 строгого режима (пошутила, удачно, как мне кажется, ха-ха). Так вот, выгляжу я неплохо, то есть могу себе позволить вкушать запретных плодов. Но об этом я в другой раз.

Я стала просто фанаткой всяких кулинарных рецептов. Я побывала на стольких кулинарных сайтах, что сосчитать их не хватит пальцев на правой руке (шутка, ха-ха, весьма удачная). Но вот однажды я поняла, что могу совсем не есть нормальную пищу. Мне достаточно зайти на какую-нибудь кулинарную страничку, и я уже сыта. Представляете? Я глазами пожирала с интернетовских страничек всякие пирожные, кулебяки, супы, салаты, пила кофе и коктейли, тратя на это только 290 рублей абонентской платы в месяц. Поначалу мне это нравилось. И вкусно, и для глаз эстетично, и время экономлю и деньги целехоньки. Нужно перекусить — хватить ноутбук, пару кликов мышкой, и я сыта. А отказаться себе во всяких заморских кушаньях было невозможно. Ведь если больше нечем, то хотя бы желудком познаешь мир. Но через какое-то время я стала замечать на себе лишние килограммы: там складочка, там второй подбородок. Словом, чтобы выглядеть на свои 35, а не на паспортные 49, нужно было отказываться от подобной диеты. Но я не могу. Я не могу есть нормальную пищу, купленную в магазине. Но есть-то хочется. Я снова и снова лезу в Интернет на кулинарные сайты. Кстати, и Интернета своего, кокер-н-спаниеля тоже на Интернет посадила. Он тоже толстеет.

Я обратилась к доктору. Он подержался за мои насыженные Интернетом жировые складки (ой, щекотно, я за его тоже подержалась — ха-ха, шутка удачная фифти-фифти), попробовал влить в меня стакан коньяка, но все вышло обратно тут же на его белоснежный халат. Надо отдать должное доктору, он долго со мной возился (не подумайте чего, а то все шутники такие). Но ничего не смог сделать, чтобы вылечить меня от Интернетовой зависимости. Впрочем, он посоветовал мне найти разработчиков сайтов, всяких веб-дизайнеров, чтобы заказать у них специальный терапевтический сайт, который помог бы мне решить мою проблему. Но вот только я не знаю, где найти таких специалистов, которые бы понимали и в Интернет-технологиях, и диетологии. Прошу

у вас помощи: если кто знает таковых, пусть даст ссылочку. А то мы с моим Интернетом уже вылезли из всего нижнего белья, а оно у меня импортное, новозеландское, такое фиг где достанешь.

Елизавета Порхая, 48 лет.

Здравствуйте. Меня зовут Мордор Линк III. Я не умею ни ходить. Ни говорить. Ни читать. Только писать. Потому что я умею писать, я пишу. На форумах. Часто. Почти всегда.

Родители говорят, что я идиот. Инвалид. Некрофил. Нет. Просто когда я было маленькое, они подарили мне суперкомпьютер и несколько игр. Я фигачило монстров каждый день. Это стало моей работой. Я спасаю мир. От мирового зла. Да.

Я не хожу во двор, потому что там нет монстров и неинтересно жить. Я не хожу в школу, потому что я уже умею убивать монстров. Я никуда не хожу. Я сижу у компьютера. Я работаю. Я спасаю мир. Или пишу на форумах. Редко. Никогда.

Мои родители не убивают монстров. У них свои суперкомпьютеры. Каждый из них играет в какую-то свою игру. Идиоты. Иногда я думаю, на какие деньги мы живём. Наверное, на дедушкины. У него нет суперкомпьютера. Он ходит на какую-то другую работу. Там ему за это дают деньги.

Недавно дедушка сказал, что сдаст всех нас в психбольницу. Потому что нельзя заниматься только компьютерными играми. Дурак. Он не знает, что монстров можно убивать, где угодно. Ещё он говорит, что мои родители больные. Это правда. И что у меня посыпался мозг. Это ложь. При последнем сэйве у меня оставалось ещё девять жизней и 1200 health.

У меня есть небольшая просьба. Поймите моего дедушку и усадите его за суперкомпьютер. Мне надо, чтобы его тоже обучили какой-нибудь игре. Чтобы он стал нормальным. Чтобы он стал как все. Тогда он не будет говорить глупостей. И он больше не будет приносить денег с работы. И еды не будет приносить. Тогда мы все умрём. И будем спасать от монстров какой-нибудь другой мир. Всё.

Reset.

Мордор Линк III, 8 лет

Я сейчас в автобусе плакала от смеха. На меня, как на дуру, смотрели. Ну, я часто плачу от смеха, иногда смеюсь от горя, в общем, я, наверное, эмо. Хотя я не слушаю группу Токио Хотел. Я вообще чаще дарк эмбиент слушаю. Или апокалиптик фолк. Я на сайтах вроде Last.Fm люблю зависать. Заношу разных прикольных чуваков в друзья — и мы слушаем, что там у нас в библиотеках. А потом пишем друг другу в рупор, какие у нас вкусы музыкальные клёвые.

Тут главное не пропасть. А то иногда народ тэги неправильные ставит, ну там может Баху присвоить тэг «слышал вживую» или какую-нибудь галимую попу обозвать инди-роком, ты себе слушаешь-слушаешь разные там правильные группы, потом только отвлеклась — а у тебя на странице уже 10 прослушиваний Билана заскроблено. Позорище! Меня после этого чуть из группы «Смерть попсе!» не выгнали. Я полночи сидела и удаляла из списка недавно прослушанных композиций всё, что по ошибке туда попало. Такой стресс и врагу не пожелаешь, хотя лично у меня врагов нет, я ведь пацифистка.

Утром проснулась, у меня депрессия, кошмар просто. Пошла в Старбакс заливать горе сливочным фраппучино. Так всё достало, сил нет! Решила начать новую жизнь. Завела себе новенький молескинчик, чтобы быть более организованной. Записалась на йогу. Сменила дизайн в ЖЖ на более позитивный. И даже вышла из группы «People with no

• СЕТЕВЫЕ РАСКОПКИ

social life who listen too much music» и вступила в группу «Music for social responsible people». Я теперь за антиглобализм и Гринпис. Даже лампочку в ванной сменила на энергосберегающую.

Так что, я считаю, что Интернет — это не всегда зло. Здесь как в жизни: плывёшь тупо по течению, потом раз — какой-нибудь кризис, стресс — и ты переживаешь катарсис, внутренне изменяешься... И тогда у тебя есть шанс круто изменить и свою жизнь, и мир вокруг. Ведь, как известно, путь в тысячу ли начинается с одного шага. Это мне сегодня рэндомная цитата такая на Викицитате выпала, по-моему, мудро.

Настя Лысенко, 23 года

В первый раз я сделала это, когда мне было четырнадцать лет. Это было с одним мужчиной, который пришёл чинить папин компьютер. Дома в этот момент был только мой маленький братик. Мужчина закрыл дверь комнаты и сказал, чтобы я подошла поближе, и пришло время узнать то, чего я никогда ещё не знала. Мне было, конечно, немного страшно, но я сразу почувствовала влечение. Он сказал, чтобы я ничего не боялась, потому что он уже давно делает это и поможет мне, если у меня не получится. Первый раз у нас прошло всё великолепно, и я захотела, чтобы поскорее можно было заняться этим ещё раз, но долго не представлялось случая. Потом папа сам отдал мне свой компьютер, и с тех пор я занимаюсь этим когда хочу и с кем хочу. И сама учу тех, кто делает это в первый раз, как я когда-то! Вот что я хотела рассказать.

Лиля Тапочкина, 18 лет

Двум бабам вместе по жизни нельзя. Особенно, если одна феминистка, бисексуалка и чайлдфри, а другая — такса.

В общем, позавчера... нет, два месяца назад я решила, что надо избавиться от лишней кармы и состригла волосы. Почти все. А всё, что осталась, покрасила в термоядерный чёрный. Так я приблизила свой облик к своей внутренней сущности беспринципной журналистки, нахалки, эстетки, сумасбродного художника, непонятого мужчинами, а после бутылки джина — также и женщинами.

Конечно, надо было поделиться фотографией с подругами по всем 450 женским форумам, где я зарегистрирована. Такса же, собака, представьте, начинает скулить и носиться по квартире. Я ей дня через два говорю: «Успокойся, дура, до вечера ещё далеко — вот настанет вечер, и выведу тебя гулять!». К концу недели эта маленькая тварь загадила всю квартиру, и хотя было пора ужинать, я не сумела себя заставить вымыть посуду. Жрали сырую курицу — я ножки, а такса — крылья. Ещё через неделю настала глубокая ночь, но я ещё не отсканировала свои детские фотки, чтобы сравнить их со своим тепрешним экстремальным имиджем. А к утру, представляете, эта сучка взяла и сдохла!

Вот тут-то я и решила перезагрузить компьютер, а то столько обновлений для виндоуза пришло, ужас какой-то. На это, как вы понимаете, ушло дней пять, и в квартире начало пованивать. Тут я всё-таки решила вынести мусор и остатки таксы на помойку, но вскоре пришлось возвращаться обратно: кто ж знал, что с того времени, как я сделала себе новую причёску, вместо снега по улице стал летать тополиный пух?

Мама сказала, что у меня Интернет-зависимость, и мне надо лечиться — иначе новую собаку она мне не купит.

Олеся Подкопаева, 36 лет

Дар стихосложения посетил меня в июне 2005 года после беседы с отцом Онуфрием, настоятелем Урюпинской Церкви Преображения и Возне-

сения Божией Матери. Я всегда была человеком верующим, крещёным, а в тот день призналась батюшке в желании всю свою жизнь посвятить борьбе с сатанистами, которых развелось вокруг немерено и для которых мы, простые люди, — быдло. Батюшка благословил меня, и сразу же произошло чудо Господне, старший сын провёл дома Интернет. Сказал: «Мама, ты уже достала всех членов Союза Писателей нашего города и всю редакцию газеты «Урюпинские зори», где всё равно не опубликуют твои стихи», — и посоветовал мне размещать творчество на сайте Стихи.ру.

Так я там и сижу всё свободное от работы на рынке время. С тех пор мои творческие и экстрасенсорные способности увеличились в десять раз, потому что борюсь я с нечистой силой огромного размера! Религиозная рубрика этого сайта пестрит сатанинскими, протестантскими (еретическими), буддийскими и хулиганскими атеистическими стишками! И я всем эти богомерзким авторам пишу рецензии о том, кто они на самом деле и как они после смерти окажутся в пасти дьявола. У меня было очень много испытаний. Посмотрите, какие гадости эти псы, свиньи, уроды и ублюдки мне пишут в ответ!!! Мол я бездарная, агрессивная и допускаю стилистические и орфографические ошибки! Могла бы я это сетевое безобразие вынести одна, без помощи ангелов и духов? Но ко мне на помощь сразу все известные поэты явились: Визбор стихи про звезду Вифлеемскую диктует, Высоцкий про то, что жаль распятого Христа, Пушкин — про чернь, которой являются мои читатели и т.д. А как я гениально пишу экспромты?! Вот этот, например, написала критику, который не оценил мои стихи про то, что он еретическая чернь:

Да, слава Богу и вовеки слава!

Тебе, ублюдок, не видать её.

Однажды уничтожен будешь лавой,
а потому, что жуткое гнильё.

И прах его вмиг замурован будет,
чтоб знали вслед идущие за ним,
такие ж оскотиненные люди —
в веках живет тот, кто Христом храним.

Меня с этого сайта выживали так, что даже заходить стало противно. Всякий раз одни плевки и сравнения с бредом какого-то Мандельштама, который, по мнению этих сатанистов, лучше меня писал, хотя был не русский и даже не православный. Не писала день, два, а потом ощутила, как моё молчание радует сатану. И вот опять в Интернете, хотя невестка обещала мой кабель из коробки выдернуть, если я опять, как и все предыдущие четыре года, неотреагирую на её хамское предложение помочь ей вымыть посуду и приготовить поесть. А мой начальник Ахмед обещал меня уволить, потому что я сплю на работе, вот вчера опять проспала целый час, и за это время таджики украли половину овощей, но как мне не спать, когда я всю ночь в сети просвещаю сошедших с пути истинного?!

Но Боже упаси обижаться на них на всех, не понимающих мой талант, дарованный свыше! Они же больные на всю голову. А я милость к падшим привыкла проявлять. Один атеист из местного Союза Писателей предложил мне встретиться в реале, но я из милосердия делать этого не буду! Он же сгорит молниеносно!!! Такая у меня энергетика! А у писателей, которые в этом Союзе водку пьют и издадут свои поганые книги, на фотографиях абсолютно мёртвый взгляд, глаз не горит, а коптится. И выйти из Интернета и помочь им я ничем не могу, кроме как послать их к чёрту!

Раиса Воскресенская, 46 лет

БАНТИКИ-В-СЛЕЗАХ

МАЛЕНЬКАЯ ИДИОТКА

Бантики-в-слезах — это больше, чем блог в Живом Журнале. Для поэтов и писателей (особенно, молодых) это почти мировоззрение, религия, учащая не поступать самым дорогим в искусстве — здоровым смыслом. Безудержная ирония в сочетании с литературным даром и «авторской арфографией», имитирующей правописание завязтой двоечницы — вот секрет старшеклассницы Ани, расправляющейся с любыми проявлениями литературного снобизма так же легко, как с жизненными трудностями и невзгодами.

Я люблю, когда во время уроков идёт дождь, а когда возвращаешься из школы, светит солнце: сразу не хочется прогуливать. Правда, учиться особо тоже не хочется, но это уже другой вопрос! Зато становится понятно, что на уроках может быть не только противно, но ещё и уютно. Я думаю, это ведь очень важно — видеть в плохом хорошее. Если умеешь быть оптимисткой, то все трудности можно преодолеть легко и задорно, как я.

А вот Танька с началом учебного года что-то совсем загрустила: всё хлюпает носом что в хорошую погоду, что в плохую, что на уроках, что после. Мы, конечно, со Светкой, как самые верные подружки, пытались её разговорить и пожалеть, но всё без толку: наша дура всё молчит, как рыба об лёд, и всё тут.

— Я поняла, — говорю я Светке, — это у неё депрессия! Со мной она тоже часто бывает, и ничего не помогает, даже водка. Обычно мальчишки это чувствуют и лезут целоваться...

— И как?

— Я же говорю, что ничего не помогает, но не буду же я из-за депрессии отказываться от маленьких радостей жизни!

— Нам-то с тобой хорошо, а вот Таньку я даже не знаю, поцелует ли кто когда-нибудь... — скептически заметила Светка, и это была чистая правда: несмотря на многочисленные Танины попытки, никто из мальчиков так и не соблазнился даже на один поцелуй.

Дождавшись Таньку после уроков, мы пошли сразу на гаражи. Сев на расстеленный пакетик, Таня с унылым видом открыла банку «Туборга». Ветер ударил по веткам деревьев, сорвав ворох желтизны; окружив немного над нами, один из кленовых листьев опустился на Танину голову, а другой кокетливо спикировал в считанных сантиметрах от моей банки с пивом. «Сраная осень», — грустно подумала я.

— Вот, девчонки, скажите мне, а у вас было когда-нибудь ощущение в жизни, что у вас нервную систему словно в розетку включили и забыли выключить? — наконец прервала тягостное молчание Таня.

Светка глупо ухмыльнулась, но я, в отличие от неё, серьёзно относилась к тому, что происходит с нашей подружкой, ведь Танина боль была хорошо знакома мне по каждому новому уроку физкультуры, и пусть я никогда не пренебрегала возможностями приглушить её на некоторое время новыми отношениями, никто не мог предположить, попадём ли и мы со Светкой когда-нибудь в такую же ужасающую ситуацию. И тогда, собравшись с духом, я решила рассказать об одном из самых сокровенных эпизодов в моей жизни.

— Знаешь, Тань, как-то со мной тоже такое было. Помню, мне было лет одиннадцать или двенадцать, мы поехали с классом куда-то на электричке летом, на пикник. Сели на лавочки, едем, я в окно смотрю. А жарко было, ужас, мальчишки в шортах, девчонки в юбках. И

вдруг Юлик Ильющенко — ну, помнишь, тот, который в девятом классе в Америку уехал — случайно касается своей коленкой моей коленки. Мли-и-ин, у меня такой мандраж по коже прошёл, я аж вздрогнула! Ничего не поняла, что со мной происходит, чувствую, слёзы наворачиваются. Я так аккуратно ногу переставила и коснулась его тоже. Все ощущения тут же повторились, но немножко слабее. А страшно было, ужас!

— А что Юлик?

— Ну, он всё понял, конечно, и без конца потом на меня смотрел. Но я так перепугалась своих переживаний, что всё время отворачивалась.

Таня тяжело вздохнула.

— Вот ты, Анька, настоящая подружка, ты меня всегда понимаешь. Прикинь, со мной всё точно так же происходит, только постоянно, каждую минуту! И я ужасно устала от этой боли. Знаешь, мне вообще даже кажется, что я сошла с ума!!!

Зарыдав, Танька уткнулась в коленки, и если ещё пять минут назад она напоминала мне просто обиженного ребёнка, то теперь перед нами сидела беззащитная женщина, оказавшаяся в отчаянной ситуации из-за своей внутренней боли, с которой сам человек обычно справиться уже не может. Переглянувшись, мы со Светкой подумали об одном и том же.

— Ну что, будем лечить? — сказала я.

— Будем лечить! — ответила Светка.

Схватив мобильный телефон, я не стала терять времени зря и первым делом выяснила в справочной службе телефон психбольницы имени Кащенко.

— Разговаривай ты, — протянула я мобильник Светке, — у тебя голос более убедительный.

Набрав номер, Светка показала, наверное, лучшее, на что она способна. Сидливо откашлявшись и поправив причёску (будто кто по телефону её мог увидеть!), она пробасила в трубку:

— Здравствуйте... У нашей подруги ужасная психическая болезнь... второй месяц плачет, остановиться не может... да, круглосуточно... нет, не беспокоит... нет, не обращалась... спасибо. До свиданья!

Протянув трубку обратно, Светка сообщила, что нам надо обратиться в какой-то диспансер, но ни адреса ни телефона этого учреждения спросить она не догадалась.

— Ты дура, Светка! Ты дурацкая дура! — сквозь слёзы пролепетала Танька, — Что же я теперь буду делать? Кто же меня теперь вылечит?

Светка растерянно смотрела то на Таньку, то на меня. Зная, что никто, кроме меня, не возьмёт на себя ответственность за психическое здоровье нашей дебильной подружки, я встала с места.

— Таня, я придумала. Сейчас мы встанем и пойдём на улицу. Ты будешь имитировать психический припадок, а мы вызовем скорую, и тебя отвезут в больницу просто так! — уверенно заявила я.

Танька аж подскочила с места от ярости.

— Ты чё? Нет, ты чё? Ты хочешь, чтоб я поёрлась на улицу?! И стала стрелять в людей как псих ненормальный?! Как этот, ну, начальник ОВД Царицыно?!

— Майор Евсюков, — подсказала я.

— Да-да! Евсю... — завизжала было Таня, но тут Светка повернулась к ней, чтобы подавить нашу несчастную дурочку своим психологическим превосходством.

— Таня, бывают и тихие больные, — успокоительным тоном сказала Света.

— Да? А что они делают, ты знаешь? Как мне изобразить маленькую идиотку, если ты даже не можешь мне сказать, как это должно выглядеть?

«Изобрази Светку», — хотела сосричь я, но тут поняла, что Светка — как, впрочем, и я — никогда не видела настоящих сумасшедших, и потому не могла объяснить, как они выглядят. Снова сев на крышу гаража, мы стали приводить в систему наши разрозненные знания на эту тему.

— Я фильм смотрела, — сказала Таня, — там какую-то бабу специально доводят до сумасшествия. Ну, там, какие-то ей события всякие, приметы подводят одно к одному, звонками запугивают, потому что она предпринимательница и у неё хотят фирму отобрать. А потом началась по сотому разу реклама отбеливателя, и я пошла за пивом, так что чем там закончилось, не знаю.

— Ага, я тоже смотрела. Только это, кажется, были «Улицы разбитых фонарей», и вместо бабы там мужик, — припомнила Светка.

— Придумала. Давайте купим газет, там всегда пишут про каких-нибудь психов! — предложила я.

Мы слезли с гаражей и отправились к газетному киоску. Там-то и нашлось то, что нужно — «Жизнь», «Твой день», «Жёлтая газета» и «Экспресс-газета». Возможно, вы не знаете, но только эти издания никогда не скрывают правду, какой бы страшной она ни была, поэтому мы их читаем каждый раз, когда пьём пиво, и надо что-нибудь подстелить под попу. Взяв по дороге ещё несколько банок «Туборга», мы разделили газеты на отдельные страницы и стали изучать, что творится в мире.

— Ёфу, блин, — разочарованно пробормотала Светка, — что ни откроешь, сплошная жизнь звёзд, а у них в роду психов никогда не бывает. Ну разве что бывшие мужья и жёны все поголовно алкоголики и наркоманы... Ой, смотри, Ань, а вот статья про внука Пугачёвой, которого отобрали у Кристины Орбакайте! Подходит? Или мимо?

— Конечно, мимо! Только, интересно, Орбакайте там при чём и вообще на хрена ей дали поддержать внука Пугачёвой? У неё, небось, и своих полно... — удивилась я.

— А хрен их, звёзд, разберёт. Вот лично я с закрытыми глазами Пугачиху от Орбакашки отличу!

— И я!..

— Девочки, по-моему, вы отвлекаетесь, — напомнила о своём существовании Таня, и мы снова погрузились в газеты.

— «Мужество и оптимизм помогают звёздам бороться с тяжёлым недугом», — прочла Светка, — Ань, можешь понять, о чём там?

— О раке, — ответила я, глянув в страницу, — думаешь, с шизой они борются? По-моему, они, наоборот, её взращивают. Только что попала статья «Дробязко считает Красилова психом» — тоже ничего по делу, просто двое придурков упали, катаясь на коньках в «Ледниковом периоде». И главное, хрен его знает, кто это, я эти дебилские фамилии впервые слышу.

— «От слов к телу», — прочла Таня, — «Для католиков придумали возбуждающую молитву, которую супруги должны читать перед тем, как заняться сексом». Блин, вот от такого реально можно долбануться! Только я взаправду сходить с ума не хочу — наоборот, пусть лечат... Или вот ещё: «Отец и сын — оба мои любовники». Интересно, одновременно или по отдельности? О-о-о, я сейчас сдохну просто, не могу больше читать о сексе...

Увы, но всё, что нам попалось — это поражающие воображение события типа того, что какой-то мужчина в Курской области убил свою

жену и женился на теще, а покойнице соседская гадалка изначально предсказала печальную смерть, и на могиле каждый год сами собой расцветают занесённые в Красную книгу цветы. Другие заголовки впечатляли меньше: «ЕГЭ — это диверсия западных спецслужб», «Ростовскую учительницу осудили за издевательства над первоклашками», «В Подмоскovie следователя милиции сожгли в машине из-за его возлюбленной», «Женатый нападающий московского «Спартака» бразилец Веллитон сделал предложение телеведущей Виктории Боне».

— Вот ещё вариант, — прочитала Светка, — «Секс-атака из космоса: академик Сергей Сперанский установил, что каждая пятая женщина на Земле была жертвою насилия инопланетян».

— А там написано, чем ещё занимается этот академик с неприличной фамилией? Простыни жуёт? Слюну пускает?

— Да нет, он, по ходу, там как врач, а не как пациент проходит. Типа жена японского премьера заявила, что вступала в контакт с пришельцами, и он комментирует это событие.

— Во дура, — заржала я, — если бы я была замужем, и мне захотелось бы вступить с кем-нибудь в контакт, муж бы об этом узнал последним. А она, видите ли, заявила!

— Полная идиотка, — согласилась со мной Светка.

— Нашла, нашла! — закричала Танька, — «Солистка «Блестящих» Анастасия Осипова дважды за последний месяц обращалась за помощью к квалифицированному психологу — звезда борется с акрофобией. Певица панически боится высоты, хотя ей приходится летать несколько раз в неделю».

— Клёво! А что там дальше?

— Ничего!

— Ну и хрен ли?!? — уже раздражённо ответила я, разворачивая следующую газету.

— По ходу, газеты нам ничем не помогут, — решила Светка, отложив в сторону интереснейшую статью о том как 20-летнюю девушку из Молдавии продали в сексуальное рабство в Объединённые Арабские Эмираты, а потом Интерпол обнаружил у неё французские корни и 1/1024 крови Александра Дюма-старшего.

— Без базара, — согласилась я, — придётся нашей Таньке снова импровизировать. Раз сумела изобразить на пьянке Милен Фармер, значит, актёрские данные есть.

Допив залпом остатки пива и выкинув пустую банку куда-то в сторону пятнадцатого роддома, Танька вдруг соскочила с места, взерошила волосы и демонически захохотала.

— Ох, ни хрена себе, вот это талант! — стараясь не ржать, закричала Светка и захлопала в ладоши.

— Милен Фармер, говоришь? — не выходя из роли, зловеще прорычала Таня и стала медленно расстёгивать шерстяную кофточку.

— Таня, твою мать, я же тебе не мальчик и не Юля Шакланова! Ну-ка быстро избери другую болезнь!

Таня на мгновение изобразила задумчивость, после чего вдруг вскочила с места и помчалась куда-то в сторону Симоновского вала. Ничего не поняв, мы рванули за ней. Естественно, приходилось волноваться — но не за Таньку, а за случайных прохожих, которые могли пострадать от актёрских талантов нашей подружки, совсем недавно приведшей в шок сразу троих наших инфантильных мальчиков-одноклассников, один из которых был вынужден даже уйти в другую школу. Резко остывнув, Таня разорвала в клочья сразу несколько газетных листов,

подбросила их в воздух и вдруг истошно закричала куда-то в сторону флегматично пасущихся в пробке автомашин:

— ХА-ХА-ХА-ХА!!! ЛЮДИ!!! ПРОДАЁТСЯ ПУТИН! НИКОМУ НЕ НУЖНО НЕМНОГО ПУТИНА?!?!?

Совершенно охренев от такой наглости, мы застыли на месте. Это было гениально, просто стопроцентный шанс попасть в психушку, без всякой извращенческой фантазии современной независимой прессы.

— ФИЛЕ МЕДВЕДЕВА! ШЕЙКА РОГОЗИНА! ТОПЛЁНЫЙ ЖИР ЛУЖКОВА!!! — продолжала орать Таня.

— Слушай, что хочешь мне говори, я хочу попасть с ней в одну палату! — сказала Светка.

Я едва успела пожать плечами, как моя подруга, только что казавшаяся мне образцом психического здоровья, бросила куда-то в сторону недопитую банку пива и вдруг заорала благим матом:

— ГРАЖДАНЕ!!! НЕ ПРОХОДИТЕ МИМО!!! ПОСЛЕДНИЙ КУСОЧЕК ВАЛЕНТИНЫ МАТВИЕНКО!!!!!!

Отойдя в сторонку, я следила за реакцией окружающих. Редкие прохожие испуганно отходили в сторону. Если бы кто-нибудь хотя бы покрутил пальцем у виска, не говоря о прочем, у меня был бы уже реальный повод для вызова «Скорой помощи», но никто даже не назвал Таню и Свету идиотками или дурами. «Может, где-то в глубине души эти люди сами хотели бы поступить так же, но стесняются или просто не хотят в психбольницу?», — подумала я.

— Вот нажрались-то! Ни стыда, ни совести! МИЛИЦИЯ!!! — послышалось вдруг сзади.

Оглянувшись, я увидела древнюю старушку, неожиданно решившую проявить бдительность. Уж кто-кто, а милиция в наши планы на сегодня точно не входила. Прекратив изображать сумасшедших, Таня со Светой, а вместе с ними и я, пустились наутёк. Остановились мы уже у Таниного подъезда.

— Ох, девчонки, вот уж не думала, что изображать придурочную так тяжело, — пожаловалась Таня.

— У тебя хорошо получилось, — искренне похвалила я, — если бы за тобой пришла «Скорая» и увезла в Кашенко, ты бы сошла там за свою!

— Да я вот думаю, что, наверно, незачем это уже. Мне как-то лучше постепенно становится. Может, я вообще на пути к выздоровлению, а? — застремалась Таня.

— Ну, как знаешь, — ответила я.

— Мы же тебе только добра хотим, — подтвердила еле отдышавшаяся после пробежки Светка, — прикинь, лежала бы ты в больнице, мы бы тебе передачи носили, а каждую среду приходили бы навещать...

— Ладно, девчонки... не в психушке счастье...

Танька горько улыбнулась и пошла домой. Допив своё пиво последней, я аккуратно выкинула банку в урну. «А всё-таки это опасно», — подумала я, — «Наслушаешься всякого, и самой в психушку захочется, чтобы все по тебе скучали и говорили: вот довели мы нашу Аню... Нет! Уж лучше творчество!».

Попрошавшись со Светкой, я побежала домой и написала этот рассказ по горячим событиям, но не для того, чтобы ничего не забыть, а чтобы побороть приступ жалости к самой себе — между прочим, очень опасный в моём возрасте (судя по Тане).

НОВЫЕ СТИХОТВОРЕНИЯ

По многочисленным просьбам (в частности, со стороны первокурсниц Литературного института), мы публикуем не только традиционный уже для «Контрабанды» рассказ Бантиков-в-слезах, но и подборку сравнительно новых стихотворений, появившихся на свет уже после выхода первой книжки «Девочка-настроение» (Современная литература в Интернете, 2009).

Как обычно, орфография и пунктуация — на совести автора.

ДЕВОЧЬКА-ИНДИГА

В чаду четвёртого урока
Сижу губами шевеля
Найди меня в стране далёкой
Упрямым курсом корабля!

Мой бывший счастья не ищет
На дельтоплане под окном:
Бегут за парусом бабищи —
Их кинул он в краю родном.

Какие могут быть упреки?
Приму обиду, боль стерплю...
Белеет палец одинокий
Чертя презнанье по стеклу.

В плену психического здвига
Смертельно бьюсь об стенку лбом...
Я просто девочка-индига
В тумане моря голубом!

СПАЛИЛАСЬ

Я спалилась!!! Реву как дура
Мне сам дьявол теперь не брат!
К чёрту русскую литературу!
Достоевский не виноват,
Что кровавым аллюром пламя
Пролетает меж мёртвых книг,
Но за этими стелажам
Путь спасения не возник!

Я спалилась! Гори же школа,
Синим пламенем! В институт
Мне возможно ещё нескоро —
Ничего. Пусть со мной умрут
Все доступные карты рая,
Все надежды и планы все,
Пусть надежда со мной сгорает
Белым бантиком на косе!

Я спалилась! Зачем пытаются
Обратить на себя твой взгляд?

• ДИКИЙ ГОН

Не естественный холод пальцев
Как деагнос: «Не виноват».
Приближается жаркий вихрь,
Чтоб быть ласковой и добрей...
Мне ненужен пожарный выход —
Я умру у твоих дверей.

Ножки в «Abibas».
«Балтика» в сумке бринчит.
Сведанье грядёт!

Винные капли.
Вонильные трусики.
Дипрессии нет!

ОТДУШИНА

В ужастный взрослый мир
Я впихнута на сильно!
С ужастными людьми
Приходится мне жить.

А хочеться любви
Воздушно-белокрыльной!
Что б друг меня обвил
Как буд-то меч свой щит!

Пью водку на тощак
Уже вторые сутки.
Запрятался кошак
С испугу под диван.

Мой бант синееет весь
Как в поле незабудка.
Но бьётся в голове:
«Кругом один обман!!!»

Сложна я как посьянс.
Завидуема всеми!
Блестю как буд-то страз.
Но толку ни...я.

Но стали сны вещей
Про будущее время!
И в них физрук в обще
Отдушенна моя!

ХОККУ ДЛЯ РИТОЧКИ

Напрасно встало
Ранней осени солнце.
Алгебра. Двойка.

Всего шеснадцать.
Физруку тритцать восемь.
Как жизнь ужастна.

Плечи вогнулись.
Лавинные волосы.
Обветшал бантик.

ЧОРНЫЙ БАНТ

Я думала что жизнь моя незря,
А смерть — блогостловенна и пикантна.
Но, с тела вытыкая якаря
Душа моя корячиться оря
Как терминвокс в объятьях диллитанта.

О, помниш как в оргазменом плину
Клела тебя что немогу согреться!..
Я высикаю кремнием вину
Из мяса что когдато было сердцем
И в адовом пожаришче тону!

Друзья! Мне снитца в полу-смертном сне
Что я жива, невыдуманна вами,
Пишу стихи на допатоппном «пне»
Крехтя под толстой кошькой на диване
И сущбы ваши делая смешней!

Бьет колокольня тягосное «Бум».
Просщай моя придвечьяная усталосьть!
Званарь раняет слезы на толпу
Что провадить меня не побаялась.
И чорный бант на помертвелом лбу
Зияет писсимизмом и в грубу!!!

ЛЮБОВНАЯ КУХНЯ

Зима. Я режу огурцы
Вся в огорченьях и салате.
Они лежат как мертвецы
Не вставшие с утра с кровати.
Хронически болит душа,
На веке жидются слизинки,
Гремя как крыша гаража
Кружась как по ветру снижинки.
Как трудно жить весь век грустя
И смерти ждать как ризультата!
Рука свисает как культа
С доски, забразганной томатом.
Любовь — безмысленный онклав
В реальности слепой и жуткой
Мы — смеси провонсальских трав
не перевареных желутком.

• ДИКИЙ ГОН

На рождество прощальный жест
Я жду, мой милый, самый нужный...
Не ставь на бантики мне крест
Не обламай меня без нужды!
Вручи свой драгоценный дар!
Мне некуда без счастья деться!
...В духовке испускает пар
Подохшее телячье сердце...

«ОКТАБРЬ»

Октябрь. Скучаю в электричке. Я беззаботна и мила.
Любовь задвинула в кавычки, за скобки вынесла дела.
И вот несусь по Павелецкой, куда б ниехать — всё равно,
Моей душе, смешной и детской, воспрянуть вновь предрешило.
Свои нехитрые заботы везёт с собой обычный люд:
Вот музыке внимает кто то, а рядом просто пиво пьют,
Девчонка незаметно плачит, ладошкой поправляя прядь,
Вон справа симпатичный мальчик (прикольнo б было переспать!).
Все просто едут. Рядом, в Видном пытит асфальтовый завод.
Кому то больно и обидно, а кто то ничего не ждёт.
Посплю пока — хоть было б круче в ответ соорудить дерзкий вид...
А с неба одинокий Пушкин глазами тусклыми глядит.

О ПРАЗНИКЕ КОТОРЫЙ ТЕПЕРЬ В МЕСТО 7 НОЯБРЯ

Вечер згущается желеобразно
Тьма нагоняется с парка
Дима бредёт, Дима жаждит оргазма
С мерзкой ухмылкою нарка.

Девушка чешет домой по тропинке
Здоровая и живая
Дима стоит с охрененной дубинкой
За остановкой трамвая

Злобный фонарь освещает картину
Лучше чем чахлые звёзды.
Девушка! Чуешь жопой дубину?
Смойся, пока не познаю!!!

Дима выпрыгивает на дорогу
Руки дрожат в возбуждении
Девушка подозревает немного
Юношу в извращении.

Диме понравилось. Девушка тут же
Даёт телефон и адрес.
Глупая, ты бы подумала лутше
Во что ты сейчас ввязалась!

Пылкий роман, любовь и женидьба
Дима — образец мужа
Девушка вдруг понимает ошипку

И точно Дима не нужен.

После работы разборка. За полноч
В стены летит посуда.
«Дима! Я поняла ты сволоч!
Терпела — больше не буду!!!»

Помнишь ли вечер, дождь, воскресенье?
Три года искала я слово:
ТЫ ОТЫМЕЛ МЕНЯ СЛОВНО ЦАРЕВНУ
КСЕНИЮ ГОДУНОВУ!»

УМЕРЕТЬ В СЕМНАТЦАТЬ

Когда ни-будь закончу школу
И стану тётя пожилая.
И шаркая ступнёй по полу
Пойму что больше не желаю

Ни дискатек ни даже пива!
Впрах расползётся бантик старый...
И апотично-некрасиво
Пойду бродить по тратуарам...

Большой тифлёй в грязи завяздну
И не скажу ни слова матом.
В шеснатцать жизнь, она как праздник!
А в дватцать — залп из автомата.

Я вся засохну, растолстею
И буду выглядеть ужасно!!
И люди не узнают фею
В старухе мерской седо власой!

О небеса и подземелья!
Прошу ненадо издеваться!
Пока я всё могу и смею –
Позвольте умереть в семнатцать!

КОРОЛЕВА-АНДАТРА

А вечер был бронзово-алым
И было в нём что-то вещее
Отравленная, теряла я
Разум и вещи.

Бродила по перекрёсткам
Тошнила на всех имортелем...
Как необитаем мой остров
холодной постели!

Но вот и квартира. Падаю
В объятья хлопчатобумажные
Я дура. Я виноватая.
Это неважно.

• ДИКИЙ ГОН

Мне снились какието атомы
И что меня больно ударила
Дежурная по эскалатору
станции «Марьино».

...Звонок. Вызывая жалость,
Спиной прислоняюсь к шкафу
Так словно по мне пробежалось
Стадо жирафов.

Какое то грязное рыло
Протиснуло жалкое тело.
Я дверь осторожно открыла,
Потом пожалела.

Ты пьяный как питекантроп
Твердил мне что так и надо...
А я королева-андатра
озера-Чяда!

ФИЛИПИНЫ

Посмотри скорей на эти окна
Гаснет свет и нам пора в кровать...
Я умру и всё за мною здохнет,
Я роюсь — завертиться опять

Мне приснятся ночью Филипины
Море солнце и коричный свет,
Поутру опять взрвёт будильник.
Надо в школу. Филипинов нет.

Напишу стишок о светлом чуде,
О любви двух преданных сердец.
Вот конец странички скоро будет —
Чуду, тоже, видимо, конец.

Милый мой! Тебя оставлю втайне,
Где-то на изнаночке груди...
Я тебя придумывать не стану,
Просто побыстрее приходи.

СОВЕРШЕНСТВО

Привет-привет, я совершенство.
Слегка грусна, слегка чудна.
Зато любима и известна
Как англо бурская война!!!

Мои стихи гремят по миру
Как диманический акорд
И от Дубровки до Памира
Повсюду щастье и приход.

Меня печатают журналы
Я вся на радиоволнах
Вчера по телеку сказали
Что я расту как на дрозжах,

И что душа в прекрасном теле,
И что талант мой дико крут —
Бывало я ещё в постеле
Уже записочки несут!

Мальчишки, страсти неземные
Как звёзды сыпаться с небес,
И даже девочки иные
Ко мне питают интирес.

Дрожит земля и океаны,
От мною порождённых фраз...
Какие творчесткие планы?
Конечно каждому аргазм!

ЛЮБЛЮ ТЕБЯ

Последний автобус торчит у метро
Как в луже клочок травы
Пойми, мне ненужно твоё нутро —
Я просто хочу любви.

Гремит под служебным трамваем кольцо
Как чёртово колесо,
Ненадо смотреть мне с прищюром в лицо,
Я просто хочу — и всё.

Мне трудно следить за твоей игрой,
Так много в ней чепухи
Пойми, я не ангел и не герой,
Я просто пишу стихи.

Смотри не мигая в мои глаза
Проводкой искрит судьба
Я знаю, я знаю что нам нельзя —
Я просто люблю тебя.

ТАК ХОЧЕТСЯ...

Так хочется быть пафосно серьезной,
Загадочною как деипричасьте!
Забуть все эти бантики и слёзы,
Презренно-королевственно общатся.
Не пялится на мальчиков дуратских.
Телодвеженья глупые отринуть.
И в сертце как в уроке разбератся.
И всех учить с ужастно кислой миной

Что вся эта любовь — физиология
И лутшее что можно сделать с нею —
Довить в зачатке. Право, так чеснее —
Коль всёровно она протянет ноги!
Так хочется. Но я ведь не сумею!

Андрей СКОРБОГАТОВ

МИНУС 40

НА ОСВАЛЬТОВОЙ ДОРОГЕ

На мрачной улице освальтовой
Лежу раздавленная фурой.
В осколок неба тёмно-смальтовый
Топорщусь ломаной фигурой.

Водитель пьяный ужасается
Что незаметел перихода.
Вопит над мёртвою красавицей
Как буд-то целый Глас Народа!

Менты вокруг него тусуются
И составляют протоколы.
А я смотрю с небес на улицу
Светло и нежно, поприколу.

Прохожие блюют испугано
На банты, что и так в кровнице.
И полнеться мой город руганью.
А мне всё пофиг. Я всех выше.

Не потходи ко мне с вопросами.
Я знаю что тебе неважно,
Кто там погибла под колёсами!
Ктому же, труп ничё не скажет.

НЕ ТАКАЯ!

Мне мой издатель говорил
Что я совсем Анфан Терибль,
Я вся — проделки детства!
Глядел как буд-то Клинтон Билл,
Который пишу терибил
Во время президенства!

А я ведь вовсе не така!
Я грациозна и тонка
И даже, блин, изящна!
Я — отзвук школьного звонка!
Я — тень снижинки в облаках:
Летяща и кружаща!

Как божий промысел чиста!
Как яготка в нагих кустах
Мала и безащитна!
И пусть грубы порой уста, —
Безбрежным бантом Красота
С Мечтой венъчает вид мой!

1. Проблема

Главный начальник Сибири был разбужен звонком в полвторого ночи. Ерофей Ерофеич, подняв трубку дискового телефона на письменном столе, приготовился гневно высказаться в адрес звонящего, но услышал голос главы сибирского КГБ Хвостова и потому лениво отозвался:

— А, это ты... Что такое?

— Беда, Ерофеич. Кризис, не иначе.

Начальник Сибири присел на край кровати, налил свободной ружкой водки в стакан, выпил и спросил:

— Опять китайцы?

— Нет, Ерофеич, с китайцами все в порядке. Сидят себе за границей, никого не трогают. Тут дело, пожалуй, посерьёзнее будет. Настоящая катастрофа. Надо Совет Большого Начальства созывать.

— Ну ты хоть скажи, что за проблема? — Ерофеич почесал подбородок.

— Проблема национального масштаба. Это не телефонный разговор, нас могут подслушать западные шпионы.

Сибирский начальник поморщился.

— Приезжай тогда, раз по телефону не хочешь, да и рассказывай всё как есть.

— Не могу, Ерофеич — сани в ремонте, давай уж лучше ты ко мне.

Начальник Сибири нахмурился, но делать было нечего. Надел дорожную норковую шубу, шапку-ушанку и валенки, разбудил хромого извозчика и пошел вместе с ним к сараю, где жили собаки. Спустя десять минут правительственная упряжка мчалась от особняка по заснеженным просторам в направлении столицы, города Сибирска. Ерофей Ерофеич ёжился от холода и периодически пил из горла, для сугреву.

Миновав постовых, повозка въехала в город и помчалась по безлюдным улицам. В столь раннее время и мужики, и городские медведи мирно спали. Сибирский начальник с извозчиком остановились около мрачного двухэтажного здания, украшенного гербом — двухглавым медведем с балалайкой и бутылкой водки в лапах. Это были КГБ-шные Застенки, оплот военной диктатуры и сибирского тоталитаризма. Оставив извозчика с собаками мерзнуть на морозе, Ерофеич поздоровался с двумя охранниками в круглых фуражках и поднялся по лестнице в кабинет главы сибирского КГБ.

— Плохо дело, Ерофеич, — сказал Хвостов. — Водка кончается.

— Так пошли кого-нибудь на склад, — пробурчал главный начальник Сибири. — Проблем-то. И ради этого ты меня разбудил?

— Ты не понял. Водка СОВСЕМ кончается. Через две недели всё население Сибири рискует остаться без главного национального ресурса. Я же сказал — кризис наступает!

Ерофей Ерофеич остолбенел, затем схватился за голову и стал в панике бегать по кабинету.

— Срочно! Собирай Совет! Начальников всех городов! Чтобы послезавтра все были!

2. Перспективы

— Уважаемые коллеги! — объявил Ерофей Ерофеич с трибуны. — Для нашей дорогой Сибири наступают тяжелые времена.

В зале Горсовета находилось семьдесят человек. Многие из начальников были пьяны и не слушали своего шефа, в зале царили шум и неразбериха.

— Ну, мужики! — крикнул Ерофеич, пытаясь добиться хотя бы какого-то порядка в рядах Большого Начальства. — Эй, там, сзади! Степан Степаныч, убери балалайку, невозможно совсем от твоей «Дубинушки»!

Степан Степаныч, начальник Усть-Илимска, проворчал что-то невнятное, но инструмент убрал.

— Ты давай, говори, что случилось-то! — крикнул нетерпеливый Аполлон Аполлоныч из Владивостока, сидевший на первом ряду. — Что я, зря семь часов на бомбардировщике через полсвета летел?

Ерофей Ерофеич осушил стакан, потом проворчал, оправдываясь перед Аполлонычем:

— Так ведь не слушает никто. . . Ну и пусть. В общем, ситуация у нас такая. Кризис, одним словом, и безрадостные перспективы! Подмосковье и остальные европейские поставщики с понедельника прекращают поставки по трубопроводу Свердловск-Тобольск.

Главный начальник Сибири сделал многозначительную паузу.

— Безобразие! — первым не выдержал начальник Балалаевска, Тимофей Тимофеич. — Как же мы без спирта! Где московский посол?

— Посла! Где посол! — слышались голоса в зале.

— Сергей Владиславович, поднимитесь сюда, — позвал Ерофеич. — Проясните ситуацию.

На трибуну поднялся полный мужчина в пиджаке, без бороды. Ерофеич налил ему водки в стакан, но тот брезгливо поморщился и начал речь.

— А что я могу сказать? Такова ситуация на мировом рынке алкогольной продукции. Цены поднялись. Дефицит. Эксплуатировать трубопроводы для этих нужд нерентабельно. То же и в других странах. Мы предложили продолжить поставки по железной дороге, но новый договор вы подписывать не собираетесь.

— Да как по железной дороге? — воскликнул Аполлоныч. — Да разве по железной дороге можно? Мы и десятой доли по ней не провезем. Без трубопровода не обойтись!

— Все другие страны производят поставки спирта обычным транспортом, водным или сухопутным, — парировал московский посол. — Мне вообще не понятно, зачем сибирякам так много алкоголя?

Со второго ряда вскочил худой мужичок, начальник северного Медвежанска.

— Да что вы понимаете! Вы, москвич! У нас в Сибири морозы десять-одиннадцать месяцев в году. Бывает под шестьдесят градусов, плевки в воздухе замерзают! У нас даже женщины из-за этого не живут уж лет пятьдесят, как всё это началось. А мужикам без этого дела никак! Организм у сибирских мужиков так устроен, что вместо крови — алкоголь, наши учёные установили. . .

— Ну, я слышал, но это спорная теория, — спорил Сергей Владиславович. — Это противоречит здравому смыслу и законам биологии.

— Да у нас тут все противоречит здравому смыслу, с тех пор как в 80-х годах военные испытания привели к мутации планеты, — грустно вздохнул Ерофей Ерофеич, стоявший рядом. — А как иначе? Иначе нельзя. Одно я точно знаю — среднегодовая норма на одного сибиряка

— не меньше полутора тонн спиртосодержащей жидкости. Летом теплее, пьют меньше, кое-кто самогон гонит, а зимой — по пятнадцать бутылок в день, и самогоном не обойтись. Помножьте на шестнадцать миллионов, и вы поймете, что без трубопровода нам никак.

Посол развел руками и ушел с трибуны, бросив напоследок:

— Я ничего не могу сделать. . .

Зал немного приутих, все обдумывали услышанное, потом с задних рядов закричали:

— А мы им нефть перекроем!

— Да, а потом ракетами их, ракетами!

— Нет, мужики, нельзя же так, все же они наши соседи и бывшие соотечественники, — попытался успокоить народ Ерофей Ерофеич, возвращаясь на трибуну. — Надо искать выход самостоятельно.

— Хотя нефть всё же перекроем, — тихо сказал в сторону начальника КГБ Хвостов, стоящий за трибуной.

— Это все происки зеленозадых супостатов! — заявил начальник Угрюмска, привыкший во всем винить инопланетян, и достал из-за пазухи припасенную бутылку.

— Но позвольте, у нас же есть два завода, в Красноярске и Хабаровске, — сказал Тимофеич. — Неужели их мощности не хватит?

Ерофей Ерофеич покачал головой:

— Не хватит. Водочные фабрики в большинстве городов работают на зарубежном сырье, своего недостаточно.

— Хорошо, если спиртовых заводов мало, то почему бы не построить ещё парочку силами политзаключённых? — предложил вариант Аполлоныч. — Я не думаю, что на это уйдет много времени.

— Политзаключённых мало, — высказался Хвостов. — Они и так строят три новых нефтепровода и две атомных электростанции. Нет, ну мы, конечно, можем поменять законодательство и на время увеличить их численность, но это долгий процесс. Да и не хватит парочки заводов. Одно предприятие пятьсот тонн спирта в сутки делает, а у нас по стране за день, бывает, по шестьдесят тысяч пьют. За границей пятнадцать заводов в трубу спирт гнали. Что, кстати, с ними будет, Сергей Владиславович?

Толстый московский посол поднялся со своего места, презрительно оглядел зал и громко сказал:

— В то время, как вы пьёте, мы покоряем космос и производим шоколад. Мы переоборудуем часть заводов под нужды космической отрасли и кондитерской промышленности, делов-то!

— Это безобразие! — выкрикнул Тимофеич. — Как можно, нет, вы послушайте, как можно есть этот. . . шоколад!

Зал загудел, кто-то начал грозить кулаком и выкрикивать угрозы в адрес посла, кто-то начал оживлённо беседовать со своим соседом, распивая спиртное, а Степан Степаныч, начальник Усть-Илимска, устал от шума, уснул и захрапел.

— Но должен же быть хоть-какой то выход? — воскликнул Аполлоныч. — Неужели всё так безнадежно?

— Похоже, выход из кризиса у нас один, — с грустью в голосе сказал начальник КГБ, и в зале стало тише. — Раньше брали из Европы, теперь придется просить Азию, у них спирта много. . . У нас есть ветка газопровода, идущая из Иркутска, её можно переключить к спиртовым трубам, и тогда. . .

— Китай? Никогда! — воскликнул Ерофей Ерофеич.

— Надо, Ерофеич, надо, — Хвостов снял круглую фуражку, обнажив лысину. — Мы продадим Сибирь за водку бывшему врагу, но только так мы спасём народ от верной гибели.

3. Проба

— Вот, Васька, пришли, — сказал старый геолог своему молодому напарнику и воткнул лыжные палки. — По карте залежи прямо под нами. Четыре километра, считай, часа полтора бурить.

— Фу, наконец-то, — уставший мужик уронил лямку саней на снег. — Нет, Максимыч, а вдруг всё же это газоконденсат, а не нефть?

— А шут его знает, может и газоконденсат. Разведчики вечно все напутают. Нам-то какое дело, сейчас пробу возьмем — а там уж пусть в лагере думают, кому отдать — газовикам или нефтяникам. Бери вон лопату с моих саней, сейчас мы разгребём тут маленько и палатку поставим.

Когда палатка была расставлена, геологи развели костёр и стали варить консервную похлебку, грея руки о котелок.

— Слыхал, чего вчера курьер в лагере говорил? — спросил старший геолог.

— А?

— Говорят, кризис водошный.

— Да ну! — не поверил Васька. — Водка всю жизнь была в Сибири, чего ей деваться-то.

— Молодой ты, многого не знаешь... Давным-давно водки в Сибири не было. Ну, то есть была, но так — немного совсем. Потом грянули холода, Сибирь независимой стала, спирт из Москвы пошел, по трубам. А теперь не даёт Подмоскovie спирту, третий день уже как вентиль перекрыли.

— И что теперь?

— А разное говорят. Одни говорят, китайцам за спирт Дальний Восток отдавать будут, другие говорят, что и Китай не поможет — у них тоже с алкоголем проблемы. А кто-то говорит — Китай, не Китай, а водку пить всё равно надо, иначе совсем никак. Одним словом, не понятно, что станет с народом.

Молодому геологу взгрустнулось. Он надел варежки, стряхнул со скульки с бороды, и спросил:

— А сколько водки еще осталось?

— У нас или вообще? — не понял Максимыч. — У нас — два литра с полтиной. А по стране — вроде как на дней семь. Курьер сказал, что в столице говорят про тайные склады КГБ, говорят, если тяжело будет, народ взбунтуется и штурмовать пойдет... Ну да, их сейчас перекусим, костер потушим и бур поставим.

Компактный бур с насосной станцией были тяжелыми и еле помещались на двух санях. Когда мотор заработал, и на мужиков полетела глина с грязью, Максимыч запел привычным голосом, желая приободриться:

Ой, мороз, мороз,
Не морозь меня,
Не морозь меня, моего коня...

Васька, хоть и молодой, стал подпевать:

Не морозь меня, моего коня,
Моего коня белогривого.
У меня жена, ох, ревнивая!

— А что такое жена, Максимыч? — спросил молодой геолог старого, когда они допели песню.

— Это, Васька, женщина такая специальная. Раньше, говорят, у каждого мужика по жене было, а теперь уж лет пятьдесят нет ни у кого жены. Да и вообще нету женщин в Сибири, в телевизере только, зато водка есть... Была, то есть... Смотри-ка, полилось что-то! Выключай машину.

Старый геолог вылез из палатки, подошел к буру и смахнул пальцем с буровой трубки подтекающую жидкость.

— Прозрачная какая-то, — удивленно проговорил Максимыч.

— Парафинка, что ли? — предположил молодой. — Хотя нет, парафиновая нефть не такая по густоте.

— И пахнет как-то странно, — геолог понюхал жидкость, потом рискнул попробовать на язык. — Васька, так это ж водка!

— Да ну!

— Да я тебе говорю, на, сам попробуй!

Молодой сибиряк попробовал жидкость на вкус и кивнул.

— И взаправду, водка! Получается, что там, под землей, водошное месторождение?

— Получается, так, — кивнул Максимыч. — Чего только на земле Сибирской не бывает.

— И что теперь делать?

— Как что делать, ты в первый раз, что ли? Сейчас в колбу сольём, скважину законсервируем. Потом переночуем, да повезём пробу в лагерь, а что там дальше — это уже не наши заботы.

Когда рассвело, геологи отправились в обратный путь, а на месте пробной скважины остался стоять бело-серо-черный флаг.

— Получается, не будет кризиса? — спросил по дороге Васька.

— А кто его знает, — ответил Максимыч. — Это уже пусть начальство решает, что с кризисом делать. А наше дело малое — колбу с пробой до лагеря донести. Ты только смотри, будешь по дороге водку пить — не перепутай!

Василий с Максимычем ехали мимо сибирских кедров и сосен и не догадывались, что их имена войдут в историю Сибири, как имена спасителей отчизны. Ведь это именно они принесли народу весть, вернули стране её народное достояние, её радость и боль.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ УЧАСТНИКОВ ФЕСТИВАЛЯ “ПЕРЕСЕЧЕНИЕ ГРАНИЦ”-IV

Елена Звягинцева (Казань)

поезда

Я жила в доме, перед которым
Шли поезда. Я повесила шторы,
Я закрыла окно, но всё равно
Поезда проносились у меня за стеной
И каждую ночь раздавался гудок
Одного из тысячи поездов.

Я жила в комнате с видом на рельсы:
Поезда уезжали в далёкие рейсы,
Стук колёс резонировал с моим сердцем;
Поезда проносились в уснувшем тельце
Прямо в сны через вены и капилляры.
И каждую ночь мне снились кошмары.

Я жила, я жила в двух шагах от вокзала,
Я когда-то туда не пришла — опоздала.
В двух шагах от меня расставались люди,
Понимая, что так уже больше не будет,
Понимая, что так уже — навсегда;
Садилась в проклятые поезда
И сажали других, чего-то желали;
А я жила, я жила в двух шагах . . . а жила ли?

Сюрр

Девочка-кубик.
Картонка в виде сердечка
в груди.
Девочка-кубик.
Это бес-человечно:
те, кто нас губит,
читают статьи о себе
в криминальных рубриках
и ставят за нас же свечки.

Девочка-кубикРубика,
лишённая дара (вст)речи,
поверчена в чьих-то руках,
запутана,
брошена в шкаф:
пы-
литься.
А лица
всех твоих бывших
уже на одно лицо.
Приклеены.
Кажется — на моё.
Кто я в конце концов!?
Спросить не смея, но

сумей я пресечь враньё,
ответь: кто я в этой игре?
Не лги, не убий, не возжелай -
меня — грех.
Ответь: как я в этой дыре
оказалась?
Сутками
по сутолкам,
по вокзалам,
то здесь, то там,
то здесь, то там,
девочкой-кубиком
я потерялась,
запуталась,
забери меня,
собери меня
по цветам.

Наиль Ишмухаметов

Питер-Казань-транзит (цикл)

1.

Саялам, неизбывный приют дальнезорких дождей!
Привет, пучеглазые лужи, краплёная суша!
Гробница безумных и фабрика здравых [как будто] вождей,
Приехал к тебе — врачевать изболевшую душу,

Лечить шоколадным музеем стальную печаль,
Заслышав приветственно ржущих Аничковых монстров,
Смеяться, и в лица прохожих и в светлую даль,
Почувствовать боль где-то слева, щемящую нежно, не остро.

Стереть до кровавых мозолей подошвы штиблет,
Добавить в святые булжники крови татарской . . .
Вернувшись, кроить целый год на счастливый билет,
Из жалких кутарок своих, навсегда пролетарских.

2.

Я хотел бы прочесть этот город от горки до горки,
На осиную гузку Исаакия ночью взобраться,
Прокричать с верхотуры дурашливо: «Нас не догонят!»
Вот такой сумасшедший очкарик я, питерцы-братцы . . .

Ну, а как тут не спрыгнуть с ума на гранитный поребрик,
Наблюдая ладошки мостов, раздвигающих своды
Бледнолицего неба, отжатого в чёрную воду,
Заклиная секундную стрелку тик-такать пореже . . .

Здесь простая потребность во сне превращается в кражу,
То, что я не сумел «недоспать», за меня «недоспите»,

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

Боевые друзья и подруги по битвам куражным...
Ну, а я возвращаюсь, татарин, влюбившийся в Питер.

3.

Дым отечества, где же ты, сладкий кальян?
Замордован наследником — чадом державным,
На гербе вместо колоса — колкий бурьян,
Ятаган переkreщен кувалдою ржавой.

И воинственно вздыблен надгробный гранит,
С каждым годом всё толще чешуйчатый панцирь...
Чёрный след тормозной чью-то тайну хранит,
Серый китель асфальта не любит трепаться...

Вот приеду в Казань, все колёса спущу
И наполню их воздухом Родины!
Я люблю этот хитрый татарский прищур
И «жигуль» неразменный — уродину...

4.

загляну в глаза Казани на заре
в них
и Рим
и Тадж-Махал
и Назарет
Междуречье
стоязыкий Вавилон
а над ними
Гжели русской небосклон

поутру в глаза Казани загляну
я у этих глаз в пожизненном плену

5.

Провинциальное кафе «Уют-муют»,
Пяток голодных у раздатки, трое в зале
Шашлык-машлык самоотверженно жуют,
Который, скинувшись по-братски-мратски, взяли.

Скрижаль взывает — «Не сорить и не шуметь!»
И по традиции под нею — сор шумящий...
Какую ж душу-шмушу надобно иметь,
Чтоб испарить из сердца-херца лёд щемящий,

Чтоб воспарить, поправ любовью жизнь без прав,
Опровергая притяжения закончик,
На журавля родное небо обокрав,
Пичугу счастья ухватить за кончик-мончик???

Марина Кулакова (Нижний Новгород)

Памяти Геннадия Жукова

Жалейки, флейты, дудочки, литавры —
Попробуйте... Сюда придут кентавры,
Чтоб помолчать.
О том, что он пастушествовал, странствовал, и видел.
Поэт Геннадий ближе, чем Овидий,
Во времени, но дальше, чем Донец, теперь уж мертвый,
И дальше, чем чабрец, и он живой.
Мы говорили с ним: он пел, а я читала.
И глубина ростовского подвала плюс небо Танаиса в сумме
Не скажут ничего
Ни о судьбе, ни о глазах,
Ни, главное, о голосе его.
Жалейки, флейты, дудочки, литавры —
Попробуйте...
Сюда идут кентавры.

...С металлической, как ртуть, как летняя река,
Как молния в степи, как выплеск перламутра —
Тот голос был побег, тот голос был тоска,
Тот голос — Танаис.
И Танаис под утро.

Светящийся глагол над ночью протяжён,
Протяжён, словно луч из давних-давних далей.
Ключа от дома нет.
Есть от пространства ключ.
И слух ночной. И пыль на ремешках сандалий.

Нездешней тишиной, нездешней тьмой объят,
Теперь он весь в реке светящего глагола.
На берега её выходят и стоят
Кентавры, и поют цыгане и монголы,
А может, кто иной, я вряд ли различу,
Хотя и вижу всё отчетливо и странно.
Пыль улеглась. И вот, склонясь к его плечу,-
То, видимо, она.
Она, конечно, — Анна...

Константин Латыфич (Самара)

Колтрейн

«Вижу жезл миндального дерева» (Книга пророка Иеремии)

Последний росчерк летнего дождя.
И тихое шипение асфальта.
И он не оглянулся уходя.
Попеременно тенором и альтом

за всхлипом — хрип рождая в унисон.
Оттачивая медью раскаленной

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

свой новый голос, разрывая сон
оставшихся, что смотрят удивлённо

как встретился в небесном Катманду
с единственной несыгранною нотой.
Отслаивая чёрную руду,
горящую индийской позолотой.

Пустыни ясен истинный размер.
Песчинки все сосчитаны. Простится
настойчивое тремоло из сфер,
где дерево миндальное ветвится,-

спешит. И горную грядку
созвучья возвращают горизонту.
И склонам травянистым — резеду.
И корабли стремятся к Геллеспонту...

Смолкает звук. И красный контражур
предъявит, словно рыбу из улова —
вокруг эстрады замерших фигур.
До первого услышанного слова.

Livno. Bosnia.

*... но здесь еще живет его доступный дух.
(Е.А.Баратынский)*

Здесь камень — бел. И жесткою травую
скрываются прошедшего следы.
Твое воспоминание такое...
Мы вместе не спукались до воды

петляющих турецких акведуков.
И дальше — к водопадам по мосткам,
что помнят гайдуков, башибузуков,
беседу посвящая пустякам,

не шли, смотря на этих двух форелей -
не пуганных, застывших, как в кино.
Мы не договорили. Асфодели
не вырастут внизу на поле. Но —

там на шоссе, где шмыгают лисицы,
я обернусь на пройденный маршрут.
Надежды подглядев твои, где лица
над столиком в кафе склонившись, — ждут.

Наталья Ручина (Нижний Новгород)

Прогулка на раскопки

*В Нижегородском Кремле были найдены предметы XI века. И это
на глубине всего 5-ти метров!*

Сыпучий край меж нами и веками.
Стоять осмелились. Под нами времена,

Разбросанные: глыбы, кладкой камень
Полусферичной юртой. Стена.

Ни темнота, ни страх пред наказаньем
Не перевесят этот мегалит.
Дольменны дыры в плоском. С замираньем
Буравим взглядом белый монолит.

Смесь очертаний. Вспышка аппарата
Добудет глазу вожденный край.
Ни розовых бриллиантов в три карата
Не надо, ни попасть душою в рай!

А высветить еще два метра в рове,
В который, чуть качнувшись, полетим.
Но это ничего, когда в основе
Червь любопытства, голодом дразним.

Спускаться вниз не дрогнули колени,
И близко так к истории сойти.
Но в сумерках и с нашим неумением
Мы права не имели там быть, и...

Мы удалились, хватит медитаций,
Восторга снобского, желанья осязать!
И пребывая много дней в фрустрации,
Я мучилась желаньем там копать.

Эдуард Учаров (Казань)

АНГОЛЬСКИЙ ПОЧТАЛЬОН

В стране амбунду, к северу от гор,
Где студит снег расплавленную почву,
Алмазный дождь по ямам сыпал почту,
Закатных искр крадя у неба горсть.

И всадники тропических степей,
Апрелем обжигают ветры,
Разглаживали скачкой километры,
Неся депеши звездную купель

Вобравшему в себя морщины рек,
Танцующему цензору ойкумен,
Чей выверенный пульсом ночи бубен
По адресатам слал их оберег.

ОБЛОМОВ. ВАРИАЦИИ

Действенная тоска — штрих к моему портрету,
Грифельный скрип по аспидному сланцу.
Если выведет кривая, то я приеду
Нищим принцем с князьком-оборванцем.

Вырвусь из грязи, это нехитрое дело,
Друга представлю — немецкий мой кореш,
Кровь разгоняет, дабы не очень густела.
Кстати, чем нас с Андрюхой покормишь?

Есть некий план: «Бельведерского Аполлона»
Охолодить Корреджиевой «Ночью».
Как ты считаешь, хватит пивного баллона
Туфли испачкать римской почвой?

Грум запрягает праздничный выход трамвая,
День ест от солнца последнюю дольку.
Три остановки, но до конечного рая
Всё не доеду, милая Ольга.

ДОРОГА В БЕРКЛИ

«Быть — значит восприниматься...» Джордж Беркли
Креста мистические взмахи
Случайно промелькнувшей церкви
Железным блеском об рубаху
Царапнули при въезде в Беркли.

Никелированные крылья
Несли потомка Гавриила
По автостраде многомильной
Мощённой в адское горнило.

Побрив Неваду возле уха
Опасным лезвием азарта
Калифорнийских акведуков,
Я разрезал черту на карте,

Как резал вены в восемнадцать,
Проехав сквозь Долину Смерти.
Тогда другим восприниматься,
Наверное, мне кто-то мерил.

А ветер бил по серым скулам,
Глаза щипало, солнце меркло.
Но на хайвэе среди гула
Я различал кантату Беркли.

Александра Марчук. Анабарская империя.

Далеко на севере, за полярным кругом, близ полуострова Таймыр лежит таинственная страна Анабар. Люди забыли об этой стране, хотя есть некоторые основания полагать, что во всем современном человечестве есть хотя бы толика анабарской крови. Мало того, ведь все направления мировой архитектуры имеют корни в Анабаре!

Почти в точности анабарским образцам соответствуют мечети, минареты и мавзолеи Бухары, крепости Грузии и Армении, немецкие замки, Великая Китайская стена, Афинский акрополь. И это далеко не все. Причем, нет ни малейшего сомнения, что анабарские строения существенно старше.

Но почему же эта страна забыта? Трудно сказать. Уж очень она далеко расположена от других очагов цивилизации. Ведь в течение тысячелетий эти края были абсолютно недостижимы. К тому же об Анабаре не упоминается ни в одной летописи, и его раньше никто не пытался искать...

Заинтриговала? Поверили, что была страна Анабар? Так вот, мы тоже почти поверили. Нет. Мы, конечно, знали, что все, что мы видим, создано природой, а не людьми. Но, тем не менее, проплывая через очередной «город», невероятно похожий на Барселону, Херсонес, Старый Таллинн, мы с каждым днем все сильнее и сильнее верили в сложенную самими же легенду...

Поход наш проходил по реке Котуйкан, берущей свое начало в сердце Анабарского плато. Плато это находится в Таймырском автономном округе, на севере Красноярского края.

Попасть туда можно только по воздуху: самолетом до Хатанги, далее вертолетом.

Собираясь в поход, мы понимали, что летим в какой-то необычный край, но то, что мы увидели, превзошло все ожидания.

И вот уже наш вертолет парит над бескрайними северными просторами. Синие нити рек причудливо разрезают зеленый ковер тундры. Постепенно зеленый цвет сменяет бурый — теперь под нами сплошной камень. Лишь вдоль рек и ручьев водят хороводы редкие лиственницы.

Земля все ближе, ближе. Вот мы уже летим по долине реки. Под нами галечный пляж. Приехали.

Осмотрелись. Пока все как обычно. Камни как камни. Тундра как тундра. Север как север. Что же тут такого особенного? Надо ли было лететь за 4 тысячи километров?

И все же особенное было уже даже здесь. Просто, приглядевшись, мы поняли, что ходим не по обычной гальке. Среди нее встречались красные плиты, на которых, как нам показалось, застыл след волны...

Первые два дня сплава прошли под дождем при очень сильном ветре. Вода в реке стремительно поднималась. Было холодно и неуютно. Катамаран управлялся с трудом. Какие тут пейзажи — разве до них?

И вот, наконец, наш до того серый мир залило яркое солнце. Лучи, коснувшись воды, посылали всюду радужных зайчиков. Вода падала, постепенно обретая прежнюю прозрачность. Мир радовался солнцу и теплу.

Радовались и мы. Теперь мы прекратили бороться за жизнь и могли обратить свои взоры к чудесам. А окружали нас загадочные руины...

То, что тут когда-то была Анабарская цивилизация, мы придумали сразу. Мы плыли по реке и любовались белыми изящными лестницами, спускающимися к воде. Прозрачная вода весело скакала со ступеньки на ступеньку, растекалась по широким плитам, находя себе разные пути вниз к реке. Вот такие же ступени и у самой реки. А в устьях ручьев каждая ступенька лестницы, как целая мостовая! Может, в такие ступени-мостовые когда-то был облачен весь склон? А может, каждая мостовая вела к своему замку? И мы представили, как когда-то легкие белые замки сбегали с крутых берегов к Котуйкану. Что погубило их? Может, какое-то мощное землетрясение?

Высаживаемся у одного из таких ручьев, чтобы рассмотреть ступени. Какие же они странные! Как будто лава пузырилась! Или динозаврики из яиц вылуплялись — все в гигантских скорлупках!

А таинственная страна Анабар преподносила нам все новые и новые подарки.

Открывшийся перед нашими взорами уступ венчала сторожевая башня. Может, в какие-то времена здесь проходила граница Анабара?

Но вот еще башня. А вот целая стена. Замок. Еще...

А дальше... Дальше мы с восторгом наблюдали, как берега заполняли величественные строения с зубчатыми башнями, крутыми ступенями, бесчисленными колоннадами.

Очередной поворот, и перед нами вырастает нечто, сравнимое по красоте с храмами Карнака. Наверное, фантазируем мы, этот ансамбль с его воротами, дворами и залами, с бесчисленными колоннами, скульптурами и обелисками являлся самым значительным храмовым комплексом Анабара...

Немного погуляв по «мраморным лестницам» и впитав в себя «аромат старины», мы продолжали свой путь.

Под вечер перед нами открылась монументальная крепостная стена, венчающая осыпь левого берега. Может, здесь была столица Анабарской империи?

Красивейший город раскинулся на несколько километров вдоль Котуйкана и двух его притоков. Название этому городу у нас придумалось сразу — Восьмибережье. Может, потому, что в этом месте реки разрезают сушу на четыре (правда, не восемь!) берега и повсюду раскинулись воздушные замки.

Правящие древним миром выбрали себе бесспорно красивейшее место. Река Джорджо делая крутой изгиб, подходит к Котуйкану на расстояние метров 200. На гребне между реками раскинулась многокилометровая крепостная стена. А вдаль вдоль реки Джорджо убегает ряд сказочных замков, один краше другого, гордо спускающихся к воде. Может, именно по образу замка, принадлежавшего когда-то императору Анабарскому, построена немецкая сказка — замок Нойшванштайн, ныне парящий над лесистыми холмами в Баварских Альпах?

Следующий день мы решили посвятить осмотру древней столицы. Великая стена уходила прямо в воду, посему встать у подножия города не удалось. Маленькая площадочка нашлась лишь на противоположном берегу, у подножия величественной башни-сфинкса, которая, видимо, являлась сторожевой на подходах к столице.

Сказка становилась все краше и краше, а вера в древнюю цивилизацию все росла и росла. Теперь мы стали задаваться вопросами: кто были те люди, что строили такие замки? Как они жили? Чем питались? Куда исчезла Анабарская цивилизация?

И тут вернувшийся с прогулки Сергей с таинственным видом позвал нас за собой. Пройдя метров 500 вдоль ручья, мы увидели в скале дверь. Это же подземный ход! Зачем он был нужен анабарцам? Куда вел? Может быть, где-то там, в недрах скалы люди спасались от землетрясений? А может быть, через эту дверь они и покинули эти земли? Нам терзали разные догадки. А дверь... Ну, конечно, дверь не открывалась. Ведь мы не знали нужного заклинания...

Вечером того же дня мы отправились осматривать ту часть города, которая высилась у нас над головами.

Эта часть Восьмибережья сохранилась хуже центральной, и мы могли наблюдать лишь два ряда невысоких крепостных стен. Правда, в верхней стене сохранилась изящная башня со смотровой площадкой, с которой полностью видна Великая Стена и место, где встречаются три реки.

Проведя день в Анабарской столице, мы отправились дальше. Города, которые расположились ниже по течению, отличались немислимой плотностью застройки. Замки здесь лепились на совсем отвесном склоне. И мы решили, что это были жилища бедняков.

А впереди нас ждал «город Гауди». Мы решили, что этот город строился несколькими веками позже — уж очень сильно отличался он от всего предыдущего.

Видимо, что-то изменилось тогда в жизни анабарцев. Это был обширный просторный город. И, наверное, именно он послужил прообразом всемирно известной Саграды Фамилии, созданной великим архитектором Антонио Гауди.

Вообще-то мы ожидали, что в этом месте должно быть что-то особенное. Ведь карта говорила о том, что здесь необычайно высокий и крутой левый берег. Теперь мы увидели залитый солнцем склон, который венчали высокие башенки причудливых форм. Собираясь в группы, они образовывали неповторимые по красоте ансамбли.

К башням от воды поднимались монументальные лестницы с гигантскими ступенями. А у подножия города ярусами тянулись мостовые.

Так мы плыли по реке, радуясь новым и новым открытиям. Мы гуляли по красным городам и серым, желтым и бурым. Мы устраивались на стоянки у замков и кремлевских стен. Обычный походный быт протекал на фоне выдуманной нами цивилизации и все наши мысли были подчинены этой фантазии. По Котуйкану мы проплыли менее 200 км, а посетили при этом десятки сказочных городов.

Города были и на Котуе, в который мы впали, но время поджимало, и мы были вынуждены теперь плыть в другом темпе. Оставалось 5 дней, за которые мы должны были преодолеть 200 км, причем скорость течения при приближении к морю стремительно убывала. Теперь мы гребли с утра до ночи, и любоваться городами могли только с воды.

И все же, завидев красу нижнего Анабара, желтые города, мы бросили весла и начинали судорожно фотографировать воздушные остроконечные башенки-минареты, желтые и розовые колоннады, изящные каменные лестницы. Теперь мы опять не сомневались, что именно из этих городов выросли среднеазиатские города, турецкие, великое творение индийской культуры Тадж-Махал, Сакре-Кер в Париже, храмы Василия Блаженного в Москве и Спаса-на-крови в Петербурге.

Река становилась все шире и шире, все тише и тише. Котуй слился Хетой, образовав полуторакилометровую Хатангу. Горы больше не окружали нас. Не окружали нас и замки. Позади остались руины Анабарской империи со своими так и не разгаданными тайнами.

Но сказки сказками. Где же истина? Что же мы видели на самом деле? Так вот, истина ничуть не менее любопытна.

А заключается она в том, что реки текущие с Анабарского плато вскрывают на своем пути отложения разных геологических эпох. Таким образом, сплавляясь по Котуйкану, мы могли видеть разнообразнейшие окаменелости. Ведь удивительные красные плиты, встреченные нами в самом начале пути, были не чем иным, как следами древнего океана!

А динозавры яйца, из которых сложены степени гигантских лестниц — это строматолиты. Странные пузыри являются следами жизнедеятельности цианобактерий, первых живых существ, населявших Землю. Возраст и первых и вторых окаменелостей примерно 1,7 миллиарда лет.

Наши сказочные замки несколько моложе, но «строила» их тоже природа. Доломиты это. Отложения окаменевших глин. И возраст их около 600 млн. лет. Так что, хотите верьте, хотите нет, а действительно, самая древняя, но... не цивилизация.

Не люди это великолепие создали, а ветер и вода, песок и лед. И, конечно, время.

Дарья ВЕРЯСОВА

ЗЕЛЁНЫЙ КОТ

Апрель (Денису Шагиняну)

1.

Ты — оттепель. Ты сходишь, не спросив,
На волосы, на сгорбленные спины,
На тишину, на клёны и осины.
И потому-то светел и красив.

И монолит сугробов поборов,
Ты прорастаешь — яростный и грешный —
Крапивным жаром, запахом черешни,
Бессмертием мальчишеских дворов.

И катится вода, хрусталь, алмаз,
И солнце широко и полногрудо.
Душа моя, не жди беды, покуда
Апрель зеленоглаз!

2.

С ума сойти, но не понять,
Зачем, Апрель, ты на меня
Такой похожий?

Зачем так залихватски зол,
Зачем ты пахнешь бирюзой
И нервной дрожью?

Рассвет на всех углах трубит,
Как истины твои грубы
И непреложны.

Мне дышится едва ль на треть,
Мне снова не с кем умереть
В один и тот же...

3.

Я тебя жду, как большого добра,
Жду, как прерванная игра
Ждёт во дворе детей,
Жду, как пустая перчатка — руки,
Как артритные старики —
«Чтоб, наконец, теплей».

Так безотчётно расплаты ждут:
Бедный — денег, богач — нужду,
Шабаша — тишина.
Время колечками вверх, как дым.

Ждёт холодной воды кадык,
И забулдыгу — жена.

Как безмятежности до утра,
Как известий с рукой у рта,
Чтоб отвести беду.
Солнца мясистого, как хурма...

Чёртов апрель, не своди с ума!
Я и сама сойду.

* * *

Весна сквозь улицы продета,
Сугробы истекают ржавью.
И покрасневшие дети
Целуются за гаражами.

И небо, желтое к востоку,
По-стариковски морщит кожу.
Ползут наружу из-за стекол
Цветы, затворники и кошки.

И ровно в полночь бьются с треском
Горшки, сердца, надежды, трубы.
Как близок май! Упруго, веско
Весна вздымает занавеску
И рвётся в губы.

Гагарин

маме

Я вижу предельно ясно,
я будто всю жизнь в угаре:
над миром летит Гагарин,
распластанный, как ястреб,

теряя болты и гайки,
дымный чертя след.
А мама зовется Галкой,
ей одиннадцать лет.

Серым туманом испачканы
апрельские небеса.
У мамы тонкие пальчики,
и челочка на глаза.

Мама растит косы
и сочинения пишет.
А мир, по-детски притихший,
уоставился в черный космос.

И маме под утро снится,
что воздух пропитан гарью,

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

а в небе летит Гагарин,
как перелетная птица...

***

Ах, какая осень к нам брела с востока,
Выгибая травы, навевая сон.
По ночам гудели трубы водостока,
И на тротуарах оседала соль.

Тряс плечами город — голый и упругий,
Словно только-только вылез из реки.
И шептали листья, и просились в руки,
В утренние мысли, в линию строки.

И сентябрь, до крови руки изувечив,
В рыжие одежды сопки нарядил.
Мне казалось, будет осень бесконечной,
Мне казалось, будет что-то впереди.

***

... Не оставляй — не надо! — на потом,
Поговори со мной, мне очень нужно!

Как безнадежно опостылел дом,
За стенами Гоморра и Содом,
Переметнулось солнце за кордон,
И с каждым утром комната всё уже.

... Поговори об этом и о том —
О ерунде и о еде на ужин.
Торчу на мелководье, как атолл
(Что означает: просто села в лужу).
Включи будильник, заведи мотор!
Мне надо эту тишину нарушить!

Но я молчу, и ты — с закрытым ртом.
Бросаю хлеб, и воробьи гуртом,
Летят к окну, толкаясь неуклюже.
И в октябре мне дышится с трудом —
Я не живу, я покрываюсь льдом.
И невозможно выбраться наружу.

Зелёный кот

Среди тысячи пород
Есть один зеленый кот.
Он на чердаке живет,
Как в отдельном номере,
Он из лужи воду пьет
В городе Житомире.

Он мурлычет и орет,
У него из года в год
И чердак и лесенка.
«Я щенок наоборот», —

Вот такая песенка!

А потом на небосвод
Накатил водопровод,
Мы с тобою померли...
Но живет зеленый кот
В городе Житомире.

***

Дороги пахнут. Горячей резиной пахнут,
Ветром сквозь окна, чьим-то невымытым пахом,
Хлором, «Диором», фильтрами сигарет.
И по бокам разваленной снежной папайой,
Которая старше меня на тысячу лет.

Поезд несётся, бодро вращает осью,
Мимо деревьев, вставших несметным войском,
Мимо людей в бессмысленных городах.
И лампа в стекле качается, как авоська
У расхрепавшейся женоподобной в ногах.

А за стеной соседи галдят по-птичьи,
Мокро целуют, сжигают мосты и спички.
— Можно? — Садитесь. — А кто это? — Дед Пихто!
Если не думать, жизнь — это дело привычки,
Если забыть про запах — самое то.

***

Мокнет декабрь под нелепым дождём. И лучше
Не признаваться, какая тоска. До кучи
Он просыпается ночью: тяжёл, всклокочен...
Видишь, отец, твоя непутёвая дочка
Шмыгает носом и скоро дойдёт до ручки.

Как далеко Москва — на другой планете!
Видишь, отец, ей бы замуж, а после — дети,
Слышишь, встаёт среди ночи запить икоту.
Ты ей пошлешь рейтузы к новому году,
Строго накажешь, чтоб не ходила раздетой —
Хоть не мороз, а, того и гляди, продует.
Чтоб обязательно летом приехала в гости —
Малость отъестся, а то ведь кожа да кости.
Чтоб наконец перестала маяться дурью!

Она говорит: будут деньги, тогда и можно,
И прекрати талдычить одно и то же.
Вовсе не кожа да кости, а буквы да строчки!

Видишь, отец, ты когда-то придумал дочку.
Я на неё с каждым годом всё меньше похожа.

Ксения СЕРОВА

ДЕРЕВЬЯ КАМЕННЫЕ

Деревья каменные

Ладонью наотмашь ударить по старому дереву.
Путаться, биться, терзать обнаженные ветки.
...А потом прижиматься к коре и просить прощения
За то, что никак не могу защитить от ветра.

***

С легким шорохом падают яблоки
В тишину перспелого воздуха.
Я врастаю корнями в текучую теплую землю.
Я стала деревом, старым деревом.
Я исчезла, а ты ничего не заметил.
Только в саду появилась еще одна яблоня,
Переплетается с ветром ветвями тонким.
Ветер пахнет водой и горечью.
В пруду плавают солнце мокрое.
Обними меня, мне же холодно...

... А из рук моих падают яблоки
С легким шорохом
На траву.

Время дождей

1.

Эта осень для нас — бесконечно усталое время.
Замирают последние листья в предсмертном полете.
Вы не поймете...
Вы ничего не поймете, а я ничему не поверю.
И зачем говорить, если это всего лишь усталость?
Осень закуталась в ад сигаретного дыма.
Все поправимо...
Все, только нам ничего не осталось,
Только мечется сердце, как солнечный зайчик,
Испуганно бьется у Вас на раскрытой ладони.
Седое
Отражается небо в рыжих глазах кошачьих

И не плачет.
Даже осень привыкла и больше уже не плачет

2.

Притворяясь, что камень в груди ничего не весит,
Перебираю бусы, как четки, почти с молитвой.
В комнате зябнет наотмашь разбитое «вместе»,
Просит накрыть его пледом — оно боится

Боли и света, чего-то, что мы не знаем,
Страшных историй, остывшего пепла, осени.
Тише, пожалуйста. Не трогай его руками.
Сначала приручишь, потом пожалеешь и бросишь.
Не надо любви с горьковатым привкусом жалости.
Ничего не надо. «Вместе» так хрупко — доверчиво.
Только нам до него не хватило какой-то малости,
А это не сердце. Это уже не лечится.

3.

Я живу хорошо. Работа, учеба, люди...
Говорю, что люблю.
А зачем и кому говорю?
Наступает весна...
В общем ворохе серых буден
Все давно решено. Ничего не хочу.
Вечера на двоих: сигареты, мобильник, кофе.
Мне почти безразлично, что будет
Когда-нибудь, после, потом.
Бессонница — время для писем запорошенных судеб.
Перетекание времени в вечность
На диване, в обнимку с котом.
Я вчера поняла, что почти разучилась смеяться.
Что мой книжный мирок разорван
И это несложно забыть.
Я живу хорошо. А вообще — не люблю притворяться!
Я живу хорошо.
Иногда получается жить.

***

Я больше не буду тебе ничего объяснять.
Я уже не уйду и метаться не стану.
В полыхании золота Летнего сада
Горькими травами пахнет закат.
И любить буду тихо, без слез, без истерик.
Не касаясь дыханием света вокруг головы.
Вечно холодный ветер гранитной воды
Рвет паруса и бьется в крылатые двери.
Этот город — Летучий Голландец, закованный в цепи.
Здесь нельзя улыбаться. Здесь невозможно кричать.
Я уже не уйду. Равнодушно плывут на причал
Облака, сквозь колючие ветви.

***

К земле склонялись теплые деревья
Под гроздьями черешневой росы.
Весь сад был ал, и алым было время
Застывшее в предчувствии грозы.
У горизонта громоздились горы,
Оскалившись на раненный рассвет.
Кричали чайки, и шумело море.
...Мне снился сон, в котором тебя нет.

Мне снился сон. Черешневое лето.
Дремучий запах скошенной травы,
И голос чайки на краю рассвета...
— Я не люблю тебя.
— Это не важно. Спи.

* * *

Жалость рождает нежность, потом — безразличие.
Это почти любовь, но немного больнее.
Листья кленовые бьются в ладони по-птичьи —
Ни улететь, ни остаться...

Ольга ТОПРОВЕР

ОРЛЁНОК

Андрей настежь открыл окна Мерседеса и свежий весенний ветер на ходу ворвался в салон вместе с влажным ароматом то ли сирени, то ли каштанов, то ли просто новой зеленой листвы. Андрей не очень-то разбирался в деревьях, но в конце концов, разве так важно, что это за запах? Для него это был аромат победы. Сегодня он наконец-то завершил переговоры, которые вел уже месяцев пять. Разговоры с Рыбаковым, от которого все и зависело, к этому моменту, казалось бы, уже зашли в туиковую стадию. Ленка, секретарша Андрея и большая любительница анализировать, под считала, что только она лично сделала этому неуловимому 157 звонков, ответом на подавляющее большинство которых было «Позвоните позже». Но Андрей все-таки смог повернуть рассуждения в продуктивное русло и убедить Рыбакова, что лучше кандидата для этого помещения не сыщешь. Завтра он едет подписывать окончательный контракт и магазин на Кутузовском проспекте будет в его руках. Андрею давно хотелось расширить сеть своих магазинчиков и переместиться из Ясенево и Измайлово поближе к центру, в престижные места. Кутузовский был просто офигительным началом расширения бизнеса. И не просто Кутузовский: его супермаркет будет в том доме, где когда-то жил сам Брежнев. Кто б Андрею раньше в те застойные времена сказал, что его бизнес-империя распространится на этот знаменитый серый дом! Вот так-то, дорогой Леонид Ильич, пора уступить дорогу: теперь здесь будет хозяйствовать Андрей Александрович! А начиналось-то все всего лишь с маленькой торговой палатки у метро Полежаевская! Все-таки жизнь подбрасывает иногда приятные сюрпризы. Андрей был безумно горд этой сделкой и считал, что имел на это чувство полное право: вот уже одиннадцать лет он работал как проклятый: пора судьбе его и наградить. И в первую очередь — эмоционально! А так, чего греха таить, все у него есть: свой бизнес из четырех магазинов, квартира на Юго-Западе, коттедж за пол-лимона и этот серебристый Мерс, несущий его домой по весеннему солнечному Ленинскому проспекту.

Вдруг... Что это? Прямо перед глазами откуда ни возьмись — велосипед. Быстро! Тормоз! Скрежет шин, рывок, запах паленой резины... Блин, еле успел. Машина остановилась бампером впритык к препятствию. Двухколесный дрогнул и покачнулся, но велосипедист успел удержать его: в один момент оказалось, что его ноги уже твердо стоят на земле. Только теперь Андрей посмотрел на виновника зашкалившего у него уровня адреналина: человек средних лет и среднего роста, в черной вязаной шапочке, спортивной куртке и с рюкзаком за плечами.

— Эй ты, тебе что, жить надоело, придурок? — закричал Андрей, высовываясь из окна.

— Извини, старик, бывает, поторопился, — тот обезоруживающе улыбнулся, махнул рукой, закрутил педалями и был таков.

Какой он, Андрей, ему «старик», этому неудачнику? Урод!

Кто-то сзади нетерпеливо засигналил. Андрей чертыхнулся и тронулся с места. Какая-то мистика: откуда взялся этот велосипедист здесь, посреди Ленинского проспекта? Из улицы Строителей, что ли, выскочил? Откуда вообще берутся такие экземпляры? Самоубийца какой-то: где это видано, чтоб по Москве и на велосипеде! Наверное, больше не на чем, да и даже на Запорожец не заработал! А ведь на вид ему столько же лет, сколько и Андрею, а он все туда же — в черной шапочке, на велосипеде... Бывают же придурки!

Эх, велосипед... Сколько же лет прошло с тех пор, как Андрей крутил педали? В памяти всплыл вот такой же весенний день из детства, когда отец просто так, безо всякого повода подарил ему «Орленок». Синий, блестящий, с красным мягким сиденьем, это был почти взрослый велосипед, не то что «Школьник» у Мишки из соседнего подъезда. Счастью Андрея не было предела, и с «Орленком» он с этого момента почти не расставался — ну, после школы, разумеется. Ощущение свободы, скорости, вот такого же весеннего пьянящего ветра в лицо — все это он впервые ощутил именно тогда, когда они с Мишкой без устали давили на педали, проносясь по переходам, тротуарам и закоулочкам.

Но однажды «Орленка» не стало. Андрей и сейчас помнил этот день до мельчайших подробностей. Мать вручила ему авоську и протянула рубль:

— Андрюш, в доме не с чем чаю попить. Давай быстренько смотай в гастроном и купи килограммчик сахара.

— Ладно, давай, — он был только рад, его не нужно было долго упрашивать, чтобы куда-нибудь поехать. Авоська — на руль, рубль — в карман, а ноги — уже крутят педали.

— Только не по 78 копеек, по 98 бери», — донеслось до него сзади.

Гастроном был небольшой, так что «Орленку» долго ждать не придется. Андрей прислонил его к стене под окном, поднялся по ступенькам, еще раз бросил взгляд на велосипед из окна изнутри и подошел к прилавку. В магазине, кроме него, не было ни единого покупателя. Румяная, с высоким белым накрахмаленным колпаком, продавщица Люся приветственно заулыбалась.

— Снова на велике прикатил, гонщик? — спросила она. — Ну и что тебе на этот раз? Сахарку?

Она взяла бумажный пакет, отвернулась, поколдовала над ним, орудия блестящим совком, и поставила на прилавок пузатенький сверток. Потом взяла из его рук рубль и протянула ему назад монетки. Их было три: двушка и два десюрика.

— Ой, — сказал Андрей, — Что-то много сдачи. Вы мне, кажется, не того сахара насыпали. Мне надо за 98 копеек...

— Гляди-ка, не подходит ему за 78! За 98 ему подавай! Разборчивый покупатель пошел, — добродушно заворчала Люся. — Ну так и быть, давай пакет, и двадцать копеек тоже возвращай.

Не торопясь, она повторила свое шуршащее колдовство с совком и протянула Андрею другой пузатенький, но теперь уже наверняка правильный пакет. Сверток перекочевал в авоську, Андрей буркнул «спасибо» и заторопился к «Орленку».

Но велосипеда у стенки не было. Может, пошутил кто? Андрей огляделся по сторонам — пусто, ни единого прохожего; зашел в соседний

● КОНТРАБАНДНОЕ ЧТИВО

двор — никого; заглянул через ограду в сквер — и там ни души. Велик исчез, растаял, испарился. Дальше Андрей помнил смутно. Сбивчивый рассказ родителям о пустой стене. Поход с отцом в отделение милиции и издевательская усмешка того, с тоненькими усиками, в форме: «Что ж вы думаете, что мы вот тут сейчас всем отделением будем искать ваш «Орленок»? Ну насмешили... Детский сад да и только!» Потом ребята в школе рассказывали, что кто-то там видел, как какой-то пьянчужка вел Андрюшкин любимый «Орленок» в подворотню, но там следы его и терялись. Еще долго он всматривался на улице в лица попадавших на глаза подозрительных личностей: а не этот ли? Еще долго он останавливал взгляд на велосипедах и рассматривал: не его ли это «Орленок», нет ли на раме царапин, знакомых только ему, Андрею. Но велосипед как в воду канул.

Потом, конечно, был другой двухколесный, уже настоящий — для взрослых. И еще много раз гоняли они с Мишкой по улицам. Но такого ощущения кайфа, свободы, полета и ветра в лицо, как с «Орленком», у Андрея уже никогда больше не было. Наверное, в тот момент, когда он вышел из гастронома и уткнулся взглядом в пустую стенку, в какой-то мере закончилось его детство. Он столкнулся лицом к лицу с этим взрослым миром: и это был не тот мир, где учительница литературы Вера Ивановна рассуждала о всемирной справедливости, а тот, где в подворотню навеки уведат твоего лучшего друга. И с концами. И ты остаешься один на один с бессилием, со сжатыми кулаками, со слезами ночью в подушку — чтобы никто не услышал...

Слава богу, сейчас у Андрея не два колеса, а четыре. Он обожал свою машину. Она была его крепостью, его домом, его пристанищем. Вот и сейчас в трудный момент Мерс не подкачал, остановился, выручил.

Андрей уже подъезжал к дому, когда зазвонил его сотовый телефон. Лена. Из офиса. Он поднес трубку к уху:

— Андрей Александрович, только что звонил Рыбаков. Сказал, что у него непредвиденные обстоятельства, он не сможет с вами встретиться, что-то сказал про помещение, про отдать кому-то еще... Не помню...

Андрей даже не стал переспрашивать. Отмочил все-таки Рыбаков в своем стиле! Пять месяцев переговоров, выпивки за его, Андрея, счет, потеря такого количества времени. И все напрасно. Эх, Кутузовский проспект, крушение мечты. По крайней мере, этой. Наверное, кто-то «блатной», за кого попросили, подкатил к Рыбакову в самый последний момент — вот все и решилось совсем не так, как нужно было ему, Андрею. Как же весь этот бизнес его достал! Даже в выходные находят какие-то дела: то офисные бумажки, то проверка магазинов, то мониторинг конкурентов, то разборки с поставщиками. Интересно, когда он устраивал себе выходной последний раз? Это было... пять, нет шесть недель назад. Ну и что? Сидел дома, пил пиво и тупо смотрел телевизор. Вот и сейчас и ветер, и солнце, и запахи эти то ли сирени, то ли фиго знает чего еще — все это доходит до него только из окна, пусть даже из окна любимого Мерса, но все же... Жизнь несправедлива. Конечно, что-то у него все же получается: ездит-то он на серебристом Мерседесе, а не на какой-нибудь подержанной «девятке», и не на велосипеде, как этот придурак в вязаной шапочке. Но не слишком ли большими жертвами все это достается, не в обмен ли на нормальную жизнь — его, Андрея, жизнь?

Снова звонок:

— Ой, Андрей Александрович, извините, я тут, кажется, напутала. Рыбаков звонил еще раз. Оказывается, он сказал, что отдавать помещение никому другому не собирается. Это я неправильно поняла, простите ради бога. Вы же знаете, какой он косноязычный... Я преискурант печатала в это время и не смогла быстро переключиться. Он просто хочет

перенести время встречи попозже на 2 или 3 часа. Сможете, Андрей Александрович? Он просил перезвонить... Ну что молчите, а?

— Пожалуй, Лена, я буду занят в это время, — вдруг неожиданно для себя ответил Андрей.

— Как же, в вашем календаре все свободно, вы ведь все равно весь вечер на эту встречу зарезервировали. Не понимаю, что сказать-то Рыбакову?

— Так и скажи. Буду занят. В магазине буду.

— В нашем магазине, Андрей Александрович? Проверка какая-то? Если там что срочное, то я кого-нибудь еще найду вместо вас. Просто я чувствую свою вину: напутала с этим «отдам помещение — не отдам помещение». Так в нашем магазине-то будете?

— Да нет, не в нашем. В другом. Спортивном. Буду покупать себе велосипед.

— Что-что, не расслышала?

— Велосипед.

— Что-о-о?

— Ве-ло-си-пед, Лена, двухколесный. И вообще завтра я на работе не появлюсь. Вы уж там без меня как-нибудь.

— Конечно-конечно, Андрей Александрович, не волнуйтесь, до свидания.

Андрей подумал, что Ленка в этот момент недоуменно смотрит на опущенную ею трубку, и в ушах у него зазвенел ее голос: «Ну не придурак, а? Десять лет с ним работаю, всякое видала, но такое... Велосипед... Двухколесный... А Рыбакову-то что я скажу? Ну приду-у-урок, а?!» Он представил, как она осуждающе мотает головой, потом оттопыривает нижнюю губу, выпускает из нее воздух и ее русая челка взмывает вверх самым настоящим вопросительным знаком. Да, пожалуй, именно так она и скажет. Именно «придурак». И он захохотал.

Мария ПОЛЯНСКАЯ

ДАЛЬНИЕ ГОРЫ

Эту сказку я хотела бы рассказать одному очень близкому мне человеку, ушедшему однажды в Дальние Горы. Жаль, что он так и не вернулся в нашу деревню, без него мой рассказ будет неполным, но что же делать, если история эта не хочет ждать?

Было это в те времена, когда я еще девочкой была, бегала по воду с маленьким кувшинчиком, не носила длинного платья и смотрела на мир не через черную ткань платка. Вот так давно это было, но уже тогда славилась наша деревня своими девушками, признанными красавицами. Многие приезжали на них посмотреть, а то и посвататься, кому как повезет. Но девушки наши были нравные, выбирали себе пару по любви да по красоте, это не считая богатства, потому что и цену себе знали, и о детях своих будущих думали. Мы, младшие на них смотрели да у них учились. И была среди них одна признанная красавица, каких теперь уж нет — редкой красоты цветок, как говорили старики. Даже не припомню уже, чем она так людей брала, но только равных ей ни в чем не было. Она и на лицо краше, и по душе милее, и на руку искуснее, и в песне светлее других. Но девушки наши ей не завидовали, потому что и сами хороши были несказанно, а еще потому, что тогда среди людей наших зависти как сегодня не водилось. Всякий человек своим хорош, говорили старики, и на всякий товар покупатель сыщется.

Так оно и вышло, но только не так, как старики говорили. Однажды спустился к нам в деревню странник, каких в те времена немало по горам хаживало. Был он не так уж и молод, жизнью потрепан, войнами измучен, держал при себе меч, никому не улыбался и о помощи не просил. Но в нашей деревне странников любят, потому что они на рассказы богаты, и через них мы весь мир узнаем, хотя живем на самом его краешке. Вот и в этот раз старики велели принести ему питья, лепешек, бараньего мяса на косточке, пригласили к огню и приготовились слушать. Странник отведал угощения и расположился с рассказом, и побежали по деревне ребятишки, подхватив его героев, словно и сами сражались в неведомых землях, любили неземных красавиц, жили в богатых дворцах, едали чужеземные кушанья. За стариками и ребятишками подошли девушки, и она пришла — наша красавица, сели рядом, слушают. А он как раз о Дальних Горах стал рассказывать — отсюда и впрямь далековато будет, никто из наших там не был, а он, видать, был, потому что так складно говорил, что мы все заслушались. Летом они зеленые, а зимой белые, озера в них стоят глубокие, прозрачные, до самого дна видать. Земля там родит и не по одному разу, и цветы, и плоды, и виноград, и оливки — все дает, только работай. По вершинам снежные барсы прыгают, по горам архары бродят, так что и охота там знатная, и добыча богатая. Одно в этих горах плохо — прямо за ними — граница, чужие народы живут и наших людей уж очень не любят. Поэтому те, кто там живут, на всю жизнь под ружье поставлены. Дома у них добротные, крепкие, богатые, жены их при достатке, но жизни спокойной нет — каждую ночь приходится мужчинам на ту сторону ходить, границу защищать. Потому и живут они лучше, да меньше нашего вполтину, а то и поболее, сказал странник, и такая тоска была у него в глазах, как будто все бы в жизни отдал, лишь бы туда попасть. И добавил — только туда таким, как я нельзя, — нужно семьей, с женой и детьми идти, тогда и службу дадут, и дом справят, и землей плодородной наделят, и жить бу-

дешь так, как никому не стыдно, но одному туда ход заказан — не выдержишь тягот жизни, не ровен час границу оставишь, а враг — вот он, уже у ворот сидит. Это и тебе позор, и людям — смерть. А так — и ты, и семья твоя — тому порука, что до последней капли крови сражаться будешь, а врагу ни пяди не уступишь.

Что ж, старики спрашивают, не встретил еще ту, с которой в Дальние Горы отправиться хочешь? А он глаза поднял, обвел всех, кто его послушать собрался, и я на всю жизнь запомнила, как они враз синего цвета, как наше небо стали, потому что он нашу красавицу, нашу девочку, как все ее за юность лет звали, увидел. Отчего же не встретил, говорит, он, встретил, и морщины вокруг глаз у него разгладились, и сам ровно помолодел. Я тогда ребенком несмышленым была, а то поняла — встретил он ту девушку, с которой в Дальние Горы на всю жизнь захотел уйти.

Но вот вы спросите, а что же наша девочка, и я вам отвечу. И она в тот же миг поняла, что навстречу судьбе вышла. И в ее глазах я то же прочитала, что в его, только цвета они были другого — темные, словно еловый лес зимой. Ничего она не сказала, но даже старики заметили, что рассказ о Дальних Горах ей в самую душу задал. Правда, не так как другим — не по нраву ей пришлось, что странник говорил — и о том, что жизнь короткая и опасная, и о том, что женщинам не до детей там, и о том, что год за три идет.

В тот день наша девочка ушла, но вечером странник появился в ее доме. А надо вам сказать, что родители девочки были тяжело больны и много лет как прикованы к постели. На хрупких плечах девочки лежал весь дом, а еще младшие братья и сестры, коих было пятеро, и всех она выхаживала, и всех выкармливала — с божьим благословением и с помощью деревни, конечно же — кто скотиной поможет, кто трудом, кто добрым словом. А на жизнь она шитьем зарабатывала — искуснее ее мастерицы во всех наших деревнях не было. Из города модницы к ней по заказы приезжали, некоторые и не по одному разу. Так что бог ее не только красотой, но и добротой и умом не обидел.

Поэтому, когда странник появился в ее доме, наша девочка-умница все поняла. Поклонилась, и к столу пригласила, и с родителями познакомилась, и братьев-сестер показала. Странник все понял, но виду не показал, за стол сел, ест, пьет и с родителями как ни в чем ни бывало разговаривает. Про Дальние Горы ни слова ни словечка не сказал. Посидел, за стол поблагодарил и ушел, а на завтра опять приходит. Тут наша девочка совсем зарделась — видит, что с подарками, по нашему обычаю, все как положено, сватать ее пришел. И тут уже все честь по чести происходит — просит странник у родителей руки их дочери, да не просто так. Я, говорит, хочу вашу дочь с собой в Дальние Горы увезти, построить там дом крепкий, хозяйством обзавестись, детей народить, сколько придется. Бог даст — и вам помогать будем, но только там житье не чета вашему — тяжелое и опасное, старикам да нахлебникам там не место. Замолчал он и ждет. Старики охнули, на девочку беспомощно глядят — привыкли, видать, что она в семье главная, как скажет, так и будет. А она и глазом не повела и отвечает страннику, что, мол, сегодня родители устали, а завтра будет день новый, будет и мудрость ответ дать. И опять все честь по чести, как будто и слова про Дальние Горы сказано не было. И проводить его вышла, ничего не сказала, но только в лице ни кровинки, бледная луна и то румяней ему показалась, а может, это звезды так лицо выхолодили, кто знает?

Назавтра чуть свет странник уже у дверей стоит при полном боевом сборе. Пригласила его девочка войти, напротив родителей усадила и говорит: не сердись, странник, но так уж у нас заведено, что слово мое в семье не последнее, потому и говорить буду. Что греха таить, пришелся ты мне по сердцу, будь я одна-одинешенька, сиротинка в целом мире — так бы и побежала за тобой, все на свете позабыв. Но только не я сиротинка в этой жизни, а они — и рукой на родителей и братьев-сестер показывает — они без меня не проживут, им только что и останется, что детей в батраки раздать, да самим себя голодом заморить. Как же я с тобой в горы уйду, и в доме крепком заживу, своих детей выращу, пока братья с сестрами в кабале приневолены будут, а родители по дорогам подаяние просить станут? Какая же я дочь после этого, хотя бы и тебе жена, и детям твоим мать? Не могу я их обездолить, так мне и счастье с тобой, словно черствый кусок хлеба, поперек горла встанет.

Сказала и губы сжала, словно лишнего сболтнуть боится, а в лице-то опять ни кровинки, ни живинки не осталось — все в глаза ушло, а глаза огромные, темные, словно еловыми лапами, ресницами принакрытые, в самую душу глядят.

Что ж, отвечает странник, ты свое слово сказала, и я скажу. И на том спасибо, что сердце свое не таишь и отвечаешь откровенно, что думаешь. Стариков и детей чужих в Дальних Горах нам не надобно, но и без тебя мне ход туда заказан. Я тебя неволишь не стану — через год за ответом вернусь, тогда и поговорим. Сказал так и вышел, а девочка без чувств упала — уже тогда знала она, что сердце ее за ним в дорогу потянулось. И так оно и вышло — странник тем же часом деревню покинул, а она как будто жизни с его уходом лишилась — ходит неслышно, глаз на людей не поднимает, на улице не бывает, смеяться и петь перестала, как будто подменили ее. По целым дням дома сидит и словно заведенная, иголкой да ножницами орудует — платья-кафтаны нарядные шьет, оторочки делает, кружевами расшивает. Женихи-то у нее круглый год под окном не переводились, а тут пуще прежнего наезжать стали — и из окрестных деревень, и из города, но только она ото всех таится, подарков не берет, слов не слушает, калитку на запоре держит. А их это, видать, еще больше подстегивает — так и едут на ее красоту полюбоваться. А у нас в деревне на это смотрят и посмеиваются — знают, что она странника своего ждет.

Год пролетел, а мы и не заметили — только смотрим, опять в нашу деревню странник пожаловал. Время ему нипочем — лишь седых волос прибавило, а так и телом крепок, и духом силен. Только со стариками поздоровался и сразу к девочке — встал у калитки, ответа ее ждет. Она его в дом приглашает, а он не идет — говорит, я за ответом пришел, а не за угощением. Идешь ли за меня замуж в Дальние Горы, без семьи, без родителей, без братьев-сестер, новую жизнь начинать, к старой не возвращаться. И опять она лицом побелела, еле на ногах держится, и так ему отвечает: люблю тебя, странник, всем сердцем девичьим люблю, как отца-мать никогда не любила, всей душой человеческой люблю, как братьев-сестер никогда не любила, всем телом люблю, как никого никогда не любила, но только счастье такое мне заказано — не могу я их на смерть голодную, да на судьбу чужеродную оставить. Прикажи нам всем миром за тобой идти, и как дитя неразумное за тобой побегу, вместо лошади в телегу впрягусь, лишь бы с тобой быть, прикажи здесь свадьбу сыграть — с утра до вечера над шитьем не разогнусь, на все заработаю, лишь бы тебе угодить. А так мне с тобой ни дороги, ни счастья нет.

На всю деревню заскрипел странник зубами, помолчал и так ответил: ты свое слово сказала, и я скажу. Мне в Дальних Горах чужой скарб без надобности, да и здесь жить — не велик почет, но и без тебя мне жизни нет, одна дорога осталась — ждать тебя, куда родители твои живы, куда твои братья-сестры беспомощны. Жить подле тебя буду, любить тебя, как жену невенчанную буду, с оружием наготове спать буду, чтобы как час мой пробьет, немедля в Дальние Горы выступить.

Вся деревня ахнула, а она ему в ноги поклонилась и ответила: будь по-твоему. В тот же вечер ушли они жить в хижину у реки, что нашим миром для бесприютных и бездомных поставлена. Старики и сказать ничего не успели, как она ему женой стала — утром простыни вывесила, чтобы все видели, косу свою расплела, вокруг головы словно замужня женщина уложила, платком темным покрылась и стала на два хозяйства работать — на родительский дом и на свой. Посудачил у нас народ, поговорил, да и утих бы, только видят — что-то тут не то. Девочка по целым дням над хозяйством бьется, над шитьем глаза портит, а странник палец о палец не ударит — крышу не поправит, в поле земле не поклонится, в лес за дичью или хворостом не промышляет. Утром уходит, вечером возвращается, где был, что делал — никто о том не знает. Кто к ним по делу или так в дом забегал, больше не заходят, уж больно бесприютно — странник велел постелей мягких не устраивать, горницы не украшать, печь не топить, одеждой красивой не обзаводиться, скарбом домашним не обрастать. Меч, тарелка да ложка солдатская — вот и все их добро. Девочка день за семьей своей ходит, а к вечеру к нему возвращается, и нет ей такого счастья краденого слаще, нет судьбы такой позорной милее, нет жизни такой постылой веселее.

Идут так дни за днями, в месяцы складываются, в годы скирдуются, старики умирают, а дети вырастают. Все меняется, только у странника и девочки все по-прежнему. Живут невенчанные, добром не обрастают, детьми не обзаводятся, родственников у них словно и нет вовсе. Странник год от года все строже делается — девочку, говорят, и куском хлеба родительским попрекает, и поколачивать не брезгует — дескать, ты всю мою жизнь загубила — я службу хотел в Дальних Горах нести, семью желал завести, детишек своих кормить, а не чужих приживать, тебе почет и себе медаль на шею, а ты что со мной сотворила — я тебе не муж, а ты мне не жена, ни дома, ни семьи, ни чести, одно позорище. Потому, говорит, не видать тебе ни постели мягкой, ни ласки мужниной, ни детей, ни почета, что сама посеяла, то и пожинай. Мне от твоей любви тяжело, а без нее никак — вот и сию, словно калека обездоленный — ни себе не хозяин, ни тебе.

А девочка все терпит, все надрывается, семью свою большую тащит, только и родителям большой радости от такой жизни нет, словно у дочери в долг живут, и братья-сестры на нее глаза поднять боятся, одним словом, страшно на них смотреть стало. Да и им легче, когда никого рядом нет — некому глаза правдой уколоть. Жить стали уединенно, ни с кем дружбу не водят, сами по себе. И то правду сказать — девочка изменилась — слова не скажет, не взглянет лишней раз, не улыбнется, к калитке не подойдет. Угрюмая, ровно старуха столетняя, всегда в черном, руки при шитье, иголками исколоты, спина от работы надломилась, когда по деревне идет, дети разбегаются. Одна я ее не боялась — бывало, подойду, а она еле заметно так улыбнется, будто лучик солнца на ее лицо случайно забрел, и опять тучами все заволочло, так в горах часто бывает —

вмиг погода переменится, и вот уже буря и холод, а только что ясно было. Погладит меня по голове — а рука-то жесткая, неласковая, и дальше пойдет.

Так бы все и позабыли, что прахом пошло, то быльем поросло, да только в то лето столько всего случилось. Я уже в свои девичьи годы возшла, я хорошо помню. Лето стояло сухое и ясное, редко такое выпадает, в горах сухостой трещал, трава повыгорела вся, от солнца чуть что тлеть начинала. Уже и старики дождя просили, и священники службу служили, а вода небесная все нейдет и нейдет, как будто ее повыманили всю. Но как-то раз к вечеру стало небо темнее обычного, все вдалеке заклокотало, словно ураган начинается. Ребятишки обрадовались, дождя ждут, а взрослым неуютно как-то, как будто не к добру все это. Так оно и вышло, когда в небе первая молния сверкнула и как о землю ударит, так что все вокруг вспыхнуло. А дело в том, что молния прямо в дом, где родители девочки жили, попала, ровно метился кто оттуда, с вышины. Дом в одну минуту как свечка стал — пламя до небес рвется, на всю округу светит. В окнах тени человеческие метнулись, вспыхнули и пропали. Пока девочка с реки прибежала, их уже на этом свете не было — одно пламя дом выжигало. Стоит она как пьяная, качаясь, глазами безумными вокруг водит, так что к ней и подойти страшно, потом с собой совладала и к себе побрела. О ту пору и странник в деревню вернулся и напрямик к пожару направился. Ничего не сказал, только рукой кому-то погрозил и сразу к реке. Подходит к дому и видит — стоит девочка по пояс в реке и руками что-то под юбкой у себя щупает, словно ищет. А к тому времени уж дождь вовсю хлестал, река вздулась, как парусина, вода несетя, накатывает, так и норовит с ног сбить. Странник руки к небу поднял и кричит: наконец-то, моя взяла! Никого у тебя не осталось, кроме меня, прибрал их господь к рукам. А уж как я просил, как на коленях стоял, счастья своего вымалывал. Каждую ночь с мечом вокруг их дома ходил, ради тебя только и щадил, что ты их выше жизни нашей поставила, каждый день погибели им желал, только что не проклинал. И явил мне бог милость — забрал их к себе под свою небесную заботу, тебя и меня от них освободил. Ничто нас теперь не держит, сегодня же в Дальние Горы уйдем, а как на месте окажемся, все тебе сторицей верну — и дом полная чаша, и дети, и достаток, и почет, и уважение — все для тебя будет, даже смерть моя — и та тебе на благо пойдет!

А девочка на него смотрит, руками под юбкой шарит и молчит. Но только странник к реке шаг сделал, как по воде будто волна пошла, камни на берег выволокла, в реку войти не дает. А девочка руки из-под воды подняла и что-то страннику протягивает, на красный кусок мяса похоже, а сама говорит: и вправду — ничто нас теперь не держит. И вправду — никого у меня теперь нет — ни родителей, ни родственников, ни мужа, ни ребенка. И вправду — ничего у меня теперь не будет — ни дома, ни семьи, ни детей, ни почета, ни даже смерти доброй. Посмотрелась я сегодня в воду и себя не узнала — высохла красота моя, груди опали, руки узлом завязались, лоно закрылось, сердце очерствело. Вроде и жила как с мужем, а хуже чем с врагом — заботы о себе хозяйской не видела, ласки нежной не помнила, слова доброго не слышала. Ты мне хуже насильника был — за что ночью ласков был, за то днем по лицу бил, за что любил, за то наказывал. Ребенка мне дать и то пожалел, да тут я по-женски догадлива оказалась — опоила тебя как-то раз вином привозным и понесла. Таилась от тебя, но, видно не судьба, — как услышала сегодня, как моя родная плоть в доме от огня кипит, так и скинула ребенка. Не судил мне господь с тобой счастья, не судил мне с тобой ре-

бенка, не судил мне горы дальние и годы долгие, а судил мне одно горе и кровь. А теперь не ходи за мной, не хочу я тебя больше ни видеть, ни слышать, ни знать о тебе ничего. Умерла моя любовь к тебе, износилась, как та рубашка, в которой я к тебе в нашу первую ночь пришла, истлела, как то полотно, которое я вместо постели на холодный пол положила, выдохлась, как то вино, которым я тебя из уст в уста поила. Ничего нашего в этой жизни не осталось, ни кровинки, ни живинки.

И в эту минуту по реке словно вал водяной пошел — высотой с дом, в тине, в камнях, в грязи, до девочки докатился и рухнул, как будто и не было. Странник в воду кинулся — а там пусто, река бурлит, камни за собой волочет, помаленьку успокаивается. Странник по воде руками шарит, по берегу мечется, волосы на себе рвет, мечом машет, а толку нет — что река взяла, то обратно не отдаст. Наконец понял он, что пусто это, сел он на берегу, закрыл лицо руками. Дождь по нему хлещет, а он сидит, не шелохнется. К утру, однако, просветлело все, природа вокруг ожила, один он как мертвый пенек после грозы остался. Старики ему хлеба и вина вынесли и говорят: нет тебе места среди людей, нет тебе места среди мертвых. Иди свою дорогу искать — посередине. Странник и впрямь точно неживой был — хлеб и вино принял, а есть не стал, хлеб разломил, в землю положил, вином залил, как будто могилу сделал. Сверху меч воткнул и прочь пошел, так что его больше у нас не видели. Говорят, с тех пор в Дальних Горах призрак объявился — к врагам беспощаден, голыми руками воюет, никого не убоится, даже дьявола. Говорят, присужден он Господом вечно в ненависти жить, вечно чужой крови алкать, вечно вокруг одно дьявольское наущение видеть до тех пор, покуда его дева с крошечным ребенком в руке не пожалеет. С тех пор, говорят, в Дальних Горах женщин и детей не стало — уходят туда только те, кто жизнь свою земную за спиной оставил и к смерти уготовился. А со мной так было — и замуж вышла, и ребенка родила, только это уже совсем другая сказка, не вам предназначенная и не мной рассказанная. Моя на том закончилась, что и меня мой призрак в Дальних Горах ожидает, и у него вся жизнь — вечность впереди.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «СОВРЕМЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В ИНТЕРНЕТЕ» (LITSERIES.RU)

Самое амбициозное и пока ещё недорогое издательство Москвы приглашает новых авторов!

Издательство «Современная литература в Интернете» организовано опытными специалистами, и поэтому мы хорошо знаем, как напечатать книгу, которая осчастливила бы автора и доставила бы удовольствие читателям. Всем нашим авторам предоставляются приятные бонусы: при выпуске книги они получают бесплатно ISBN, оформление обложки (по материалам заказчика), доставку до подъезда в пределах Москвы и распространение в магазинах (на этот счёт у нас давно налажены связи с магазином «Библиоглобус» — одним из самых больших в Москве). Кроме этого, интернет-магазин «Библиоглобус» рассылает издания книг не только по России и ближнему зарубежью, но и по всему миру. Предлагая книги в магазин, издательство не берёт никакой платы за свои услуги; таким образом, вся прибыль от издания книги достаётся автору.

Но продажи редко зависят от одного лишь факта попадания книги в магазин, гораздо важнее то, как Вы организуете рекламную кампанию. Если Вам нужен сайт в поддержку книги, то наши специалисты могут помочь в его разработке и продвижении (подробнее — см. сайт нашей веб-студии). А если Вы сочтёте необходимым публикацию критических статей об изданной книге в средствах массовой информации, то мы можем помочь Вам и в этом. Наше издательство может предложить несколько вариантов проведения рекламной кампании (сами мы предпочитаем Интернет-рекламу — как наиболее дешёвую и эффективную).

Деятельность нашего издательства регулярно освещается в СМИ, а изданные книги номинируются на различные литературные премии («Национальный бестселлер» и т.п.). Кроме того, мы имеем возможность организации презентаций книг в клубах Москвы и некоторых других городов. Именно на презентациях, как правило, удаётся успешно продавать книги людям, привлечённым тематической рекламой на сайтах и в социальных сетях.

Публикацию в журнале или сборнике можно назвать экономичным способом издания не только потому, что он дешевле, чем выпуск книги, но и потому что издательство берёт на себя все расходы и хлопоты по продвижению и рекламе сборника. К началу 2010 года наше издательство выпускает три периодических издания — * Литературный журнал «Контрабанда», хрестоматию «Музыка в переплёте» (стихи, рассказы и статьи, посвящённые музыке) и «Кошкин альманах» (сборник забавных стихов и рассказов о кошках). Участие в сборнике платное, имеет место строгий отбор материалов, литературное редактирование и корректура текстов.

Наши услуги можно заказать в любой точке России и за рубежом, воспользовавшись электронной формой, расположенной на сайте. Для удобства клиента мы организовали постоянно растущую сеть региональных представительств в различных городах России. Это позволяет нам избавить Вас от хлопот по оплате и получению заказа: всё это возьмёт на себя наш представитель в регионе.

Заказать расчёт на издание книги можно на сайте Litseries.Ru. К каждому литературному проекту мы относимся индивидуально!

Хрестоматия «Музыка в переплёте» (по материалам конкурса «Бекар»). Хрестоматия «Музыка в переплёте» выпускается издательством «Современная литература в Интернете» по итогам семи лет истории конкурса «Бекар». К участию в хрестоматии не допускаются тексты, в которых никак не отражена тема музыки. В сборнике могут участвовать как авторы, участвовавшие ранее в конкурсе, так и те, кто в нём не участвовал. Стоимость публикации в хрестоматии — 300 рублей за полосу формата А5 (для прозы это около 1600 знаков, для стихов — 40 строк, включая заглавие, имя автора и пустые строки).

Работы, вошедшие в шорт-лист конкурса «Бекар», могут быть опубликованы с 25% скидкой. Работы лауреатов прошлых лет (2002-2007) будут опубликованы бесплатно по выбору редакции хрестоматии. Прочие работы будут рассматриваться в общем порядке.

Кошкин альманах. Сборник стихов и рассказов «Кошкин альманах» будет выпущен издательством «Современная литература в Интернете» в первой половине 2010 года в поддержку сборника поэта Михаила Придворова «Кошкина книга». К участию в хрестоматии не допускаются тексты, в которых никак не отражена тема кошек :)

Стоимость публикации в хрестоматии — 300 рублей за полосу формата А5 (для прозы это около 1600 знаков, для стихов — 40 строк, включая заглавие, имя автора и пустые строки). Все книги будут распространяться по книжным магазинам России — таким, как торговый дом «Библиоглобус», книжный магазин Литературного института имени Горького и т.д. Планируется организация презентаций хрестоматии в Москве, Петербурге, Ярославле и Киеве. В стоимость публикации включены корректура и редакция текста. Автору высылаются один авторский экземпляр хрестоматии (с доставкой за счёт издательства). При желании автор может купить любое количество экземпляров со спецскидкой 10%.

Для того, чтобы подать заявку на участие в хрестоматии, просим прислать по адресу karakovski@gmail.com Вашу краткую биографию, фото в типографском разрешении и текст произведения. Редакция имеет право отказать автору в публикации без объяснения причин.

НА ПРАВАХ РЕКЛАМЫ

НЕКОММЕРЧЕСКОЕ ПАРТНЕРСТВО «ИЗДАТЕЛЬСТВО «РОДОВЫЕ ПОСЕЛЕНИЯ». Журнал «Родовое имение» это социальный, культурно-просветительский проект, направленный на аккумулирование и распространение позитивно-конструктивной информации, касающейся всей жизнедеятельности Человека.

Издание было организовано в 2003 году. Аудитория это люди с активной жизненной позицией в разных целевых аудиториях. С 2008 года журнал выходит с обновленной расширенной концепцией, и можно выделить следующие направления в тематике: наши истоки — дела и биографии людей различных поколений, которые внесли свой вклад в золотую копилку позитивного опыта человечества. Молодежь сегодня наработки молодых, их стремления, опыт, желания. Создание новых тенденций в развитии человечества; Экология жизни Человека — прикладная практическая информация, касающаяся всего образа Жизни Человека. Концепция издания «Родовое имение» является уникальной и поддерживает каждого участника проекта в его индивидуальности, проявлении его собственных качеств, умений и дел, приглашая поделиться успешным опытом своей жизни уже на протяжении 7 лет.

Приглашаем познакомиться с нашими проектами: realityplus.ru
Тел./факс (495) 637-28-11, (926)148-64-74
www.rodimienie.ru
E-mail: rodimienie@yandex.ru